

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФ

10

2014

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФ

Letum non omnia finit
Sextus Propertius

2010

№ 1 – «Память» (Исторические сборники, 1976/78–1981/82)

№ 2 – Сергей Дягилев (и другие)

2011

№ 3 – «Звенья» (Новые альманахи, 1991–1992)

№ 4 – «За вашу и нашу свободу» (Сесиль Вессье, etc.)

2012

№ 5 – «In memoriam» (Треугольник в квадрате, 1995–2000<2005>)

№ 6 – Игорь Стравинский (и другие)

2013

№ 7 – Корней Чуковский (и другие)

№ 8 – Сергей Прокофьев (и другие)

2014

№ 9 – Александр Солженицын (и другие)

№ 10 – Евгений Гнедин (Мир как война за мир без войны)

Готовятся к изданию:

№ 11 – «Память» (Новые материалы)

№ 12 – Иосиф Бродский (и другие)

Издатель выражает надежду,
что заинтересованные лица – участники событий и коллеги-исследователи –
не замедлят присылать авторам и составителям наших сборников
свои замечания и поправки

ИЗДАТЕЛЬ СЕРГЕЙ ДЕДЮЛИН / EDITEUR SERGE DEDULINE
(inrusseparis@yahoo.fr)

ИЗДАНИЕ АССОЦИАЦИИ «РУССКИЙ ИНСТИТУТ В ПАРИЖЕ»

© INSTITUT RUSSE DE PARIS, 2014

ВЕРСТКА / MISE EN PAGE 3F SARL (fffanya@free.fr)

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФ

Letum non omnia finit
Sextus Propertius

10
2014

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
АССОЦИАЦИИ В ПОДДЕРЖКУ НЕЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ
«ОКО»

PUBLIÉ AVEC LE CONCOURS DE L'ASSOCIATION
DE SOUTIEN À LA PRESSE INDÉPENDANTE «ОКО»

НОВЫЙ БИБЛИОГРАФ

Letum non omnia finit

Sextus Propertius

10

2014

ЕВГЕНИЙ ГНЕДИН МИР КАК ВОЙНА ЗА МИР БЕЗ ВОЙНЫ

Содержание

С.Д. – Сорванная публикация: 35 лет спустя (От составителя)	2, 28, 34
Е.Гнедин – Из истории отношений между СССР и фашистской Германией (Документы и комментарии)	4
От редакции (Краткая биографическая справка)	29
Примечания (Ф.Буркалов <Д.И. Зубарев, А.С. Коротаев>)	30
Е.Гнедин – В Наркоминделе, 1922–1939 (Интервью записал А.Меерович <А.Ю. Даниэль>)	36
Михаил Яновский – Вновь как никогда актуальны: бандитизм и соглашательство в политике	52
С.Д. – К 20-летию издания сборника Е.Гнедина «Выход из лабиринта»	56, 59, 62
<i>Приложение</i>	
Лидия Чуковская – Слово над гробом	57
Александр Некрич – «Он не боялся смотреть правде в глаза...»	58
С.Д. – Кончина Евгения Гнедина. – Прошедший сквозь лабиринт. – Основные работы Евгения Гнедина	60

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ ВЫПУСКА СЕРГЕЙ ДЕДЮЛИН

С.Д. СОРВАННАЯ ПУБЛИКАЦИЯ: 35 ЛЕТ СПУСТЯ (От составителя)

На рубеже 1970-х – 1980-х годов в Самиздате выходили в свет ежегодные сборники «Память»: единственное на родине независимое историко-научное издание (подробнее см. о нем: «Новый библиограф», № 1, 2010). Первый том (1976) вскоре появился и в типографском виде на Западе заботами известного деятеля «третьей эмиграции» Валерия Чалидзе в его изд-ве «Хроника-пресс» (Нью-Йорк, 1978). Издать следующий том (1977) возникла возможность в непосредственной географической близости к зарубежному представителю редакции, Наталье Горбаневской, а именно в Париже – в изд-ве YMCA-Press (1979).

Самиздатские редакторы в Москве и в Ленинграде чрезвычайно внимательно отнеслись к вопросу перевода вызвавшего интенсивный общественный интерес нового сборника к другому издателю: Лариса Богораз и Александр Даниэль, Сергей Дедюлин и Арсений Рогинский не раз всесторонне обсуждали эту проблему. Ей посвящены как минимум два с дипломатической тщательностью составленных письма из Москвы в Париж к Н.Е. Горбаневской (более краткое и личное написано Ларисой Богораз, а более досконально-обстоятельное при участии Арсения Рогинского – Сергеем Дедюлиным). В них с одной стороны ставится задача ни в коем случае никак не огорчить первоиздателя (с которым у редакции были все же некоторые средостения, хотя в целом В.Н. Чалидзе вел себя исключительно корректно, и самиздатчики на родине были ему безусловно признательны), а с другой – обсуждаются резонные опасения, что принципиальная концептуальная независимость редакции рискует так или иначе прийти в противоречие с определенным идейно-мировоззренческим курсом православного издательского дома в Париже. (Эти эпистолярно-архивные документы ныне частично подготовлены к публикации Барбарой Мартен и Антоном Свешниковым [в печати].)

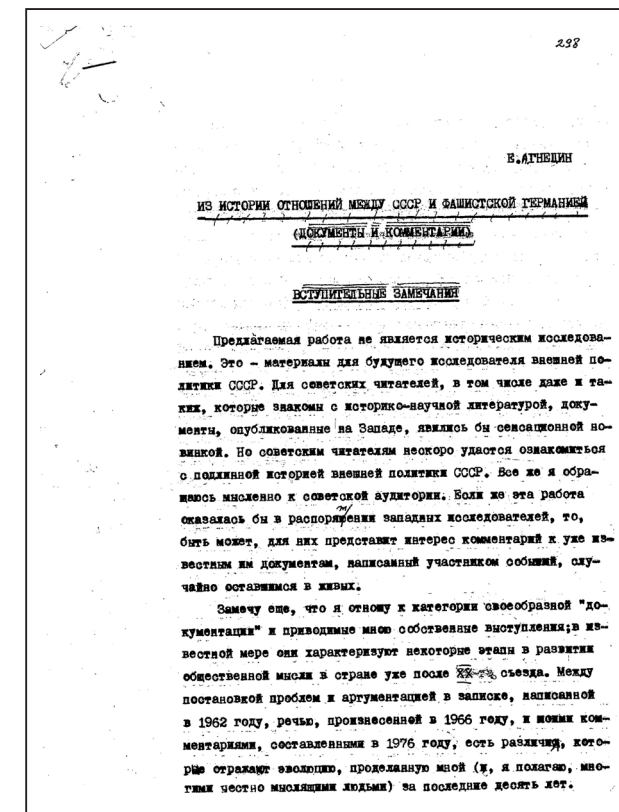
В ответ, со свойственным ему эмоциональным напором, сам как оказалось весьма заинтересованный в курировании такого солидного нового

начинания, Владимир Аллой (тогда фактически второе лицо в издательстве после Никиты Струве и только что даже приглашенный на формальный пост директора YMCA-Press; еще по Ленинграду давний приятель Сергея Дедюлина, сведшего его со своими друзьями, будущими соредакторами «Памяти», Арсением Рогинским и Александром Добкиным, лишь накануне отъезда того в эмиграцию), изо всех сил уверял, что платформа издательства на самом деле более широка и терпима, чем кажется со стороны, а что он сам лично в особенности будет следить за соблюдением интересов дружественной ему не только принципиально, но и биографически редакции.

В самом деле плюсы от перевода в YMCA-Press важного трудоемкого «проекта» (как сказали бы десятилетием позднее) были очевидны; в аккуратности обоих руководителей издательства оснований сомневаться никаких тогда не было, да и редакторам «Памяти» была ясно видна действительно мудрая гибкость линии Н.А. Струве, который находил возможности для издания – наряду с особо близкой ему литературой – также и иных авторов (как, например, Лидия Чуковская, Владимир Войнович, Эдуард Кузнецов)...

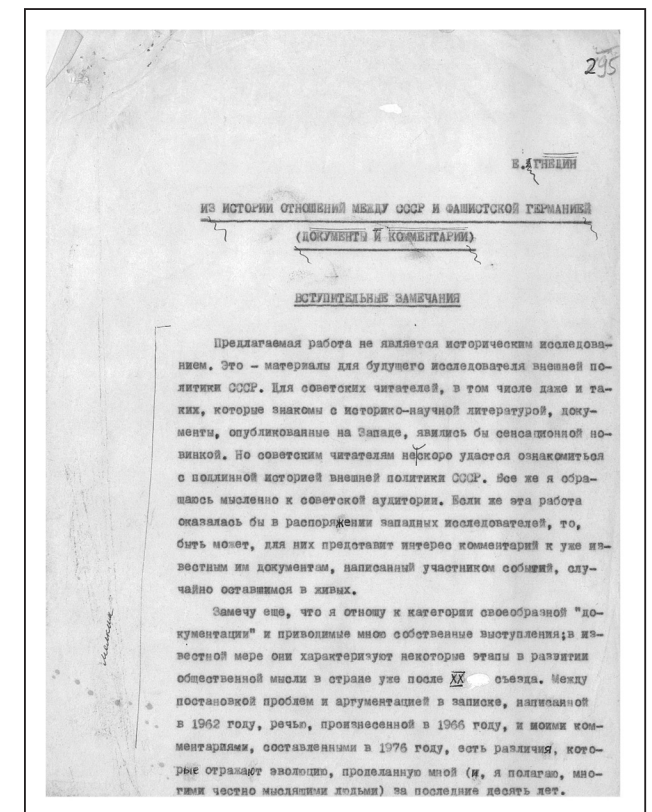
Все будто бы шло как нельзя лучше. Поначалу вызывал лишь недоумение необъяснимый факт такого же длительного затягивания производственного процесса, какое имело место и при издании первого тома вдали за океаном (те же два года вместо ожидаемого одного). Однако в последний момент, уже перед назначенным приходом тиража из типографии, В.Е. Аллой известил российскую редакцию, что ввиду издания в Нью-Йорке в 1977 отдельной брошюрой историко-политического труда Е.А. Гнедина (хотя и «в голом виде», без редакционных комментариев), парижское издательство лишено возможности, пускай и два года спустя, поместить у себя такой же текст...

Дошедшая наконец на родину типографская новинка вызвала, естественно, сперва крайнюю радость у самиздатских авторов и редакторов: внешний вид второго тома был великолепен, не идя ни в какое сравнение со ставшей теперь очевидной скромностью заокеанского первого опыта.

Лишь через некоторое время отечественные участники издания заметили (на деле они поначалу просто не верили своим глазам), что в томе не хватает и еще одного немаловажного материала, уже из раздела по истории религии: *Еп. Андрей (кн. А.А. Ухтомский) о путях пореволюционной церкви. Публикация М.Поповского. Послесловие К.Лазарева <К.М. Поповского>*, о снятии которого никакой речи не шло (о купюрах в сравнении с самиздатским оригиналом – в типографском варианте сборника ничего не было сказано). Действующая на родине редакция из деликатности не стала просить объяснений по этому вопросу, и лишь при личной встрече в Париже в 1981 С.Дедюлин спросил В.Аллой – как же такое могло произойти (эта утрата текста, кроме того, вызвала и целую серию трехсторонних объяснений с его публикатором М.А. Поповским). В.Е. Аллой с невозмутимостью отвечал, что тут категорически против высказался Н.А. Струве (ни о чем подобном российская редакция никогда не была извещена).

Чем бы ни объяснялся срыв обеих публикаций, в особенности – тщательно отредактированного и прокомментированного при включении в сборник «Память» труда Е.А. Гнедина (см. мою мотивированную точку зрения на это в главе из книги «Помнить и вспомнить». – «Новый библиограф», № 1, 2010), но непоявление именно той и именно в тот исторический момент *квалифицированной* публикации привело *по сути* к выпадению гнединского исследования из научного оборота. Лишь в этом году в хранившихся в Париже архивных россыпях

были обнаружены, причем обе – получерновая и чистовая – редакционные машинописи и самого текста Е.А. Гнедина, и комментариев к нему; нигде больше: ни в российских, ни в зарубежных собраниях – именно этой окончательной версии самого труда и вообще какой бы то ни было версии комментариев к нему *до сих пор не найдено*.

Благодаря только что осуществленной находке недоступного на протяжении тридцати пяти лет полного текста выверенной и отрецензированной публикации, работа Е.А. Гнедина «Из истории отношений между СССР и фашистской Германией» наконец-то может быть обнародована в том виде, в котором была подготовлена для самиздатского сборника (но исключена из тамиздатского его повторения). Текст печатается по второй, окончательной его редакционной версии, носящей смысловой – А.Б. Рогинским, и обильной технической – С.В. Дедюлиным и А.И. Добкиным; два машинописных оригинала, с неизвестными разночтениями, оба подготовленные уже для типографии Н.Е. Горбаневской, ныне хранятся в Бременском архиве. Заодно, для полноты, мы воспроизводим и текст второй работы Е.А. Гнедина (из вып. 5 сборника «Память»), а также некоторые сопроводительные материалы.

Е. Гнедин ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ (Документы и комментарии)

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Предлагаемая работа не является историческим исследованием. Это – материалы для будущего исследователя внешней политики СССР. Для советских читателей, в том числе даже и таких, которые знакомы с историко-научной литературой, документы, опубликованные на Западе, явились бы сенсационной новинкой. Но советским читателям не скоро удастся ознакомиться с подлинной историей внешней политики СССР. Все же я обращаюсь мысленно к советской аудитории. Если же эта работа оказалась бы в распоряжении западных исследователей, то, быть может, для них представит интерес комментарий к уже известным им документам, написанный участником событий, случайно оставшимся в живых.

Замечу еще, что я отношу к категории своеобразной «документации» и приводимые мною собственные выступления; в известной мере они характеризуют некоторые этапы в развитии общественной мысли в стране уже после XX съезда. Между постановкой проблем и аргументацией в записке, написанной в 1962 году, речью, произнесенной в 1966 году, и моими комментариями, составленными в 1976 году, есть различия, которые отражают эволюцию, проделанную мной (и, я полагаю, многими честно мыслящими людьми) за последние десять лет.

Первые годы после XX съезда казалось (пожалуй, дольше, чем следовало), что можно путем публичных выступлений и письменных обращений к правительству ускорить процесс обновления, косвенно способствовать тому, чтобы обществу и здравомыслящей

части государственного и партийного аппарата стало ясно, что необходима полная перестройка жизни в стране. Казалось, что можно установить историческую истину, а также предотвратить беззаконие (в особенности использование судебной процедуры для репрессий), что можно побудить «власть имущих» содействовать установлению истины и справедливости. То обстоятельство, что не были окончательно изжиты иллюзии или, во всяком случае, они фигурировали в качестве некой «рабочей гипотезы» при обращениях в официальные инстанции, сказалось и на форме таких документов. Они составлены на привычном для партийно-правительственного аппарата языке. Эти черты присущи и помещенным ниже моим запискам и заявлениям.

Позднее наступило полное отрезвление, и пришла пора переоценки всех ценностей.

Январь 1977

Глава I ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ. ТАЙНЫЕ КОНТАКТЫ С ФАШИСТСКИМИ ДИПЛОМАТАМИ В МОСКВЕ (1933-1938)

В 1962 году мой давнишний знакомый, бывший работник НКВД, а позднее известный журналист-международник, корреспондент «Правды» в Берлине в тридцатых годах, К.Б. Гофман конфиденциально сообщил мне, что в связи с решениями XXII съезда КПСС работники ЦК занялись собиранием материалов о просчетах и ошибках Молотова, в част-

ности, во внешней политике. Я как раз в то время ознакомился с материалами, опубликованными в англо-американском сборнике трофейных документов германского МИД. Вскоре Гофман передал мне просьбу составить для ЦК записку относительно документов, касающихся деятельности германского посольства в Москве. Когда я закончил составление записки, Гофман мне сообщил, что товарищ, затребовавший соответствующие материалы и собиравшийся со мной встретиться, уже не работает в ЦК, а работа, начатая им, свертывается. Записку уже некому было вручать. Жаль, что я не зафиксировал точную дату этих переговоров; это было бы косвенным показателем того, когда аппарат свернул работу, основанную на антисталинских решениях XXII съезда, и когда, предположительно, началась подготовка поворота 1964 года. Черновик записки я сохранил.

Я, естественно, подозревал, что разоблачать до конца преступления Сталина, Молотова и других не станут бывшие проводники сталинской политики или еще работавшие в МИД бывшие прямые пособники Молотова. Поэтому я не включил в «Записку» обобщенные выводы и ограничился анализом дипломатической переписки германского посольства в Москве. Понятно, что в 1976 году я иначе изложил бы свои мысли, даже адресуясь в ЦК КПСС. Но я ничего не меняю в «Записке», которая, во всяком случае, содержит материал, помогающий оценить пакт Сталина с Гитлером 1939 года в свете предыдущих политических маневров Сталина и его окружения. Дополнительные же соображения и замечания вынесены в комментарий, следующий за текстом «Записки».

В ЦК КПСС

О документах, характеризующих тактику и связи фашистских дипломатов в Москве в 1933 г. и в 1938 г.

В соответствии с переданным мне поручением мною были сделаны выборки и переводы некоторых документов из секретной переписки германского посольства в Москве с германским правительством, опубликованной в собрании германских дипломатических документов, захваченных американцами в конце войны (Documents on German Foreign Policy, Serie C, vol. II, Serie D, vol. IV. London 1959, 1951. Документы германской внешней политики, Серия С, т. II, Серия D, т. IV.

Лондон, 1959 и 1951).

Перевод документов я сопровождал самыми необходимыми примечаниями справочного характера и краткими комментариями. Должен подчеркнуть, что окончательная оценка содержания приводимых документов может быть дана только после их сопоставления с другой документацией. Прежде всего их надо сопоставить с хранящимися в наших архивах документами секретариата ЦК и НКВД (МИД) СССР, касающимися тех же событий и, возможно, тех же дипломатических контактов. Кроме того, надо иметь в виду, что подбор документов в американско-англо-французском издании имел тенденциозный характер и часть документов издателя, вероятно, утаили.

Наконец, при толковании текста надо учитывать, что перевод на русский язык сделан с английского перевода немецкого текста.

* * *

Два нижеприведенных документа содержат записи бесед тогдашнего германского поверенного в делах, советника посольства в Москве фон Твардовски¹ с его «советским другом», по выражению Твардовски. Беседы состоялись 20 октября 1933 и 24 октября 1933.

В эти дни происходил процесс о поджоге рейхстага; героические выступления Димитрова вызвали внимание и восхищение во всем мире; во всех странах нарастало движение против фашизма, в частности приведшее через полгода к созданию Народного фронта во Франции.

Советские журналисты не были допущены на Лейпцигский процесс, подверглись репрессиям и выехали из Германии; германские журналисты были высланы из СССР.² В связи с этим конфликтом ТАСС сообщил 1 октября 1933, что нота германского МИД от 29 сентября фактически оправдывает репрессии против советских журналистов и произвела неблагоприятное впечатление на советские правительственные круги. Помню, что редакция «Известий», где я работал, поручила своему берлинскому корреспонденту Л.Кайт давать информацию о процессе из Праги, а я систематически атаковал ведение процесса фашистами в кратких редакционных статьях за подписью «Е.Г.». «Правда» получала боевые корреспонденции от М.Кольцова из Парижа.

19 октября 1933 германское правительство официально уведомило о своем выходе из Лиги Наций и конференции по разоружению; тем самым оно обеспечило себе полную свободу рук в подготовке войны.

На другой день после этого события советник гитлеровского посольства в Москве Твардовски посылает нижеследующую телеграмму шифром своему правительству (№ 477, Собрание документов. Серия С, т. II, стр. 884-885):

Наш советский друг пожелал со мной встретиться. Он сообщил: «Атмосфера сильно ухудшилась. До конца процесса о пожаре рейхстага трудно ждать улучшения. Надо не допустить, чтобы конфликт из-за журналистов ускорил подобный ход дела, потому что здесь, как, возможно, и в Германии, действуют силы,

стремящиеся углубить конфликт». Литвинов³ сам составил проект направленной мне ноты. Но по сравнению со сложившейся здесь обстановкой она была необычно мягкой и уже указывала на возможность разрешения конфликта...

Фон Твардовски спросил своего собеседника, как тот оценивает перспективы, и излагает его ответ:

Конфликт как таковой, конечно, не может быть разрешен в настоящее время; только в рамках более широкой акции может проявиться атмосфера между Германией и Советским Союзом и могут восстановиться прежние отношения. Затем он спросил, каково положение с поездкой Крестинского⁴.

Твардовски так излагает в телеграмме свой ответ «советскому другу»:

Дабы быть в состоянии подготовить это (встречу Крестинского с немцами при проезде через Берлин. – *Е.Г.*), я прошу нашего друга сообщить мне как можно быстрее, проедет ли Крестинский через Берлин и получит ли он разрешение Литвинова или другого авторитетного лица начать переговоры с целью очистить атмосферу. Мой информатор заметил в этой связи, что он представляет себе завершающий шаг в виде весьма короткого заключительного протокола следующего содержания...

(Далее излагается проект документа примирительного содержания, свидетельствующий, что информатор фон Твардовски был компетентным лицом. – *Е.Г.*). Фон Твардовски добавляет: он предупредил собеседника, что немцы не проявят инициативы в отношении возможной встречи с Крестинским. (Вероятно, этим Твардовски хотел снять с себя ответственность на случай, если Берлин уклонится от встречи. – *Е.Г.*) В заключение телеграммы говорится:

Оценка беседы: информатор пришел ко мне, имея на то полномочия. Он снова и снова в разговоре отмечал, что конфликт из-за журналистов надо локализовать и решить как можно скорее. Интересно, что несмотря на конфликт, по его мнению, визит Крестинского в Берлин возможен. Мое впечатление: НКВД рассчитывает, что немцы легко уступят в конфликте из-за журналистов и могущая сложиться ситуация не была бы неприятной правительственным кругам, особенно в виду растущего напряжения на Дальнем Востоке. Твардовски.

Для полного понимания этого и последующего документа нужны некоторые пояснения фактического характера.

Поездка Крестинского через Берлин не состоялась. Он поехал из Женевы в Москву через Вену, конечно, в соответствии с инструкциями из Москвы. Это указание дал Литвинов, ведь не он направлял в германское посольство «советского друга» для подготовки примирительного визита Крестинского в Берлин. Как видно из документов, опубликованных в том же сборнике, Заведующий 2-м Западным отделом НКВД Штерн в официальной беседе с германским поверенным в делах прямо сказал, что Крестинский не заехал в Берлин,

потому что момент был неподходящим для советско-германских переговоров. Это заявление вызвало раздражение и жалобы германского министерства иностранных дел. Помню, как-то, разговаривая со Штерном, я уловил, что он обеспокоен тем, что его твердый ответ привел к конфликту. Советскому послу в Берлине Хинчуку⁵ было поручено попытаться ослабить недовольство германской дипломатии, и он утверждал, что Крестинский поехал в Вену лечиться. Но немцы остались при своем мнении. Литвинов в беседе с немцами поддержал объяснение Хинчука. Однако уже 3 ноября 1933 германский посол Дирксен⁶, находясь в Москве, сообщил в телеграмме в Берлин, что Крестинский не заехал в Берлин по указанию лично Литвинова. Видимо, Дирксен получил эти сведения все от того же «советского друга», если не от его высокого покровителя.

Дирксен был в Москве проездом в Токио. Обстоятельства этой поездки также связаны с тайными переговорами, которые вел с германскими дипломатами их «советский друг».

24 октября 1933 Гитлер произнес речь, основной смысл которой, по характеристике «Правды» от 25 октября, заключался в том, что Германия является оплотом борьбы против большевизма и ей должна быть предоставлена возможность вооружаться.

В день произнесения Гитлером его агрессивной речи, 24 октября 1933, «советский друг» фашистского дипломата снова имел с ним конфиденциальный разговор. Ввиду его особого значения телеграмма фон Твардовски об этой беседе ниже приводится текстуально (Английское издание документов, Серия С, том II, стр. 40):

№ 24

6609/E 497277

Поверенный в делах в Советском Союзе –
Министру иностранных дел

Телеграмма

Москва – Октябрь 24 1933; 2 ч. 33 м.

Получено Октябрь 24 1933; 2 ч. 55 м.

IV Ру 4701

Срочно № 239, Октябрь 25

Для посла Дирксена

Наш друг устроил беседу вчера. Он считает, что атмосфера в отношении Германии настолько улучшилась за последние дни, что в связи с последними мероприятиями имперского правительства и особенно после обмена нот с Рузвельтом⁷ (комментарий ниже. – *Е.Г.*) нужен только небольшой толчок, дабы можно было начать обсуждение ликвидации спора. Правда, окончательное прекращение конфликта невозможно помимо Литвинова. Но, тем не менее, нашему другу представляется, что не нужно терять времени и что возможность Вашего прощального визита должна быть использована для возобновления связей. Тогда, может быть, Надольный⁸ сумеет положить конец вражде и для начала подписать небольшой протокол. Поскольку Молотов⁹ отменил свою поездку в Анкару, наш друг специально предложил свое посредничество. Я считаю нужным эти мысли довести до Вашего сведения ранее Вашего отъезда из Берлина. Твардовски.

Ссылка собеседника Твардовски на мероприятия имперского правительства имеет в виду допуск советских журналистов на лейпцигский процесс.

Упоминание об обмене нот с Рузвельтом требует особого разъяснения. Речь шла о том обмене письмами между Рузвельтом и Калининым, который открывал путь к установлению дипломатических отношений между СССР и США. Конечно, не это событие лица, беседовавшие в германском посольстве, могли считать благоприятным для «толчка» к улучшению отношений между СССР и гитлеровской Германией. Речь шла об обстоятельствах, сопровождавших обмен нот между Рузвельтом и Калининым. Германский поверенный в делах и его советский собеседник имели в виду нечто совершенно конкретное. Дело в том, что в сообщении ТАСС, опубликованном 21 октября, было указано, что Литвинов выедет по поручению советского правительства в Вашингтон. Именно этот факт интересовал обоих участников интриги. Действительно, как можно установить по газетам, Литвинов 28 октября 1933 выехал из Москвы в США через Париж, а на другой день, 29 октября, Дирксен прибыл в Москву, последовав совету фон Твардовски и «нашего советского друга».

Смысл интриги заключался в том, чтобы Дирксен оказался в Москве именно в те дни, когда Литвинова в Москве не будет, а Молотов будет в Москве. В телеграмме фон Твардовски имелось прямое указание на то, что информатор специально явился звать Дирксена в Москву после того, как Молотов решил не ехать в Анкару и остался в Москве. Все эти обстоятельства позволяют сделать вывод, что самим Молотовым, либо с ведома Сталина и Молотова, либо по поручению Молотова подготавливалась почва для сближения с гитлеровской Германией как раз тогда, когда она открыто приступила к подготовке войны в Европе; эти шаги Молотова осуществлялись продуманно, за спиной Литвинова, который, как и все деятели коммунистического и рабочего движения, считал после прихода Гитлера к власти центральной и главной задачей борьбу в международном масштабе против германского фашизма и его агрессии.

Если в наших секретных архивах удастся обнаружить указания на то, что встреча в 1933 году с германским поверенным в делах в Москве некоего (издатели английского собрания документов в примечании указывают, что личность собеседника Твардовски установить не удалось) хорошо осведомленного советского работника, ссылавшегося на Молотова, имела место по специальному правительственному заданию, то опускается подозрение в прямой государственной измене. Тем не менее, можно, во всяком случае, констатировать, что закулисные, в тайне от наркома иностранных дел переговоры с фашистскими дипломатами в условиях осени 1933 находились в противоречии с задачей борьбы против фашизма. Именно в те дни разгул фашистского террора, с одной стороны, и выступления Димитрова – с другой, дали мощный толчок международной борьбе против гитлеровского фашизма, открыто начавшего ускоренную подготовку войны. Эти общеизвестные исторические факты (и как раз упомя-

нутое в документах установление отношений между США и СССР) диктовали тогда не поспешные, да еще тайные, контакты с фашистской Германией, а как раз обратное: всемерные усилия по созданию и укреплению антифашистского фронта. Такова и была тогда генеральная линия советской внешней политики.

Упоминание в телеграмме Твардовски о напряженности на Дальнем Востоке, очевидно, связано с тем, что осенью 1933 Япония через Манчжоу-Го захватила КВЖД¹⁰. Однако в 1933 еще не было оси Берлин-Токио (антикоминтерновский акт был заключен лишь в 1936) и даже происходили трения между Германией и Японией. Да и Германия тогда еще не разрешила ни одной из своих задач в Европе и не могла оказать реальную поддержку Японии. Поэтому при положении, сложившемся на Дальнем Востоке, самой важной задачей советской политики в Европе было создание препятствий усилению фашистской Германии и сближению СССР с США против Японии. Таким образом, в 1933 не было и в помине тех факторов и соображений, которые, как считается, могли в 1939 побудить даже к заключению договора с гитлеровской Германией.

Но именно поэтому на основании приведенных выше документов можно сделать вывод, что уже в 1933 Молотов или, во всяком случае, лица, которые имели право ссылаться на него и выполняли его поручения, не были сторонниками активной последовательной борьбы против фашизма и, очевидно, уже тогда видели в такой борьбе «упрощенный антифашизм»¹¹.

В свете приведенных соображений и других данных можно высказать мнение, что содержащиеся в речи Молотова осенью 1939 формулировки, в частности выпады против «упрощенного антифашизма», не были просто дипломатическими фразами, приспособленными к моменту заключения договора с гитлеровской Германией, а отражали сложившееся ранее высокомерное и ироническое отношение к массовой и международной борьбе против фашизма, отношение, назревавшее еще в 1933, то есть задолго до советско-германского пакта в 1939.

* * *

В англо-американо-французском сборнике трофейных документов опубликовано также несколько документов из секретной переписки германского посольства в Москве, относящихся к октябрю 1938. Эти документы свидетельствуют о том, что, поддерживая или добиваясь тайных контактов с Молотовым, фашистская дипломатия связывала свои надежды с трудностями при проведении Литвиновым политики коллективной безопасности и с возможностью репрессий против его сотрудников. Эти документы опубликованы в четвертом томе англо-американо-французского издания трофейных документов, вышедшем в 1951 (Serie D, vol. IV. Серия D, том 4).

После мюнхенского соглашения, то есть после капитуляции тогдашних западноевропейских правительств перед требованиями Гитлера, советник германского посольства в Москве фон Типпельскирх по-

слал два письма руководителю русского отдела в германском министерстве иностранных дел легационсрату Шлипу. Эти фашистские дипломаты долгое время вместе работали в германском посольстве в Москве в качестве секретарей посольства, были примерно одинаково осведомлены о советской политике. Нижеприводимые письма Типпельскирха Шлипу, хотя и являются официальными донесениями, вместе с тем имеют в некоторой степени характер личного доверительного письма.

Письмо фон Типпельскирха от 3 октября 1938 (том 4, документ № 476, стр. 603-604) начинаются с выражения восторга по поводу мюнхенского соглашения, «успехов фюрера» и т.п. Затем автор письма обращается к советской политике и пишет:

В свете нашего опыта мне кажется вероятным, что Сталин сделает выводы персонального характера вследствие провала советской политики (речь идет о Мюнхене. – Е.Г.). В этой связи я, конечно, имею в виду прежде всего Литвинова, который проявил в Женеве бесплодную активность во время кризиса. У нас есть определенная информация, из которой явствует, что во время кризиса советские руководители собирались регулярно на длительные совещания... Сталин снова прибегает к своему излюбленному методу – подыскивает подходящего «козла отпущения».

Далее Типпельскирх предсказывает увеличение военной мощи СССР и пересмотр внешней политики СССР.

Обращаясь к области политического прогноза, нельзя отказать от мысли, что Советский Союз пересмотрит свою внешнюю политику. В этой связи надо иметь в виду прежде всего отношения с Германией, Францией и Японией... Я не считаю невероятной гипотезу, что современное положение открывает благоприятные возможности для нового и более широкого экономического соглашения Германии с СССР.

В следующем письме (№ 477, стр. 604-607), характеризующем положение в Москве после Мюнхена, советник германского посольства писал:

...Происходит новая чистка в НКВД. Директор одного из западных департаментов уже снят, исчезли некоторые референты из западных департаментов. Заведующий Отделом Печати Гнедин все еще не вернулся из отпуска. Носятся также слухи относительно заведующего Протокольным отделом Баркова¹². По нашим наблюдениям, в НКВД преобладает в настоящее время такой же упадок настроения, какой замечался во время предыдущих чисток. Не удастся сделать наблюдений относительно положения Литвинова, пока не заметно также тенденции к изменению советской политики. Поэтому я не в состоянии представить такой доклад, какой надеялся прислать и о чем писал в письме от 3 октября.

Типпельскирх приводит к выводу, что Сталин еще не принял решения и пока политика не изменится. А Литвинов, – указывает Типпельскирх, – старается доказать, что «заверения фюрера, что он не имеет боль-

ше притязаний в Европе, не заслуживают доверия». ... «Иными словами, он (Литвинов. – Е.Г.) и впредь будет рекомендовать мероприятия против агрессоров, рассчитывая, что добьется большего успеха в ближайшем времени». В конце письма Типпельскирх снова касается возможности увеличения военной мощи СССР и пишет:

...Если здесь считают, что война только отсрочена и что Советский Союз будет играть важную роль в будущем, то неизбежен вывод, что Сталин постарается увеличить военный потенциал Советского Союза... Чрезвычайно трудно представить себе, как можно достичь этой цели, продолжая сталинскую политику в отношении кадров (по-английски – personal policy – Типпельскирх имеет в виду политику избияния кадров. – Е.Г.).

Через две недели после того как были отправлены письма советника германского посольства, германский посол в Москве фон Шуленбург¹³ сделал свои выводы из сложившегося положения и составил секретный меморандум (том IV, док. № 478, стр. 607), который начинается следующим образом:

Я намерен в ближайшем будущем вступить в переговоры с председателем СНК Молотовым, чтобы попытаться достигнуть разрешения проблем, осложняющих германо-советские отношения.

Таким образом, снова фашистская дипломатия, уже на новом этапе, рассчитывала на контакт с Молотовым в обход Литвинова, хотя надежды фашистов на снятие Литвинова и арест его сотрудников тогда еще не оправдались. Но эти надежды фашистов полностью оправдались через полгода, в мае-июне 1939, когда Молотов стал наркомом иностранных дел. В то самое время, когда фашистские дипломаты нетерпеливо ждали, не будут ли арестованы сотрудники Литвинова, – Берия¹⁴ и его аппарат уже готовили эти аресты ни в чем не повинных коммунистов и антифашистов. Вместе с тем, из донесений советника германского посольства вытекает, что фашистская дипломатия видела в сталинской политике репрессий систему мероприятий не только выгодных для гитлеровской дипломатии, но и подрывающих военный потенциал СССР.

* * *

Оставаясь в рамках стоящей передо мной задачи – подбора и анализа документов, обнаруженных мною в англо-американском издании трофейных документов, считаю уместным привести еще один документ из переписки германского посольства в Москве, косвенно относящийся к освещаемой теме.

23 июня 1938 германский посол в Москве направил статс-секретарю Вейцекеру¹⁵ донесение по поводу слухов о возможности советско-германского сближения (серия D, том IV, док. № 626, стр.920).

В начале своего доклада фон Шуленбург сообщает, что американцы решили в Москве проверить правильность сообщения известного американского журналиста Никербокера¹⁶ из Праги о том, что якобы предстоит

политическое сближение Германии с СССР. Шуленбург рассказывает, как производилась проверка:

Несколько дней назад московский представитель Интернейшнл Ньюс Сервис (агентство Херста. – Е.Г.) явился в Отдел Печати и задал вопрос, как отнестся бы Советский Союз к соответствующим предложениям Германии. Не получив ответа в течение двух дней, он представил Заведующему Отделом Печати Гнедину проект телеграммы, в которой высказывал мнение, что ответ Советского правительства будет, вероятно, отрицательным. Гнедин в качестве цензора изменил телеграмму и предложил корреспонденту Херста Брауну¹⁷ приблизительно такой текст: всякое предложение Германии, которое содействовало бы всеобщему миру, было бы, вероятно, благожелательно принято советским правительством, а предложение, направленное к ослаблению всеобщего мира, было бы отвергнуто, ибо это создало бы новое беспокойство в мире и ослабило бы фронт миролюбивых держав.

Шуленбург далее излагает свой разговор по этому поводу с американским дипломатом Кирком^{17а} и говорит:

Я сказал американскому поверенному в делах Кирку, который, видимо, допускает правильность сообщения Никербокера, что ввиду общеизвестного идеологического конфликта между национал-социалистами и большевиками сближение между Германией и СССР исключено.

По сообщению Шуленбурга, в дальнейшем секретарь американского посольства обсуждал этот же эпизод с секретарем германского посольства; американский дипломат заметил, что «изменение текста телеграммы корреспондента Херста Заведующим Отделом Печати Гнединым показательно, так как оно свидетельствует, что Советский Союз со своей стороны не намерен закрыть окончательно двери для переговоров с Германией... Можно предполагать, что Гнедин предложил изменить телеграмму, посовествовавшись с Литвиновым».

Шуленбург отметил, что иностранные дипломаты в Москве озабочены возможностью советско-германского сближения. «В январе (24) 1938 года я писал Макензену... по этому вопросу». (Издатели документов в примечании заявляют, что упоминаемое Шуленбургом письмо Макензену не найдено. – Е.Г.).

Для оценки приведенного выше донесения германского посла следовало бы разыскать в архивах НКВД сводку телеграмм иностранных корреспондентов за упомянутые дни. Такая сводка постоянно посылалась Отделом Печати членам Политбюро. Я помню описанный эпизод и не сомневаюсь, что изложил его в сводке. Не помню уже точно, как вносились изменения в текст телеграммы, кажется, я ее докладывал лично Литвинову. Во всяком случае, через 20 с лишком лет я с удовлетворением констатирую, что ответ, данный нами тогда американскому корреспонденту, достиг своей цели: не закрыть двери для переговоров с Германией и внушить американской и западноевропейской дипломатии опасения, как бы их политика саботажа борьбы против гитлеровской агрессии не лишила их советской поддержки.

Изложенное является одним из многих свидетельств того, что Литвинов и его сотрудники не придерживались узкой точки зрения, не допускающей гибкости во внешней политике, они учитывали возможность капитуляции западных держав (дело происходило до Мюнхена!) и возникновение необходимости урегулировать отношения с Германией (дело происходило за год до XVIII съезда¹⁸). Иначе бы корреспонденту Херста в описанном случае был бы сразу дан простой ответ: слухи о возможности советско-германских переговоров неверны. Я говорю об этом лишь потому, что оценка приведенных во всех упомянутых документах фактов требует правильного понимания линии и тактики Литвинова. Заигрывание Молотова и его доверенных лиц с фашистскими дипломатами, их стремление связаться с ними помимо народного комиссара иностранных дел могли бы иметь хоть какое-нибудь косвенное деловое оправдание только в том случае, если бы для обеспечения маневроспособности советской внешней политики не было иного способа, кроме как тайные переговоры с фашистской дипломатией. Ясно, что это нелепое предположение.

Таким образом, самое меньшее, что можно сказать по поводу фактов, обнаруженных при ознакомлении с опубликованной за границей секретной перепиской германского посольства в Москве, это следующее: контакты, установленные с фашистскими дипломатами по поручению или с ведома Молотова, были проявлением политической беспринципности и авантюризма, и эти действия наряду с репрессиями против коммунистов, работавших в НКВД, соответствовали чаяниям гитлеровских дипломатов и германского правительства, готовившего войну.

1962

Е.Гнедин

Комментарии и воспоминания

А. В приведенной записке и в дальнейших комментариях затронуты темы, которые требовали бы исследования и подробного анализа. Такой темой является намеченное в записке сопоставление, условно говоря, внешнеполитической линии, представленной М.М. Литвиновым, и линии, как бы представленной В.М. Молотовым. Такое сопоставление, если не противопоставление, нуждается хотя бы в кратких пояснениях. Я предвижу возможность различных замечаний и возражений. Мне могут напомнить, что внешнюю политику неизменно определял диктатор Сталин. Такое суждение в общей форме, не вдаваясь в детали, безусловно верно. Я как раз и думаю, что Сталин санкционировал общее направление дипломатической деятельности Литвинова, но одновременно Сталин инспирировал и тайные маневры, исходящие от Молотова (или

других лиц). Тем не менее, различие между двумя линиями остается в силе. Для понимания этого различия существенно то, что речь идет о такой международной обстановке, в которой были заложены различные альтернативы; оба диктатора, Гитлер и Сталин, еще не определили окончательно своей политики; тогда еще во всех столицах происходили поиски внешнеполитической линии, учитывающей приход в Германии к власти оголтелого фашизма. Этот исторический факт вызвал различные эмоции, побуждал к различным выводам и прогнозам разных людей, причастных к обдумыванию и реализации альтернатив во внешней политике. Отсюда и возможность разных маневров, которые теперь, по прошествии многих лет, можно и оценивать по-разному.

Я не имею намерения, да еще в кратких комментариях, заведомо осуждать все маневры, проводившиеся без ведома Литвинова или вопреки его мнению, либо оправдывать в категорической форме все шаги и решения Литвинова. Однако должен подчеркнуть, что, когда речь идет о тактике и особенно о стратегии, складывавшейся в связи с неистовством фашизма в центре Европы и подготовкой войны гитлеровской Германией, необходимо различать и надо по-разному оценивать дипломатические маневры и шаги, осуществлявшиеся Литвиновым и его сотрудниками, и Молотовым и его агентами.

Наиболее наглядно и ощутимо сказалось такое различие в 1938-1939, по мере приближения рокового дня, когда Гитлер приступил к осуществлению планов широкой агрессии в Европе. Об этом я скажу кое-что в дальнейшем. Здесь я вкратце проиллюстрирую свои мысли на примере дипломатических маневров в более ранний период – в 1934 году. Тогда попытки связать агрессивную Германию международными обязательствами сочетались с усилиями по подготовке системы коллективного отпора агрессору. Таковы были, в частности, переговоры о так называемом Восточном пакте¹⁹. Эта идея была сформулирована в середине 1934 при встрече Литвинова с министром иностранных дел Франции Барту²⁰, сторонником политики отпора германской агрессии. Тогда же были сделаны серьезные попытки привлечь Германию к

пакту, гарантирующему безопасность стран Восточной Европы. В этих целях Литвинова предпринял ряд шагов. В середине 1934 состоялась беседа Литвинова с германским министром иностранных дел Нейратом²¹. Пытаясь преодолеть заведомое нежелание гитлеровской дипломатии поддержать идею Восточного пакта, Литвинов говорил и о том, что идеологические разногласия не являются препятствием для международных соглашений. Но сказал он это отнюдь не потому, что желал, как позднее Сталин и Молотов, вступить в союз с Германией, а потому, что добивался ее участия в системе европейской безопасности. Велико различие между таким маневром, направленным к предотвращению германской агрессии, и сталинским отказом от антифашизма ради союза с фашистским агрессором в 1939 году!

Такая историческая оценка различных маневров в период борьбы за предотвращение фашистской агрессии объясняет и важное различие между характером и формами соответствующих шагов и действий. Маневры, из которых могла бы вырасти коллективная безопасность в Европе, предотвращающая военную катастрофу, имели принципиальную основу; для их осуществления использовались нормальные дипломатические каналы, и для их поддержки велась открытая кампания в печати. Маневры, подготавливавшие переход на сторону гитлеровской Германии, противоречили провозглашенным принципам, способствовали развязыванию войны и – по самой своей природе – должны были быть тайными. Вместе с тем, самый характер подобных акций, приемы и ухищрения, присущие тайным переговорам и обещаниям, в свою очередь предопределяли и характер окончательных решений, и форму их осуществления. Порочность маневров вытекала из порочности целей и предопределяла порочность их результатов. Такой и была внешнеполитическая деятельность сталинского руководства, особенно с 1938 года. К тому же, эта внешняя политика отражала зловещую внутривнутриполитическую эволюцию. Об этом я еще скажу ниже.

Теперь же обращаюсь к освещению тех тайных шагов и маневров, которые постепенно переросли в подготовку советско-германского пакта 1939 года.

* * *

Б. При составлении записки в ЦК КПСС в 1962 я не стал высказывать своих собственных предположений относительно личности «советского друга» фашистских дипломатов, выступавшего в качестве посредника между ними и Молотовым. Между тем, у меня сложилось по этому вопросу определенное мнение. То был Карл Радек²².

Замечу сразу, что все ниже сказанное не следует истолковывать в том смысле, что Карл Радек руководился одними циничными мотивами и что вообще все его действия обязательно порочат его как личность. Он, очевидно, считал (до трагического судебного процесса 1937), что он способствует некой разумной политической стратегии, и, вероятно, пытался влиять на продумывание той или иной альтернативы или маневра. Это был мыслящий, талантливый человек, но, безусловно, имевший явную склонность к интригам и авантюрам.

Иллюстрации роли Карла Радека при осуществлении различных маневров в сфере советско-германских отношений представляют собой иллюстрации различных сторон отношений между СССР и Германией. Именно с этой точки зрения я и эту часть своих комментариев и воспоминаний считаю «вкладом в банк памяти», могущим быть полезным будущему историку.

Перейду к конкретизации моих соображений о роли Карла Радека.

1) К середине тридцатых годов работникам иностранного отдела редакции «Известий» и небольшому кругу работников НКВД было известно, что Радеку дана возможность представлять лично Сталину материалы по вопросам международной политики. Во всяком случае в 1934 он даже возглавлял какую-то группу (или маленький сектор) при секретариате Сталина (организационную «форму» не помню, но самый факт бесспорен). Радек заказывал различным международникам работы для передачи в ЦК. В этой связи он находился в контакте со Сталиным и получал от него поручения.

Для тех, кто соприкасался по работе с Радеком, не было секретом и то, что он с ведома правительства поддерживает контакты с гер-

манскими и польскими дипломатами и иностранными журналистами. Он демонстрировал свою близость к высшему руководству. Так, например, в 1934 Радек однажды в беседе с журналистами на каком-то приеме пытался дать понять, что ставшее известным твердое указание Литвинова германскому послу на агрессивность германской политики не обязательно отражает окончательную оценку ситуации со стороны лично Сталина. Этот эпизод отразился в германской дипломатической переписке (цитирую по книге: Карл Гейнц Никлаус. *Советский Союз и захват власти Гитлером*. Бонн, 1966. Karl Heinz Niclaus. *Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung*. Bonn, 1966, стр. 159 и 162). 5 января 1934 германский посол в Москве Надольный телеграфировал в Берлин о беседе с М.М. Литвиновым, по ходу которой Литвинов сказал, что имеется материал об агрессивных планах Германии, в частности, в отношении Украины. Но уже в докладе от 10 января 1934 Надольный имел возможность сообщить в Берлин, что в беседе с германскими журналистами Радек советовал не придавать слишком большое значение заявлению Литвинова. При этом, по сообщению германского посла, Радек противопоставлял позиции Литвинова позиции Сталина (конечно, в осторожных выражениях).

Радек также выполнял особые поручения и за пределами страны. Я считал, что он ездит в Польшу. Но возможно, что он бывал и в Германии. Иногда мы, работники «Известий», где Радек в 1932-1935 занимал пост члена редколлегии, замечали его долгое отсутствие. Однажды он появился в редакции без своих знаменитых бачков; в беседе с нами он сказал, что недавно сбрил их вовсе, чтобы во время заграничной поездки оставаться неузнанным.

Все эти детали в ту пору не вызывали особого недоумения, а тем более подозрений. Думаю, что не только я, но никто из тогдашних международников, соприкасавшихся по работе с Радеком, не подозревал, что он выполняет задания, шедшие вразрез с общим направлением внешней политики и с характером нашей международно-политической публицистики.

2) Одной из иллюстраций того, что за рубежом Радека считали проводником тайной дипломатии Сталина, может служить свидетель-

ство многолетнего корреспондента французских газет в Москве – Люсиани. (Он работал в Москве и когда я заведовал Отделом Печати НКВД.) В 1969 году, будучи профессором в Бордо, Люсиани опубликовал в «Монд» (28 января 1969) свой некролог о бывшем французском поверенном в делах в Москве Пайяре²³. (Я немного знал Пайяра: мы относились к нему недоброжелательно.) Сказав, что Пайяр в начале 1939 сообщал в Париж о возможности сближения СССР и Германии, Люсиани прибавляет, что первые сигналы об этом имелись и раньше, и что одним из источников такой информации был Карл Радек, которого Люсиани называет «рупором Сталина».

3) Для анализа документов и фактов, которым посвящена моя вышеприведенная «неотправленная памятная записка», наиболее существенны свидетельства германских дипломатов о давнем и постоянном контакте с ними Радека. На этот счет имеется несколько интересных сообщений в книге Густава Хильгера²⁴, бывшего много лет советником германского посольства в Москве. Он издал после Второй мировой войны мемуары и исторические очерки. Я сделал выписки (в моем переводе) из книги: Г. Хильгер и А. Мейер. *Несовместимые союзники. История и мемуары о германо-советских отношениях. 1918-1941*. Нью-Йорк, 1953 (G. Hilger and A. Meyer. *The Incompatible Allies. A Memoir-history of German-Soviet Relations. 1918-1941*. New York, 1953).

Разумеется, мемуары Густава Хильгера тенденциозны и неточны. Они нуждаются в критическом анализе и поправках. Но это трудно сделать обстоятельно и научно в таких условиях, когда архивы в СССР засекречены, а официальные советские историки и пресса скрывают те факты и политические акции, о которых пишет Хильгер в своей книге. Тем не менее, если использовать фактическую информацию, содержащуюся в мемуарах Хильгера, его книга может служить полезным дополнением к документации из архива МИД Германии.

Уже на первых страницах книги Хильгера упоминается Карл Радек в качестве посредника, который по просьбе немецких представителей в 1921 передал Ленину их просьбу допустить в Москву германского дипломата Винтерфельда (стр. 72-73). Хильгер прямо

говорит, что Карл Радек был посредником в отношениях германского посольства с советскими властями: «Его слабость – Германия» (стр. 73).

Говоря еще о самой ранней стадии отношений между Советской республикой и Германией, Хильгер, бывший в те времена Уполномоченным Германии по делам германских военнопленных в Москве, упоминает известный эпизод об освобождении Карла Радека из тюрьмы в Германии в 1919. Радек сам рассказывал об этом в своих воспоминаниях, опубликованных в «Красной нови» в октябре 1926. Хильгер напоминает, что Радек в те дни имел встречи с полковником Бауэром, связанным с Людендорфом и с бароном фон Рейбницем²⁵. Возможно, что Хильгер преувеличивает, когда пишет, что Радек с этими представителями германского военного командования договаривался о разделе Польши в случае взятия Варшавы Красной армией (стр. 191). Это замечание, во всяком случае, знаменательно по той причине, что через двадцать [так в тексте. Надо: 15. – С.Д.] лет Радек, поддерживая по поручению Сталина тайные контакты с германскими дипломатами, действительно подготавливал (вольно или невольно) будущий раздел Польши в 1939.

В период налаженных отношений между СССР и Веймарской республикой Радек продолжал играть роль посредника между германским посольством и советским правительством. Хильгер подчеркивал значение «такого канала связи», как Карл Радек (стр. 181). Он это говорит, повествуя о происшедшем в 1924 конфликте между СССР и Германией из-за налета германской полиции на торгпредство в Берлине²⁶. Тогда встретились Хильгер с Радеком, а потом до утра шла беседа между послом Брокдорфом-Ранцау²⁷, Хильгером и Радеком. Хильгер замечает, что Радек «как всегда, понимал серьезность положения». Он был готов «повлиять на советское правительство в том смысле, чтобы дело не дошло до разрыва отношений» (стр. 181).

Радек преувеличивал свою роль, если обещал «повлиять на советское правительство». Но самая линия его поведения в беседах с германским послом, как ее излагает Хильгер, не расходилась с официальной линией и намерениями НКВД. Так что в этом случае

«посредничество» Радека не находилось в противоречии с общей линией советской внешней политики. Я был тогда ответственным референтом по Германии в НКВД. Как молодой работник, я не был причастен к принятию решений, но хорошо помню, что мы, действительно, хотели избежать разрыва из-за налета на торгпредство в Берлине; цель советской дипломатии заключалась в том, чтобы не только предотвратить возможность нового вторжения полиции в здание торгпредства в Берлине, но закрепить на будущее статус неприкосновенности торгпредства. Подписанный по окончании конфликта берлинский протокол от 29 июля 1924 явился успехом советской дипломатии и шагом к полному признанию экстерриториальности торгпредства в торговом договоре от 12 октября 1925 (в разработке которого я участвовал).

Повествуя о советско-германских отношениях после прихода Гитлера к власти, Хильгер упоминает еще об одной встрече с Карлом Радеком. Тогда Радек сказал Хильгеру, что после прихода Гитлера к власти СССР не станет подтверждать свою обычную позицию осуждения Версальского договора (позиция, многократно сформулированная Лениным). Радек сказал Хильгеру, что он прекратит свои выступления против «польского коридора» (выход Польши к морю через Восточную Пруссию, установленный в Версальском договоре). Радек мотивировал свою позицию тем, что не хочет после прихода Гитлера к власти поддерживать антиверсальскую позицию нацистов.

Самый отказ от прежней критики Версальского договора из нежелания солидаризоваться с нацистами имел свой смысл, но все же это была спорная позиция. Я хорошо помню, что в связи с антиверсальской тактикой и демагогией гитлеровцев мы, международники, тогда обращали особое внимание на то, что немецкие коммунисты совершили ошибку, уступив нацистам первенство в активной борьбе против несправедливого Версальского договора, тягостного для Германии и немецкого народа. Так что в самой Германии коммунистам в то время не следовало сворачивать выступления против Версальского договора. Так оно и было. Но во внешней политике СССР возникла необходимость

в известном повороте, нужно было считаться с тем, что фашистская Германия – главная угроза безопасности СССР, а Польша – не только возможный, но необходимый союзник в деле коллективного отпора гитлеровской агрессии.

Я помню, что однажды заведующий иностранным отделом редакции «Известий» С.А. Раевский в присущей ему ненавязчивой форме сказал мне, что пора бы перестать именовать выход Польши к морю «польским коридором». Я тогда воспринял этот совет не только как вывод из сложившейся международной обстановки, но и как интересный урок насчет того, что не следует односторонне, постоянно цепляясь за привычные формулы, оценивать политические проблемы и ситуации. Кроме того, я полагал, что Раевский, поляк по происхождению и по культуре, естественно, хорошо понимал, что «польский коридор» через Восточную Пруссию не только урезывал права Германии, так как вклинивался в ее территорию, но и был жизненно необходим Польше, соответствовал ее естественным интересам.

Я не думаю, что Радек в первую очередь учитывал эту сторону дела, когда он в беседе с германскими дипломатами затронул столь щекотливые темы. Он, очевидно, имел в виду именно сферу советско-германских отношений, стремился показать германским дипломатам, что антисоветская политика Гитлера лишает Германию ценной поддержки со стороны СССР. Подобного рода аргументы использовались не только Карлом Радеком, но и другими дипломатами и журналистами. Но вряд ли кто-либо, кроме Радека, стал бы разъяснять германским дипломатам, какие тактические идеи и соображения занимают советских международников после прихода Гитлера к власти.

Сообщения о неофициальных контактах Карла Радека с советником германского посольства Хильгером и лично с послом Брокдорфом-Ранцау позволяют высказать обоснованное предположение, что именно Радек был участник тех переговоров с советником посольства фон Твардовски, о которых говорится в опубликованной теперь секретной переписке посольства.

Глава II
ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ В ПЕРИОД
БОРЬБЫ ЗА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ
ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ.
ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ
СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ПАКТА

Переговоры, которые Радек вел с германским посольством в Москве, можно условно отнести к ранней предыстории советско-германского пакта 1939 года. Однако мемуары Хильгера, да и другие источники, рисуют картины более существенных интриг и маневров. Тут уж речь пойдет о настоящей подготовке сговора с Гитлером втайне от М.М. Литвинова, от основных кадров советской дипломатии, и тем более – от широких кругов советского общества.

За истекшие десятилетия западные историки накопили и опубликовали обильные материалы, касающиеся предыстории советско-германского пакта. Но многое еще неясно. Поэтому полезным вкладом в «банк памяти» могут послужить некоторые сообщения Хильгера, дополненные моими комментариями.

Рассказывая о советско-германских отношениях в 1934-1935 и в более поздние годы, Хильгер писал:

Утверждения Надольного (германского посла в Москве. – Е.Г.), что политика Литвинова по достижению коллективной безопасности против Германии никогда не встречала полного согласия в Кремле, были вполне реалистичными. Конечно я не располагал прямыми сведениями о дискуссиях в Политбюро, но имелось много указаний, что влиятельные деятели правительства и партии не решили окончательно оказывать поддержку политике наркома иностранных дел. Вернее, они неохотно поддерживали Литвинова и всегда сожалели об этом. Мы замечали у многих советских лидеров глубокую и неизменную ностальгию о былых днях германо-советского сотрудничества; некоторые из них бывали достаточно откровенны и выражали эту ностальгию в беседе с немецкими друзьями. Карл Радек, например, неоднократно подчеркивал в частных разговорах, что ничем нельзя навсегда заблокировать путь России к дружбе с Германией. Но, – добавлял он, – Сталин человек упорный, осторожный и подозрительный, и ему неясна окончательная позиция Берлина. Как может, – указывал Радек, – Сталин верить автору книги «Майн кампф», которую он читал в русском переводе? Несмотря на агрессивные намерения Германии, Радек настаивал на его (Сталина) дружественных чувствах к германскому народу. В августе 1934 у Радека было свидание с профессором Оберлендером²⁸ и пресс-

атташе Баумом на даче Баума под Москвой. Инициатива беседы исходила, вероятно, от Оберлендера, но, видимо, Радек охотно согласился. Оберлендер был близким другом Эриха Коха²⁹. Во время второй мировой войны Кох стал одним из самых беспощадных сторонников политики аннексий и истребления на оккупированной советской территории. Но когда встретились Оберлендер и Радек, Коха считали одним из тех немногих высокопоставленных немецких лидеров, которые верили в возможность дальнейших дружественных германо-советских отношений, и Оберлендер разделял такое мнение (стр. 262-268).

Хильгер продолжает:

Баум позднее рассказывал мне о некоторых удивительных высказываниях Радека при этой встрече: в присутствии своего друга Бухарина³⁰ Радек будто бы восхищался организационными талантами нацистов, силой нацистского движения и огромным энтузиазмом нацистской молодежи. «На лицах немецких студентов в коричневых рубашках, – восклицал он, – мы замечаем такую же преданность и такой же подъем, какие когда-то освещали лица молодых командиров Красной Армии и добровольцев 1813 года».

Баум сообщил Хильгеру, что оба, и Радек и Бухарин, выражали глубокую симпатию к «чуждесному немецкому народу». Хильгер передает слова Баума:

Радек сказал: «Есть замечательные парни среди штурмовиков... Вы увидите, они еще будут драться за нас, бросая ручные гранаты». Но в то же время оба они (Радек и Бухарин) высказывали твердое убеждение, что фашистский режим потерпит крушение вследствие экономического и социального кризиса.

Далее Хильгер пишет:

Эта встреча позднее была использована против Карла Радека, когда он обвинялся в государственной измене в январе 1937 года. Но если советское правительство осуждало подобные чувства и карало за них как за государственную измену, то многие руководящие лица, высказывавшиеся еще более открыто, тоже должны были бы понести наказание, а среди них были и ближайшие сотрудники Сталина (стр. 68).

Не уточняя эти слова, Хильгер тут же упоминает о речи Л.М. Кагановича от 17 января 1934 на районной партконференции и о речи Молотова от 28 января 1935 на VII Съезде советов³¹. Комментируя речь Молотова, Хильгер пишет:

Совершенно ясно, что председатель Совнаркома отнюдь не имел намерения сжечь мосты между своим правительством и правительством Берлина (стр. 269).

Утверждая, что «подобные же чувства выражали партийные деятели на более низком уровне», Хильгер описывает прием весной 1935 года у германского генконсула в Киеве.

На этом приеме «председатель облисполкома Киева Василенко и председатель Госбанка Украины Певзнер говорили о взаимной заинтересованности СССР и Германии». По словам Хильгера, Василенко, в частности, рассуждал следующим образом:

«В конце концов Германия пытается освободиться от навязанных ей уз Версаля. Вместо того, чтобы помочь ей добиться этого, советское правительство заключило пакт с державами, угнетавшими Германию. Короче говоря, – сказал Василенко, – политика Литвинова неубедительна для масс, и история скоро пройдет мимо Литвинова. Какая нелепость, что Советская Россия вступила в союз с таким «вырождающимся» государством, как Франция! Мир может быть обеспечен только при условии дружбы СССР с Германией. Кого могут беспокоить расовые концепции национал-социалистов?» Эти слова были сказаны при Певзнере, хотя он – еврей (стр. 269).

Поведав о «прогерманских настроениях» в СССР, Хильгер обратился к межгосударственным отношениям, восторженно отзываясь о деятельности ближайшего соратника Гитлера по экономическим и финансовым вопросам министра Шахта³² и добавил: «Его советским партнером был глава торгпредства в Берлине Канделаки^{32а}» (стр. 269). Хильгер пишет:

Мы располагали некоторыми указаниями на то, что сам Сталин намерен улучшить отношения с Гитлером. Считалось, что Канделаки принадлежит к числу немногих лиц, пользовавшихся доверием Сталина.

Далее Хильгер излагает сведения о переговорах, которые вел Канделаки с Герингом³³ и Шахтом. О характере этих контактов стало известно из документации, опубликованной на Западе в послевоенные годы. В частности, опубликована запись Шахта о беседе с Канделаки. Шахт приводит некоторые сенсационные заявления Канделаки и отмечает, что, высказывая их, Канделаки непрестанно сверялся с запиской, которую держал в руках; Канделаки внезапно прервал разговор о кредитах и товарообмене и без всяких церемоний спросил, нельзя ли улучшить политические отношения между обеими странами. Канделаки прямо сказал, что говорит от имени Сталина и Молотова. Канделаки заявил, что советское правительство готово вести с германским правительством переговоры и через дипломатические каналы, но «оно также готово, при желании германской стороны,

все беседы и переговоры вести доверительно и негласно». В связи с информацией, полученной от Шахта об этой беседе, министр иностранных дел Нейрат в личном письме Шахту от 11 февраля 1937 года указал, что «переговоры с русским правительством» имели бы смысл в том случае, «если бы ход дел в России развивался бы в направлении к полной деспотии, опирающейся на армию» (запись Шахта и письмо Нейрата цит. по кн.: К.Г. Никлаус. *Советский Союз и захват власти Гитлером...*, стр. 193-194).

Все эти данные о переговорах Канделаки по поручению Сталина и Молотова приведены и в книге Хильгера. По его словам, германское посольство в Москве придавало большое значение этому эпизоду. При этом из рассказа Хильгера стало известно, что приведенное в письме Нейрата условие, при котором переговоры с советским правительством могут оказаться целесообразными, было сформулировано лично Гитлером. Когда Гитлеру доложили о разговоре Канделаки с Шахтом, он, по словам Хильгера, отверг «сотрудничество с международным коммунизмом» и требовал, чтобы советское правительство «отмежевалось от Коминтерна». Хильгер пишет:

Однако, по мнению Гитлера, вопрос стоял бы иначе, если бы развитие событий в России свидетельствовало об ее отходе от международного коммунизма и эволюции к полной деспотии, быть может, поддерживаемой в основном военными. Если бы это случилось, указывал Гитлер, то Германия не должна была бы упустить подходящую возможность для восстановления хороших отношений с Москвой. Это было первым указанием на то, что Гитлер хотя бы готов иметь в виду возможность возобновления сотрудничества, если бы он убедился, что советская политика больше не руководится идеологическими мотивами и что расторгнуты связи между советским государством и Коминтерном (стр. 270).

Повествование Хильгера о предыстории советско-германского пакта заслуживает внимания еще и потому, что он был также участником непосредственной подготовки пакта и переговоров Риббентропа³⁴ со Сталиным. Хильгер в своих мемуарах подробно рассказывает, как после отставки Литвинова его сразу вызвали в Берлин и он получил возможность лично убеждать Гитлера, что создались именно те предпосылки для соглашения со Сталиным, которых желал Гитлер.

Комментарии и воспоминания

1) Комментируя затронутые в документах германских архивов и мемуарах Хильгера темы, придется коснуться некоторых вопросов кардинального значения. Но раньше я сделаю замечание по частному вопросу, по поводу рассказа Хильгера о беседах с председателем Киевского облисполкома Василенко. Безусловно, неверны утверждения (даже если Василенко так говорил), будто политика Литвинова была непопулярна в народе («в массах»). М.М. Литвинов лично был в те годы чрезвычайно популярен; тому имеется немало свидетельств. Кроме того, никому, особенно «в массах», не приходило в голову, что Литвинов проводит какую-то свою собственную политику; ее считали политикой ЦК, сталинской политикой. Странно также, что председатель Киевского исполкома столь откровенно высказывался. Сомнительно, чтобы Хильгер принял на веру все заявления Василенко, которые он приводит в мемуарах. Хильгер хорошо разбирался в обстановке, сложившейся в советском государстве, и не мог не понимать, что председатель исполкома не находится в контакте с массами и не откликается на их настроения. Василенко мог высказывать те или иные соображения только по заданию свыше.

Между тем, Хильгер привел без критических замечаний совсем неправдоподобное и просто курьезное заявление Василенко, будто «некоторые рабочие приходили к нему и говорили, что не понимают современную партийную линию в отношении Германии» (стр. 269). Достоверно, вероятно, сообщение Хильгера об антисемитских высказываниях Василенко...

2) Для того, чтобы были яснее мои дальнейшие указания на специфические черты, характеризующие «предысторию» пакта между Гитлером и Сталиным, я должен заметить, что не следует относить к этой «предыстории» любые контакты, при которых советские дипломаты, журналисты или хозяйственники приводили аргументы в пользу целесообразности нормальных отношений между СССР и Германией или приводили доказательства того, что внешняя политика СССР не направлена непосредственно к тому,

чтобы вражду против фашизма претворить в военное вмешательство. В дипломатических контактах и в выступлениях в печати нашими обычными аргументами против гитлеровской ориентации на вражду и войну с СССР часто бывали рассуждения насчет того, что Германия в силу экономических причин, исторических и географических предпосылок не может обойтись без нормальных отношений с СССР, а гитлеровская политика делает это невозможным. Мы указывали также, что советская политика коллективной безопасности обусловлена агрессивностью гитлеровской Германии, но не продиктована враждой к самой Германии. Пакты с Францией и Чехословакией объяснялись необходимостью противостоять угрозе гитлеровской агрессии; мы говорили также, что в этих соглашениях отпала бы надобность, если бы изменилась политика Германии.

Для того, чтобы не быть голословным и придать моим комментариям большую объективность, приведу эпизод из собственной деятельности. В уже упомянутой книге Карла Гейнца Никлауса я обнаружил сообщение о моей беседе с заведующим отделом печати германского МИД Ашманом; судя по записи беседы, сделанной Ашманом, я разяснял, что от Германии зависит, «приобретет ли франко-русский договор, так сказать, живые краски» и получит ли он «свое полное значение и влияние на европейскую политику». Если советские опасения относительно германской политики рассеялись бы, договор «потерял бы свои яркие краски и не вступил бы в действие». Далее я будто бы объяснял, почему франко-советский договор неприменим к занятию Германией Рейнской зоны, территории Германии; франко-советский пакт имеет в виду защиту от покушения на территорию одного из партнеров по договору или их союзников; Никлаус отмечает, что Ашман в тот же день записал (и очевидно разослал) «запись беседы с Гнединым» (Никлаус, стр. 189).

Видимо, Ашман придал особое значение моим замечаниям относительно неприменимости франко-советского пакта к занятию Германией Рейнской области. Я теперь, узнав об этом, был несколько смущен, так как не помню, чтобы я в то время придавал большое

значение моим заявлениям в беседе с заведующим отделом печати германского МИД. Но я с удовлетворением установил на основании современных публикаций по истории советской внешней политики, что тогдашнее мое толкование франко-советского договора совпадало по содержанию с другими советскими заявлениями.

Я рассказываю об эпизоде из собственной практики для подтверждения той мысли, что не следует — особенно на основании документов из германских архивов — истолковывать те или иные заявления советских дипломатов или журналистов в беседе с германскими официальными лицами как проявление дружественных чувств, а тем более готовности поддержать политику гитлеровской Германии. Так, например, в ту пору, когда я давал разъяснения относительно сферы применения франко-советского договора, я не только был настроен крайне враждебно по отношению к гитлеризму, но и в качестве пресс-шефа советского посольства в Берлине активно участвовал в международной кампании по разоблачению германского фашизма и его внешнеполитических целей. Немецкие политики и чиновники это знали.

3) Сказанное неприменимо к тем шагам, которые предпринимал торгпред в Берлине Канделаки. Это видно и из процитированных мною документов. Я могу подтвердить немецкие сообщения об особой роли Канделаки. Я был первым секретарем посольства СССР в Берлине, когда Канделаки был торгпредом и вел переговоры с Шахтом и Герингом. Не знаю точно, в какой мере посол Суриц³⁵ был осведомлен о переговорах Канделаки с германскими министрами. У меня есть основания думать, что Канделаки не информировал Сурица о тех его заявлениях, которые теперь стали известны из германских архивных документов. Я же имел лишь общее представление о контактах Канделаки с немцами. Лучше, вероятно, был осведомлен советник нашего посольства С.А. Бессонов (в будущем — главный свидетель обвинения на большом процессе)³⁶. Работая в Берлине, я уловил, что Бессонов иногда направлял доклады и лично Молотову, возможно, он оказывал помощь Канделаки при исполнении секретных поручений Молотова и Сталина. (Происходили

при участии крупных чиновников германских министерств и неофициальные встречи с обильным потреблением грузинских вин; пили даже из рога, как рассказывали участники этих встреч.)

Канделаки ясно давал нам понять, что имеет доверительные инструкции лично от Сталина и вправе не ограничиваться чисто экономическими темами при переговорах с немцами. Работникам посольства и торгпредства было известно, что Канделаки близок к Сталину. И я, находящийся в стороне от деятельности Канделаки, все же понимал, что он, действительно, имеет особые полномочия и пытается независимо от Литвинова и его сотрудников (или втайне от них) «навести мосты» между советским правительством и гитлеровским.

Как-то в Москве в мрачные годы (кажется, в 1938 [Так у автора, надо: 1937. — С.Д.]) я на обеде в иранском посольстве встретился с Канделаки, тогда заместителем наркома внешней торговли. Он, в Берлине обычно державшийся со мной холодно, в Москве разговорился и пожаловался, что некоторые мои бывшие сослуживцы по посольству в Берлине (тогда уже арестованные) ему «причинили большой вред». Я не стал расспрашивать. Возможно, что участники встреч Канделаки с немцами докладывали о них в собственном освещении, а может быть, еще до ареста Канделаки от него потребовали объяснений по поводу показаний, полученных уже в застенках от бывших работников посольства СССР в Берлине. Позднее (не знаю точно, когда) Канделаки был арестован и, видно, расстрелян, как и большинство лиц, когда-либо выполнявших доверительные поручения Сталина.

4) Обращаюсь теперь к нашумевшей информации о встрече на даче у германского пресс-атташе в Москве Баума. Сначала я вновь попытаюсь провести грань между теми высказываниями, которые не обязательно означали подготовку сговора между советскими руководителями и германскими, и теми маневрами и концепциями, которые прямо отражали эволюцию в направлении к такому сговору.

В сообщении о «встрече на даче» упоминается Бухарин. Я полагаю, что он не имел никакого отношения к тем тайным внешне-

политическим маневрам, проводником которых в данном случае был Радек. Не такова была роль Н.И. Бухарина в государстве, да и был он идейным мыслителем, убежденным антифашистом и подлинным интернационалистом; к тому же в силу его личных черт ему были чужды цинизм и вкус к интригам, свойственные Радеку. Не случайно, как видно из рассказа Хильгера, Бухарин говорил об уважении к германскому народу и неизбежности крушения гитлеризма, но никак не поддерживал похвал гитлеровским кадрам и т.п.

Но и в отношении части рассуждений Радека можно ради исторической объективности сделать несколько пояснений. Дело не только в том, что Радек любил щегольнуть острыми парадоксами. Самые рассуждения Радека в 1934 о настроениях молодежи, шедшей за Гитлером, отчасти созвучны с его старыми статьями, посвященными раннему этапу гитлеровского движения. Тогда Карл Радек (и не он один) пытался разобраться в идеологии молодежи, поддавшейся демагогии Гитлера, как националистической, так и социальной. Можно было думать, что искренне заблуждавшаяся часть молодежи разочаруется в гитлеризме и выберет иной путь для реализации своих национальных и социальных чаяний. Такой ход мыслей, тогда еще не имевший ничего общего с внешней политикой советского государства, отразился, в частности, в статьях Радека, например, в той, которая, кажется, называлась: *Лео Шлагетер шагает в ничто*³⁷.

5) Однако, должен со всей силой подчеркнуть, что эти оговорки неприменимы к основной части рассуждений Радека при встрече с фашистскими деятелями в 1934. Высказанные Радеком и пленившие его немецких собеседников похвалы организованности нацистов, дисциплинированности и т.п. отражали настроения в ближайшем окружении Сталина; подобные рассуждения уже были связаны не с размышлениями относительно возможной эволюции гитлеровского массового движения, а с проектами новой внешнеполитической ориентации СССР. Радек мог быть осведомлен о настроениях окружения Сталина. Ведь даже до меня доходили неясные сведения о том, что «наверху» оценивали не столь уж критически, а наоборот, одобри-

тельно организацию, дисциплину гитлеровцев, внутривнутриполитическую унификацию и внешнеполитическую решительность. Ни я, ни мои товарищи, конечно, не подозревали, что подобные оценки положения в Германии могут отражать и симпатию к самой гитлеровской политике. Впрочем, я вспоминаю, как мы, дипломатические работники посольства в Берлине, были несколько озадачены, когда, проезжая через Берлин (кажется, в 1936), Элиава³⁸, заместитель наркома внешней торговли, в силу старых связей имевший доступ к Сталину, дал понять, что «наверху» оценивают гитлеризм «по-иному» – иначе, чем в прессе и чем работники посольства СССР в Берлине.

Пора уточнить, что я имею в виду, когда говорю о специфических чертах, отличавших те маневры, которые относятся к предыстории пакта 1939 года. Речь идет не о частных оценках, о более или менее остроумных замечаниях, которые по сути не противоречили бы осуждению фашизма, равно как и пониманию необходимости пресечь экспансию агрессора, но дело заключалось в отходе от таких позиций и в той смене «идеологических мотивов», которую Гитлер ожидал как предпосылку для сотрудничества с советским правительством.

Разумеется, смысл политической линии, о которой я говорю, раскрылся полностью, когда она была реализована в пакте от августа 1939 и от сентября того же года³⁹, а также в последующих заявлениях и действиях сталинского правительства. Но для историка существенно, что эта политика не была просто плодом конъюнктуры, сложившейся летом 1939, а итогом эволюции, начавшейся ранее. К этому я и клоню в своих комментариях к различным документам прошлого.

В этой связи я приведу цитаты из документа, который я на основании собственного опыта не могу дополнительно осветить и который, насколько я могу судить, недостаточно оценен и в западной литературе (в СССР неизвестен). Упомянутый мною западногерманский автор Никлаус в своей книге изложил содержание заявлений, которые сделал в беседе с германским послом Дирксеном в августе 1933 не кто иной, как Енукидзе, секретарь ЦИК СССР, имевший тогда репутацию влиятельного сановника⁴⁰. (В 1937 Ену-

кидзе был расстрелян, причем на открытых процессах без его участия ему приписывали множество преступлений, в том числе и якобы совершенных в те годы, когда он, как это было известно, принадлежал к числу немногих лиц, с которыми Сталин поддерживал приятельские отношения.)

Никлаус ссылается на обнаруженный в германских архивах секретный доклад посла Дирксена статс-секретарю Бюлову⁴¹ от 17 августа 1933 и на книгу самого Дирксена *Москва, Токио, Лондон* (Никлаус, стр. 120, 121, 127, 128). На даче у Енукидзе под Москвой были в гостях германский посол Дирксен, советник посольства фон Твардовски, замнаркома иностранных дел Крестинский и замнаркома иностранных дел Карахан⁴². Согласно информации Дирксена, Енукидзе говорил о том, что «руководящие деятели Советского Союза» проявляют «полное понимание развития дел в Германии». Им ясно, что после захвата власти «агитационный» и «государственный» элементы внутри партии постепенно размежуются. Постепенно сформируется «государственно-политическая линия». Енукидзе высказался в том смысле, что «национал-социалистическая перестройка германского государства может иметь положительные последствия для германо-советских отношений». Согласно изложению Дирксена (вероятно, точному), Енукидзе сказал, что

внутриполитическая унификация, видимо, служит гарантией того, что со стороны общественного мнения и большинства рейхстага (очевидно, имелась в виду ликвидация социал-демократической оппозиции, не говоря уже о коммунистах. – Е.Г.) больше не возникнет препятствий для политики сближения интересов между обоими государствами. Германское правительство, видимо, находится на пути к тому, чтобы в результате соответствующего урегулирования внутривнутриполитических дел приобрести внешнеполитическую свободу действий, которой советское правительство располагает уже много лет. Касаясь связи между внутренней и внешней политикой, Енукидзе высказался в том смысле, что совершенно так же, как в Германии, и в СССР есть много людей, которые ставят на первый план партийно-политические цели и которых надо сдерживать с помощью государственно-политического мышления. (Более резкий смысл немецкого оборота в докладе Дирксена: «держат в страхе, под угрозой».)

Воистину этот документ сам по себе в комментариях не нуждается! Близкий к Сталину

деятель, которые ни в коем случае не стал бы по собственной инициативе, да еще при свидетелях, высказывать соображения, не согласованные со Сталиным, сформулировал в 1933 такие концепции, какие вполне могли бы в 1939 служить одним из обоснований пакта с Гитлером. В то время, когда еще существовали среди антифашистов надежды на постепенную потерю гитлеровцами их массовой базы (о чем ранее писал и Радек), в это самое время в окружении Сталина рассматривали на противоположное развитие, на то, что гитлеровское руководство сумеет подавить, подчинить себе массовую базу и приступить к осуществлению своей внешнеполитической программы. Эти расчеты оправдались по прошествии нескольких лет, после смены бурных событий, альтернатив, надежд и тревог. Но в течение этого периода сталинское руководство не прекращало стараний реализовать программу, которую изложил Енукидзе в 1933.

Замечу, что при беседе Енукидзе с Дирксеном присутствовал Крестинский. Он несомненно информировал М.М. Литвинова о позиции, изложенной Енукидзе от имени «руководящих деятелей Советского Союза». Знаменательно, что Литвинов отнюдь не «принял к исполнению» концепцию, выраженную Енукидзе, по сути ее игнорировал, и строил свою внешнеполитическую деятельность, исходя из других концепций, которые Сталин до поры до времени не считал возможным вовсе отвергнуть. Когда же оказалось возможным конкретизировать подготовку пакта с Гитлером, Литвинов был снят со своего поста.

Однако, на еще более ранней стадии подготовки внешнеполитического поворота Сталин и его подручные осуществили в огромном чудовищном объеме мероприятия, предназначенные для того, чтобы «держат в страхе» людей, ставящих перед собой «партийно-политические цели».

Эти соображения бросают свет и на характер открытых, показательных процессов 1937-1938. Связь внутривнутриполитического террора с внешнеполитическими маневрами обнаруживается и в том, что встреча Радека с фашистскими деятелями стала предметом публичного разбирательства на заседании Военной коллегии Верховного суда.

6) В январе 1937 я был вызван из Берлина в Москву, прикомандирован к отделу печати НКВД и присутствовал на заседаниях суда⁴³. Допрос Радека был одним из центральных моментов процесса; рассказ о встрече с Оберлендером, доверенным лицом Коха, всполошил сидевших в зале советских чиновников и иностранных журналистов. Помню, как Баум выскочил из зала, покрасневший и возбужденный. Иностранные наблюдатели и советские дипломатические работники понимали, что свидание с Оберлендером и Баумом, о котором поведал Радек, состоялось с ведома кого-либо из высших руководителей страны, вернее всего, лично Сталина. Но советские чиновники пытались убедить себя, что на встрече у Баума Радек – как он «признавался» – занимал иную позицию, нежели та, которой от него ожидали в правительстве.

Можно отметить, что, судя по рассказу Хильгера, Радек, беседуя с фашистскими деятелями, одновременно излагал «партийно-политические» версии, когда предсказывал, что гитлеровская молодежь еще изменит свои политические взгляды, и формулировал «государственно-политические» концепции, давая понять своим собеседникам, что нужно и можно рассеять подозрения Сталина относительно подлинных внешнеполитических целей Гитлера. Именно в этом и заключалась задача Радека при встрече с Оберлендером и Баумом.

Радек действовал в согласии с намерениями Сталина *в обоих случаях*: и тогда, когда вел откровенные беседы с фашистскими дипломатами, и тогда, когда изобразил на суде эту встречу как попытку антисоветского сговора с фашистами. Радек должен был на суде оклеветать самого себя, чтобы роль Сталина осталась в тени.

Замечу для ясности, что, связывая внутриполитический террор конца тридцатых годов с внешнеполитическими, прогитлеровскими планами сталинского руководства, я отнюдь не хочу свести к этой стороне дела объяснение массового террора тех годов. Эти события требуют иного, многозначного анализа как важный роковой этап во внутриполитическом развитии страны. Но вот что я все же хотел бы сказать: зловещий исторический парадокс заключается в том, что суд над бывшими деятелями оппозиции и други-

ми государственными деятелями проводился под лживым лозунгом пресечения сговора с фашистами, а на деле эти процессы расчищали путь для будущего соглашения Сталина с Гитлером. Причем предпосылками этого соглашения явилась именно реализация тех предварительных условий, которые сформулировал Гитлер. С этой точки зрения, внутриполитический террор в стране и расправу с руководством иностранных коммунистических партий в Москве (в особенности польской) – все это можно отнести к предыстории советско-германского пакта 1939 года.

7) Судьба обоих участников встречи на московской даче в 1934 сложилась трагически, но по-разному. Радек, хоть и не был приговорен к расстрелу, очевидно, был уничтожен в сталинских застенках. Вильгельм Баум во время войны возглавлял одну из разведывательных групп на польской территории, но, по имеющимся сообщениям, покончил с собой в 1942 будто бы из протеста против применения методов «выжженной земли». (Такие сведения о судьбе Баума приведены в книге Алэна Герена, посвященной истории германской разведки: Alain Guérin. *Le général gris*. Paris, Julliard, 1968, p. 75.)

Один из участников контактов, подготовивших будущий сговор двух диктаторов, погиб потому, что доверился своему диктатору, а другой потому, что разочаровался в политике своего диктатора.

Глава III ПО ПОВОДУ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА (1939)

В 1965 по просьбе знакомого исследователя международных отношений я сжато изложил свое мнение о советско-германском пакте 1939. Я предполагал, что документ будет передан в один из отделов ЦК. Судьба этой моей очередной записки мне осталась неизвестной. По молчаливой договоренности мы с моим знакомым не заговаривали об этом, да к тому же мы редко встречались. Дело происходило, когда становился все более ощутимым отход руководства страны от политики XX съезда.

У меня сохранилась машинописная копия тезисов, оставшихся без отклика.

Несколько тезисов относительно советско-германского пакта 1939 года

1. Необходимо различать: а) анализ причин: субъективных и объективных моментов, – приведших к тому, что вообще возникла необходимость маневра, построенного на соглашении с агрессивной гитлеровской Германией; б) вопрос о том, можно ли было избежать возникшей необходимости; в) вопрос о возможных формах маневра, направленного на предотвращение нападения Гитлера; г) оценка того договора, который заключили фактически Сталин и Молотов, и той политики, которую они на этой основе проводили. На все эти вопросы, естественно, надо отвечать, основываясь на совокупности сведений, которыми мы теперь располагаем.

2. Первоначальной причиной явилась политика Мюнхена, политика умиротворения, несомненно направленная на провокацию столкновения между Германией и СССР без участия западных держав. Но ошибочной была не только такая политика, но предположение, будто эта политика представляет последнее слово западных держав перед лицом германского империализма, державшего курс на войну за полный раздел мира.

Главной причиной, в силу которой в 1939 советское правительство не могло достигнуть соглашения с западными правительствами и – это важнее всего – СССР был не в состоянии эффективно участвовать в любом варианте военного столкновения, была сталинская внутренняя политика, политика массового террора, истребление огромной и лучшей части крестьянства и интеллигенции, дезорганизация жизни в стране. Историческая ответственность за то, что вообще возникла необходимость какого-то маневра ради соглашения с гитлеровской Германией, падает на сталинское руководство страной, обезглавившее армию, промышленность, уничтожившее основные кадры государственного аппарата.

3. При сложившихся обстоятельствах избежать необходимости сделать попытку договориться с Германией ради того, чтобы предотвратить ее нападение на СССР, было трудно. Еще труднее было не использовать возможность, открывшуюся, когда гитлеровская дипломатия сформулировала свои предложения. Эта констатация вовсе не исключает того, что создавшаяся ситуация и согласие Гитлера на сговор со Сталиным были подготовлены не только внутренней политикой Сталина, но и тайными предыдущими прогерманскими маневрами Сталина, характер и существо которых еще не раскрыты.

4. Но если нельзя было избежать маневра, направленного на временное соглашение с гитлеровской Германией в 1939, то можно было избежать такого пакта, какой был фактически заключен. Можно было ограничиться общей декларацией о ненападении, можно

было найти форму, при которой дело ограничивалось бы фиксацией нейтралитета СССР в назревавшем конфликте, можно было отсрочить «освобождение западных земель», чтобы не оказаться участником фактического раздела Польши; абсолютно неоправдан отказ от антифашистских позиций; гитлеровская дипломатия первоначально и не рассчитывала, что договор будет сопровождаться таким нашим отказом и открытым курсом на оправдание германской агрессии и рядом других выступлений и мероприятий, означавших переход на позиции союзника гитлеровской Германии. Во всех этих сопровождавших соглашение с Гитлером шагах и политических поворотах не было государственной необходимости. Тем яснее, что политический курс после заключения договора с Гитлером находится в противоречии не только с принципами советской внешней политики, но со всей той идеологией, которой обосновывалась политика до 1939 года.

Вместе с тем, даже соглашаясь ради временного замещения поставлять Германии определенные товары стратегического значения, надо было сразу же готовиться к тому, чтобы при первой возможности свернуть эти поставки, а не, наоборот, снабжать Германию и тогда, когда она залила кровью всю Европу, а свои обязательства по отношению к СССР нарушила.⁴⁴

Вместе с тем, заключив даже договор о ненападении с гитлеровской Германией, следовало, во-первых, ограничить его действие определенными временными и территориальными рамками, и, во-вторых, активно готовиться к неизбежному столкновению с агрессором; вероятно, надо было быть готовым к тому, чтобы иметь формальное право и быть фактически в состоянии ударить по Германии, если она нападет на Францию или, например, вторгнется на Балканы. Все эти предположения, конечно, только иллюстрация той мысли, что надо было твердо ориентироваться не на «союз, спаянный кровью» с фашистской Германией, а на участие в коалиции, могущей сокрушить врага человечества.

5. Таким образом, признание возможной необходимости или неизбежности в 1939 маневра, предотвращающего немедленное нападение Германии на СССР, отнюдь не означает положительной оценки того конкретного маневра, какой был произведен Сталиным, того пакта, который был фактически заключен. Сталинский сговор с Гитлером, политика союза с фашистской Германией, которую проводили Сталин и Молотов после 1939, фактический отказ от антифашизма и поддержки антифашистских сил в мире – весь этот политический курс и мероприятия, с ним связанные, можно оценить только отрицательно и заклеить как с точки зрения государственной целесообразности, так и с принципиальных позиций.

Комментарии и воспоминания

1) В тезисах, составленных в 1965, есть замечания, которые я теперь, в 1976, сформулировал бы иначе. Таково утверждение, что

Сталин весной или летом 1939 считал политику умиротворения агрессора последним словом западных держав. Правда, и сейчас некоторые западные авторы высказываются в том смысле, что Сталин пошел на заключение пакта с Гитлером, исходя из убежденности, что западные державы окончательно сговорились относительно совместной агрессии против СССР. Таков вывод неточен, а главное, не исчерпывает проблему.

Подобные объяснения не исчерпывают проблемы, так как строятся на предположении, будто пакт между Сталиным и Гитлером был чуть ли не импровизацией, решением, принятым в крайних условиях без предыдущей подготовки. Такое мнение опровергается и теми материалами по предыстории пакта, которые выше приведены. Такое толкование политики Сталина опровергается и самим содержанием пакта, охарактеризованным в приведенных тезисах. Сталин и Молотов заключили соглашение о сотрудничестве с фашистской Германией не потому, что иного выхода уже не было в сложившейся международной обстановке, а потому, что это был тот выход из сложившейся ситуации, которого они давно желали. Я указал в тезисах 1965, что главная причина заключения пакта с Гитлером крылась во внутренней политике.

2) Утверждение, что Сталин или Молотов должны были весной и летом 1939 прийти к убеждению, что западные державы окончательно капитулировали перед агрессором, по меньшей мере, неточно; не такова была обстановка, сложившаяся в то время.

Как очевидец событий, я могу говорить о периоде до лета 1939. Вплоть до моего ареста в мае 1939 я – не зная, конечно, подлинных намерений Сталина или Молотова – имел представление о том, какой информацией располагает правительство, по крайней мере, в рамках дипломатической информации и информации, основанной на критическом анализе сообщений печати. Хотя я был активным, можно сказать – эмоциональным, проводником и организатором кампании в печати по разоблачению западной политики капитуляции перед гитлеровской Германией, все же я считал – и имел основания думать, что правительство (не только М.М. Литвинов) считает, – что возможность оказать коллективный

отпор германской агрессии вовсе не отпала.

В литературе часто смешивают две различные стороны эволюции в годы кануна мировой войны (1938-1939): степень близости войны и степень готовности будущих жертв агрессии дать ей отпор. Ясно, что в 1939 была с каждым месяцем все ощутимее близость военной катастрофы, но в 1939 с каждым месяцем не слабела, а усиливалась решимость на Западе, отказавшись от политики умиротворения, быть готовым к военному конфликту именно с Германией. Но одновременно слабела готовность советских руководителей участвовать в конфликте.

3) Эти комментарии – не историческое изыскание, а «вклад в банк памяти». Поэтому, не касаясь огромной литературы, я останусь в рамках своего опыта. Так, однажды я имел возможность получить представление о точке зрения Сталина.

23 октября 1938 я опубликовал в «Известиях» согласованную с М.М. Литвиновым статью «Мюнхенский баланс» (за подписью, как всегда в то время, – В.Александров). На другой же день редактор Я.Г. Селих радостно мне сообщил, что ему звонил Ворошилов⁴⁵ и хвалил статью «Мюнхенский баланс» как удачную и совершенно правильную (примерно в таких словах). Селих меня поздравлял, давая понять, что Ворошилов передал отзыв о статье лично Сталина. Между тем, в этой статье (я ее перечел теперь) ход мыслей был следующим.

Опровергая восхваление на Западе мюнхенского соглашения четырех держав, автор указывал, что «Мюнхен – не договор о мире, а договор о войне». Однако имелась в виду не угроза войны против СССР, а говорилось, что «Мюнхен – не конец, а начало нового периода активности агрессоров», и притом «прямо направленной против Англии и Франции». Далее автор говорил, что Германия еще не готова к войне. К тому же, Муссолини подержал Гитлера в Мюнхене, лишь когда убедился, что «речь идет о блефе». Адресуясь к влиятельным западным противникам политики английского премьера Невилля Чемберлена^{45а}, автор официальной статьи писал, что «Чемберлен хотел бы, чтобы германский фашизм убил европейскую демократию во сне». Автор объяснял мюнхенский сговор тем, что европейская реакция боится победы над Гит-

лером, потому что для этого необходимо участие в борьбе СССР, а победа поведет к его усилению. Однако, – продолжал я, – СССР – единственная страна, вышедшая из кризиса с возросшим престижем.

Дополняя сказанное в статье от 23 октября, я в статье, опубликованной 7 ноября 1938, подчеркивал, что Мюнхен вовсе не означает окончательной победы фашизма над демократией. А европейскую демократию нельзя изолировать от СССР. (Это, к сожалению, было наивно...) Свои выводы о предстоящем усилении противодействия германской агрессии в Европе я подкреплял в упомянутой статье освещением растущей роли национального движения в Европе перед лицом захватнических планов фашистской Германии.

Я не стал бы теперь просто ссылаться на концепции, изложенные в моей очередной статье чуть ли не сорокалетней давности. А самое одобрение со стороны Сталина я не ставлю себе в заслугу. Меня теперь интересует этот эпизод только по той причине, что он бросает свет на представление правительства о перспективах международного развития к концу 1938, то есть когда мюнхенское соглашение четырех западных правительств еще оставалось главным событием международной жизни. Вот в этих условиях такая редкая реакция Сталина, как похвала статье, подводившей «баланс» мюнхенской политике, позволяет сказать, что тогда Сталин – поскольку условия для реализации его тайных планов еще не созрели – считал уместным и правильным такое понимание сложившейся в Европе ситуации, из которого вытекало, что готовится война не против СССР, а по-прежнему против Западной Европы, и что существуют силы («европейская демократия»), естественным союзником которых явится СССР.

Такова была оценка положения к концу 1938. Но ведь позднее, в первом полугодии 1939, руководители советского правительства никак не должны были прийти к мнению, что, в отличие от конца 1938, усилились тенденции к сговору всех западных правительств против СССР, а возможность гитлеровской агрессии против Запада или во всяком случае против Польши (а не СССР), отпала, по мнению западных правительств. Во всяком случае, в марте и апреле 1939 (месяцы, когда

я еще исполнял свои служебные обязанности) мы считали, что как раз ввиду ухудшения обстановки в Европе усилились – прежде всего в Англии – позиции сторонников коллективного отпора гитлеровской агрессии, уже оказывавших возрастающее влияние на определение британской политики. (Политика Франции в значительной мере зависела от английской.) Было известно, что даже часть мюнхенцев пересматривает свои позиции. Уже 20 марта в передовой статье «Известий» (кажется, моей) говорилось: «События в Европе еще далеки от своего последнего этапа. Дело не только в том, что агрессоры еще не остановились и, может быть, не в состоянии остановиться, несмотря на растущий для них риск. Дело в том, что агрессия и насилия рожают сопротивление и создают в Европе такое положение, при котором даже самые рьяные сторонники игры в невмешательство могут оказаться вынужденными пересмотреть свою политику...»

В начале апреля (насколько помню) в Москве уже стало известно, что Англия дала гарантии Польше⁴⁶ на случай нападения на нее Германии. Конечно, из этого еще вовсе не следовало, что расчищен путь для соглашения между СССР и западными державами. Преобладало взаимное недоверие. Могу в качестве иллюстрации упомянуть об эпизоде из собственного опыта. В самом начале апреля 1939 у меня был не очень обстоятельный, но запомнившийся разговор с одним из редакторов «Таймс». (Он побывал в Москве, когда туда прибыл с визитом английский министр торговли Хадсон⁴⁷.) Разговор запомнился мне по той причине, что мы оба были сторонниками англо-советского соглашения против агрессии Германии и оба не могли скрыть свое недоверие к политике другой стороны. Я говорил о том, что мы не можем положиться на политику Чемберлена, а мой английский собеседник не только намекал на непостоянство советской внешней политики, но и выражал сомнения в боеспособности Красной Армии после «больших чисток». В этом малозначительном эпизоде, как в капле воды, отразилась трагическая мировая ситуация, сложившаяся накануне гитлеровской агрессии, в первую очередь, по вине двух государственных деятелей: Невилля Чемберлена и Иосифа Сталина.

Казалось бы, недоверие со стороны западных правительств могло быть ослаблено, когда они получили советское предложение из восьми пунктов, сформулированное Литвиновым 17 апреля 1939⁴⁸. Мне тогда не было известно, что в тот же день посол СССР в Берлине Мерекалов^{48а} посетил одного из руководителей германской дипломатии и – теперь это видно из германских архивных документов – совершенно так же, как в свое время Канделаки, явно повторяя преподанные свыше заученные слова, предлагал установить между СССР и Германией «тесные отношения»...

В той мере, в какой можно иметь твердое мнение, оценивая давние события, я выражаю убеждение, что Сталин был достаточно хорошо осведомлен о важнейшей эволюции, происходившей в европейских столицах. Он должен был понимать, что, если даже не удастся полностью конкретизировать условия коллективного отпора агрессору (главным образом, из-за проблемы пропуска советских войск через Польшу), фактически дело идет не к войне против СССР, а к войне между западными державами и Германией. В этом отношении март-апрель 1939 были знаменательными месяцами. Но именно в первые же майские дни не только был снят с поста Литвинов, но поверенный в делах в Берлине Г.А. Астахов^{48б} имел возможность (поручение) сразу на другой день после снятия Литвинова предложить германскому МИД переговоры, подготавливавшие пакт. Я узнал об этом лично от Астахова, когда встретился с ним в лагерной пересылке осенью 1941. Он погиб в лагере от дистрофии*.

Я готов высказать предположение, что именно потому, что Сталин понимал значение назревавшей эволюции на Западе в пользу отпора Германии, он поторопился удалить Литвинова, а Молотов и Берия поторопились арестовать ближайших сотрудников Литвинова. Так подготавливался ранее намеченный отказ от участия в отпоре гитлеровской Германии, подготавливалось сотрудничество с ней.

* Г.А. Астахов рассказал мне при встрече на пересылке в Устьвымлаге, что основные клеветнические «показания» против него дал арестованный ранее деятель польской секции Коминтерна Валецкий. Таким образом, Астахов, участвовавший в строго секретных переговорах, которые подготавливали раздел Польши, был осужден как польский шпион.

Предыстория и история пакта 1939 могут служить одним из объяснений трагедии июня 1941. Я приблизился к пониманию этой стороны дела в речи, произнесенной при обсуждении книги А.М. Некрича *1941, 22 июня*⁴⁹.

Глава IV БАНКРОТСТВО СОЮЗА С ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ (1939-1941)

16 февраля 1966 года я случайно узнал, что в этот день предстоит обсуждение в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС книги А.М. Некрича *1941, 22 июня*. Я отправился послушать дискуссию. Я не предполагал, что приму участие в дискуссии и что самое обсуждение книги, а также мое выступление в дискуссии приобретет характер общественного события. Не были подготовлены к такому ходу дел и организаторы обсуждения книги Некрича – руководители Отдела истории Отечественной войны. Очевидно, они намерены были провести очередное мероприятие при небольшом числе участников, готовых высказываться в том духе, в каком будет составлен вводный доклад сотрудника отдела. И вдруг оказалось, что явилось множество работников научных учреждений Москвы. Пришлось перенести обсуждение книги из малого зала в большую аудиторию. Несомненно, некоторые товарищи заранее решили высказаться определенно по вопросам, связанным с трагическим началом войны в июне 1941. Но мне представляется, что многие участники дискуссии, подобно мне, выступили в прениях главным образом по той причине, что докладчик Деборин, циничный лжеученый со званием профессора, произнес типичную речь фальсификатора истории в сталинистском духе.

Между тем, дело происходило незадолго до XXIII съезда КПСС; у присутствующих сразу возникло предположение, что они стали свидетелями попытки подготовить общественное мнение к открытому отходу от политики XX съезда и к реабилитации пагубной политики Сталина. Этому надо было дать отпор. Таково, во всяком случае, мое представление

об обстановке, в которой я произнес импровизированную, ниже приводимую речь, повлекшую за собою партийное взыскание.

Копия Стенограмма выступления Е.А. Гнедина в Отделе истории Великой Отечественной войны ИМЛ 16 февраля 1966 г. (Обсуждение книги А.М. Некрича *1941, 22 июня*)

Я постараюсь быть как можно более кратким. Я не буду повторять ораторов, хваливших книгу, я постараюсь сказать только то, ради чего я взял слово, а в частности, я это делаю для того, чтобы дать справку с точки зрения источниковедения. Эту справку я хочу дать в связи с рассуждениями относительно материалов Голикова⁵⁰, представленных им Сталину. У т. Деборина проскользнула мысль, что Голиков не отводил первое место достоверным сведениям, а помещал достоверные сведения в тот раздел, который не мог привлечь внимание Сталина. Это побудило меня выступить.

Мне пришлось в течение двух лет ежедневно подписывать секретную информационную сводку для Сталина и членов Политбюро. Я утверждаю, что источником информации для моих читателей являлось именно то, что отмечалось как сомнительное и недостоверное, потому что достоверная информация шла в обычном русле. А информация, которую мы оценивали, как сомнительную, с точки зрения той работы, которую мы делали, которую нам поручали, – вот эта информация как раз и вызывала интерес.

Учитывая этот свой опыт, я решительно отвожу утверждение, будто указание на сомнительный характер информации равносильно попытке ее скрыть. Я отнюдь не собираюсь обелять Голикова. Я очень остро воспринимаю то, что здесь упоминали об участии Голикова в уничтожении наших разведывательных кадров. Это страшно, это вспомнить тяжело. Но то обстоятельство, что в докладах Голикова или в иных документах информация Зорге⁵¹ и других относилась ко второму разряду или разделу, отнюдь не означает, что она должна была ускользнуть от внимания руководства. Это значит недооценивать Сталина.

Помню, что если наступал такой период, когда можно было ожидать появления в моих сводках информации, условно называемой сомнительной, то ограничивался круг читателей. И был такой период, когда даже не все члены Политбюро получали этот довольно безобидный документ, потому что в нем содержались интересные «пресекавшиеся» сведения. Я, главным образом, и выступил с этой трибуны, чтобы подчеркнуть необоснованность всяких разговоров о том, что раз информация разбивалась по различным категориям, то Сталин якобы поэтому не был в курсе случаев правильно информирован.

Точно так же я считаю, что нужно отвести упреки Голикову или Кузнецову⁵² за то, что они, хотя и представили очень существенные данные об угрозе нападения, но затем по необходимости указали, что это не

надежные сведения или источники. Это не значит, что они дезинформировали руководство.

Несколько слов о заявлении ТАСС от 14 июня 1941 года⁵³. Сопоставлять или уподоблять заявление ТАСС ленинскому маневру – кошунственно. Не было ни одного ленинского маневра, который сопровождался бы демобилизацией страны, материальной и идейной. Между тем, заявление ТАСС сыграло именно такую роль.

Я спрашивал автора книги, имеет ли он материал, кроме ссылок на западные источники, относительно того, что побудило Сталина взять на себя руководство Совнаркомом незадолго до 22 июня 1941. Мы не располагаем таким материалом, можно только высказывать предположения. Нет никаких материалов или доказательств, свидетельствующих о том, что он возглавил правительство, чтобы возглавить оборону. Точнее сказать – я не знаю никаких сообщений по этому поводу, но зато есть данные, говорящие за то, что он продолжал все ту же линию: стремление во что бы то ни стало договориться с агрессивной фашистской Германией. Мне скажут: это было отражением миролюбивой политики нашей страны. Это так и было. Правительство хотело избежать войны. Но мы рассматриваем не этот вопрос, а то, как случилось, что наша страна оказалась неподготовленной к войне. Одной из главных причин была политическая, а именно: ориентация на нереальный сговор с Гитлером. Мы не можем не оценивать с этих позиций 22 июня 1941 г. Если заявление ТАСС от 14 июня было маневром, – а я и не хочу это отрицать, – то нам теперь известны причины, вызвавшие его; это был не ленинский маневр. Нам нельзя забывать, какие далеко идущие последствия это имело.

Вместе с тем я думаю, что т. Деборин был прав, когда сказал, что не надо ставить вопрос только о личности Сталина. Это совершенно правильно. Если т. Деборин приглашает обсудить не только ошибки Сталина, но и систему управления государством, такая дискуссия возможна, но здесь я не считаю возможным в нее пускаться. Однако я согласен, что ошибки Сталина и его пороки или его чаяния вытекали из предыдущего развития.

Возьмем ноябрьские переговоры 1940 года⁵⁴. Если даже исходить из воспоминаний т. Березжкова, утверждающего, что мы отвергли предложения Гитлера, если даже считать, что эти предложения были маскировкой со стороны Гитлера, то все же каков был характер отношений, раз Гитлер мог предложить нам присоединиться к антикоминтерновскому пакту! Каков же был характер политики, если это можно было нам предложить? А ведь переговоры продолжались, контакт остался в силе.

Коснусь внутривластной стороны дела. Тов. Деборин призывает нас обсуждать не только деятельность Сталина. Это я приветствую. В этой связи упомяну только о том, что частично составляет предмет нашего обсуждения, – вопрос об информации. Ведь самая большая беда и, пожалуй, центральная проблема, связанная с недостаточной подготовленностью нашей страны к войне в 1941 году, это отсутствие свободной

информации, хотя бы в рамках государственного аппарата, невозможность свободно высказать свою точку зрения даже в рамках секретного заседания.

Этот вопрос о свободе информации, не в буржуазном смысле этого слова, а с точки зрения наших марксистско-ленинских идей, с точки зрения прямого выполнения гражданского долга работниками аппарата, вопрос о точности и правдивости информации – этот вопрос злободневен и сегодня.

Комментарии и дополнения

1) При чтении стенограммы моей речи вряд ли можно уловить некоторые существенные оттенки и акценты отдельных моих высказываний. Так, когда я говорил, что «Деборин приглашает обсудить не только ошибки Сталина, но и систему управления», то придал этим словам явственный для аудитории иронический оттенок по адресу Деборина, который, конечно, не осмелился бы, да и не хотел, выступить с подобным предложением. Мое намерение заключалось отчасти в том, чтобы поставить законопослушного докладчика в затруднительное положение, но главное – именно в том, чтобы поднять важнейший вопрос о методах управления страной.

2) Когда я был привлечен к партийной ответственности за свое выступление на дискуссии в Институте марксизма-ленинизма, то должен был дать «объяснения». Тогда я несколько дополнил соображения, высказанные в моей речи. Я связал свою критику доклада Деборина с существом исторических проблем, которым теперь посвящены эти заметки.

Любопытно, что пришлось объяснять значение проблемы ответственности за фактическое поражение армии в начале войны и за неизмеримые бедствия, постигшие народ. В частности, я писал:

Беседовавшие со мной товарищи выясняли, почему участники дискуссии, в частности, я, занимались вопросом о причинах недостаточной подготовленности страны к войне с Германией. Я заметил даже склонность вовсе обходить этот вопрос на том основании, что СССР в конечном счете разгромил гитлеровскую Германию. На этой стороне я здесь остановлюсь несколько подробнее, так как тем самым объясню характер моего выступления на дискуссии, собственно состоявшего из тезисов и формулировки проблемы.

Великая победа СССР, советского народа над фашистскими агрессорами, над гитлеровской Германией – исторический факт огромного значения и пред-

мет нашей законной гордости. Но этим не снимается вопрос о том, почему вопреки нашим ожиданиям, даже уверенности в том, что в случае нападения империалистов мы будем вести войну на территории противника, фашистский агрессор временно оккупировал огромную часть нашей страны. Наше мировоззрение исключает фаталистическое представление, будто Германия обязательно должна была в силу своей агрессивности оказаться в начале войны сильнее Советского Союза. Необходимость ответить на поставленный вопрос стоит перед исследователем, стремящимся дать марксистски обоснованный анализ исторических событий; эта задача стоит и перед пропагандистами и агитаторами; достаточно, например, побывать на Пискаревском кладбище в Ленинграде, чтобы понять, что у советских патриотов возникает мучительный вопрос: как случилось, что город Ленина был блокирован уже на третьем месяце войны? Естественно, что участники обсуждения книги, называвшейся *1941, 22 июня*, посвятили свое внимание упомянутым важным вопросам.

3) В моих «объяснениях», как и в самой речи в ИМЛ, я придерживался официальной фразеологии; между тем, смысл сказанного требовал бы иных определений и понятий. Такой «разрыв между содержанием и формой» нередко наблюдается в советской публицистике. Естественно, что в результате возникают и внутренние противоречия в самом изложении мыслей автора или оратора. Так случилось и со мной. Желая показать чиновникам от науки, что, пытаясь реабилитировать политику Сталина, они тем самым чернят аппарат, касту, частью которой они сами являются, я как бы взял под защиту этот аппарат управления страной. Но между тем важнейшая мысль моего выступления как раз заключалась в противоположном, в том, что плодотворный анализ трагедии страны, связанной с началом войны в 1941, невозможен без анализа самой системы управления страной, а тем самым пороков государственного и партийного аппарата и всей политики Сталина.

4) Такая постановка проблемы (лишь намеченная в речи по поводу книги Некрича) была связана с попыткой указать на подлинные намерения Сталина в 1941. В моих «Объяснениях» в сентябре 1967 я вкратце дополнил свою аргументацию по этому вопросу. Я писал:

В дискуссии я упомянул факт, почти нигде не проанализированный: тот факт, что незадолго до нападения Германии Сталин занял пост председателя Совнаркома, то есть официально стал во главе совет-

ского аппарата⁵⁶. При его авторитете и роли ему незачем было это делать для того, чтобы непосредственно влиять на управление страной. Поэтому я считаю, что исследователь-историк должен разобраться в причинах указанного шага Сталина... Я не сказал на дискуссии, а в этом документе я могу добавить, что И.В. Сталину незачем было занимать пост председателя Совнаркома для руководства обороной, он и без того ее возглавлял. На дискуссии я ограничился условной формулировкой (для объяснения намерений Сталина): «я не знаю никаких сообщений по этому поводу, но зато есть данные, что он продолжал все ту же линию: стремление во что бы то ни стало договориться с агрессивной фашистской Германией».

Иными словами, Сталин официально возглавил правительство, чтобы получить формальную возможность для своих прямых переговоров лично с Гитлером.

Свою критику действий Сталина я попытался обосновать ссылкой на официальные исторические труды (тогда еще не пересмотренные). Я писал в своих «Объяснениях»:

Впрочем, то, что я лишь вскользь отметил в своем выступлении в ИМЛ и чуть подробнее поясню здесь, является лишь развитием вывода, сделанного в книге *Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история* (изд. 1967). Там, в частности, говорится: «неподготовленность приграничных округов к отпору врагу явилось прежде всего следствием ошибочных представлений И.В. Сталина о перспективах войны с фашистской Германией в ближайшее время и переоценки им значения советско-германского договора (подчеркнуто мной. – Е.Г.)... Сталин до самого последнего момента верил, что ему удастся политическими и дипломатическими мерами оттянуть начало войны Германии с СССР» (*Краткая история*, 1967, с. 58). В этом выводе содержится и косвенное подтверждение осторожно высказанных мною предположений о причинах, побудивших Сталина весной 1941 года занять пост председателя Совнаркома.

5) По поводу этой цитаты из официального источника, еще сравнительно критического по отношению к сталинской политике, надо сделать замечания, сходные с теми, какие я сделал выше, когда указал на неточность предположения, что Сталин заключил пакт от августа 1939 лишь потому, что ошибочно предполагал, будто западные державы окончательно сговорились об агрессии против СССР. Некоторые авторы высказывают мнение, что Сталин и в июне 1941 просто ошибся в расчетах: он думал, что война на Западе затянется и за это время удастся подготовить СССР, армию прежде всего, к конфликту с Германией. Это неточно.

Ни заключение пакта в 1939, ни усилия расширить соглашение с Гитлером в 1940-1941 не были только плодом ошибочной оценки конъюнктуры. Дополняя сказанное ранее, подчеркну, что в обеих ситуациях решающую роль (наряду с просчетами) играла сама ориентация на сотрудничество с фашистской Германией как с сильнейшей державой, с которой можно было бы поделить мир. Отсюда отказ от антифашизма в 1939, и пренебрежение обороной в 1941.

Будущий историк сумеет включить в общую картину: тайные, скрытые от антифашистов, от сторонников коллективного отпора агрессору, контакты сталинского правительства с гитлеровцами в 1933-1938, террор 1936-1938, расчистивший путь для сговора с фашизмом, самый сговор 1939, переговоры в конце 1940 о дележе мира и преступно авантюристические попытки в 1941 договориться с Гитлером вместо того, чтобы предпринять все необходимое для отпора неминуемому нападению на страну по широкому фронту.

6) В картину эволюции внешней политики сталинского правительства должен быть включен и анализ эволюции политического режима. Этот вопрос был лишь косвенно затронут в дискуссии по поводу книги Некрича. Я коснулся этой проблемы, когда говорил об отсутствии свободной информации и невозможности высказать и обосновать правдивую информацию, хотя бы и не совпадающую с мнением руководства. Эти мысли были на дискуссии облечены в форму настойчивых возражений против попыток обелить Сталина, ссылаясь на то, что аппарат его неверно информировал. В затребованных от меня объяснениях я вновь коснулся этих проблем:

В выступлении на дискуссии я ограничился чисто деловым указанием на собственный опыт, свидетельствовавший о том, что Сталин и руководящие товарищи относились с большим вниманием и интересом к информации, характеризовавшейся как «недостоверная».

Прочитывая соответствующее место из моей речи, я далее писал:

«Я не сказал на дискуссии, какой именно документ я составлял для Политбюро, но отметил, что это был довольно безобидный документ. Я имел в виду сводку телеграмм иностранных корреспондентов и распоряжений цензуры по этим телеграммам, о существовании которой было широко извест-

но. Я дал свою справку для того, чтобы предупредить о возможности неправильной оценки документов, касающихся кануна войны, да и других периодов; было бы ошибкой, если бы исследователи думали, что указание сотрудников Сталина на недоверный характер докладываемой ими информации равносильно попытке скрыть или умалить значение достоверной информации. Говоря об этом, я коснулся положения, в котором порой находились работники аппарата в условиях культа личности, о чем я снова упомянул в конце своего выступления.

7) Завершая эти комментарии, необходимо уточнить постановку вопроса об информации. В моей речи был затронут ее узкий аспект, если так можно выразиться, внутри-аппаратная роль информации. Но ведь вопрос о свободе и правдивости информации — это важнейшая общественно-политическая проблема.

В дискуссии речь шла о роли «недостоверной информации» в официальных документах, по сути дела имелась в виду определенная форма работы аппарата. После моего выступления на заседании в Институте марксизма-ленинизма товарищи, работавшие в разных звеньях государственного аппарата, в том числе и военных, подтвердили в беседе со мной ту мысль, что в любой информационной сводке главное значение имеет не констатация фактов бесспорных и явных, а информация еще непроверенная, но заслуживающая внимания. Это отражено и в структуре соответствующих документов. В указании на эту сторону дела заключался непосредственный смысл моих замечаний.

Разъяснение этого, даже применительно к прошлому, имеет не только исторический интерес. Недавно (в конце 1976) некоторые докладчики в московских (вероятно, и не московских) учреждениях дошли до того, что оправдывали поведение Сталина накануне войны тем, что он не должен был на основании «непроверенных сведений», например, полученных от Зорге, подвергнуть сомнению верность Гитлера принятым им обязательствам. Так и говорилось: «как честный человек, Ста-

лин не мог опираться на непроверенные данные». А то, что он был обязан, по крайней мере, проанализировать полученную информацию, докладчики-неосталинисты умалчивали. Сверх того, они не отдавали себе отчета в том, что изображали Сталина простаком. О катастрофе, постигшей страну, вовсе умалчивали.

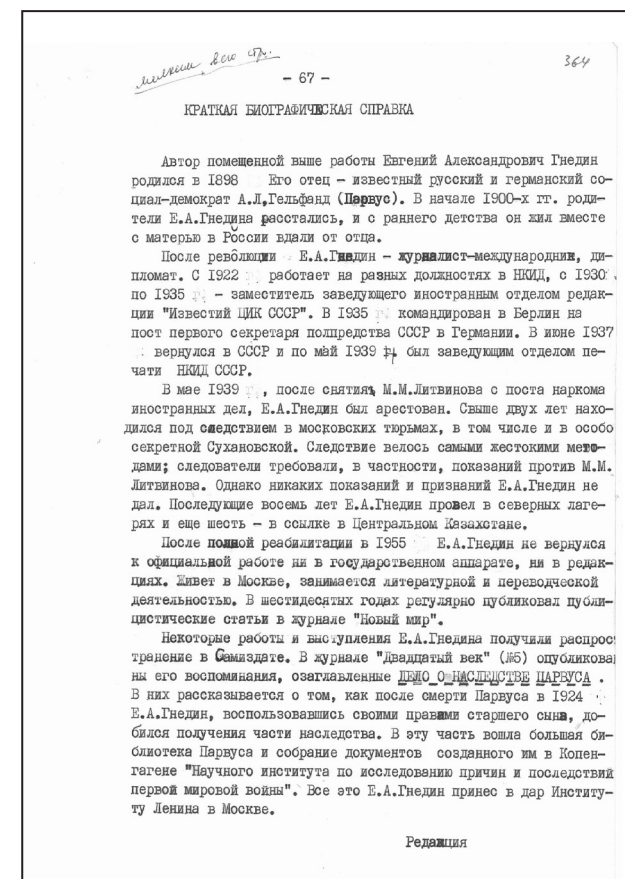
Оставаясь в рамках освещения «внутри-аппаратной» роли информации, следует дополнительно указать на засекречивание информации. На всех уровнях государственного и партийного аппарата существуют разные категории информации, доступные лишь на разных ступенях иерархической лестницы. На собрании в ИМЛ я как раз указал на то, что даже не все члены Политбюро имели доступ к информации, бросавшей свет на подлинный характер происходящих событий.

Наконец, еще одна черта внутриаппаратной информации: приспособление содержания доклада к настроениям начальства, а также использование такой фразеологии, благодаря которой информация уже теряет свой смысл. Об этом я уже говорил.

Хотя приведенные аспекты извращения роли информации относятся к деятельности государственного аппарата, они имеют более широкое значение. Суть дела выражена известной формулой: если в государстве отсутствует «обратная связь», то невозможно эффективно управлять жизнью страны.

Но, разумеется, проблема имеет гораздо более широкое, принципиальное значение. Я только повторяю для полноты изложения общеизвестную истину, что непреложным условием здорового развития общества является широкая свобода разносторонней информации, обеспечение ее правдивости, широкой гласности. И, конечно, я имел в виду именно эту проблему, когда завершил свою речь в 1966 году словами: «вопрос о точности и правдивости информации злободневен и сегодня».

значение курсивом названий книг и статей). Минимальные недоработки редакторов и комментаторов сборника или редкие опечатки исправлены нами тут с использованием квадратных скобок; сам текст био- и библиографических справок в комментарии оставлен нами в том же виде, в каком они были написаны в 1970-е годы.

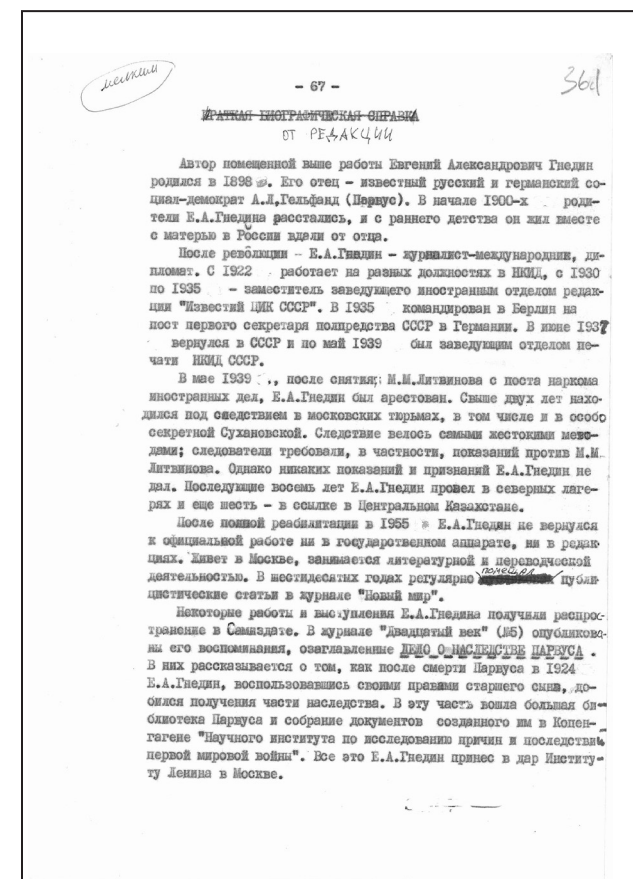

ОТ РЕДАКЦИИ Краткая биографическая справка

Автор помещенной выше работы Евгений Александрович Гнедин родился в 1898. Его отец — известный русский и германский социал-демократ А.Л. Гельфанд (Парвус). В начале 1900-х родители Е.А. Гнедина расстались, и с раннего детства он жил с матерью в России вдаль от отца.

После революции Е.А. Гнедин — журналист-международник, дипломат. С 1922 работает на разных должностях в НКВД, с 1930 по 1935 — заместитель заведующего иностранным отделом редакции «Известий ЦИК СССР». В 1935 командирован в Берлин на пост первого секретаря полпредства СССР в Германии. В июне 1937 вернулся в СССР и по май 1939 был заведующим отделом печати НКВД СССР.

В мае 1939, после снятия М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел, Е.А. Гнедин был арестован. Свыше двух лет находился под следствием в московских тюрьмах, в том числе и в особо секретной Сухановской. Следствие велось самыми жестокими методами; следователи требо-

вали, в частности, показаний против М.М. Литвинова. Однако никаких показаний и признаний Е.А. Гнедин не дал. Последующие восемь лет Е.А. Гнедин провел в северных лагерях и еще шесть — в ссылке в Центральном Казахстане.

После полной реабилитации в 1955 Е.А. Гнедин не вернулся к официальной работе ни в государственном аппарате, ни в редакциях. Живет в Москве, занимается литературной и переводческой деятельностью. В шестидесятых годах регулярно помещал публицистические статьи в журнале «Новый мир».

Некоторые работы и выступления Е.А. Гнедина получили распространение в Самиздате. В журнале «Двадцатый век» (№ 5) опубликованы его воспоминания, озаглавленные *Дело о наследстве Парвуса*. В них рассказывается о том, как после смерти Парвуса в 1924 Е.А. Гнедин, воспользовавшись своими правами старшего сына, добился получения части наследства. В эту часть вошла большая библиотека Парвуса и собрание документов созданного им в Копенгагене «Научного института по исследованию причин и последствий первой мировой войны». Все это Е.А. Гнедин принес в дар Институту Ленина в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ Составил Ф.Буркалов

¹ Твардовски, Фриц Эрнст Альберт фон (1890-1970) – германский дипломат, на дипломатической службе с 1922. Советник германского посольства в Москве в 1928-1935. В отсутствие послов (август–ноябрь 1933, июль–сентябрь 1934) – временный поверенный в делах Германии в СССР.

² События, изложенные здесь, известны под названием «Журналистский конфликт». 20.09.1933 МИД Германии сообщил полпредству СССР в Берлине, что советские журналисты на процесс в Лейпциге допущены не будут (по решению суда). К этому времени зав. берлинским отделением ТАСС И.Беспалов и корреспондент «Известий» Л.Кайт уже отправились в Лейпциг, где были 22.09.1933 арестованы и в тот же день освобождены. 23.09 временный поверенный в делах СССР в Германии С.А. Бессонов предупредил немецкую сторону о возможных ответных санкциях Советского правительства. 25.09 одновременно в Москве и Берлине советские дипломаты сообщили германским, что журналисты СССР отзываются из Германии, а всем немецким журналистам надлежит в трехдневный срок покинуть СССР. Фон Твардовски в тот же день имел встречу с Литвиновым и пытался локализовать конфликт. В конце беседы Литвинов неофициально сформулировал советские требования: Германия должна извиниться за аресты в Лейпциге и допустить советских журналистов на процесс (*Документы внешней политики СССР* [далее – *ДВП*], М., 1971, т. XVI, док. №№ 293, 296, 300, 301). За описываемый Е.А. Гнединым период от 27.09 до 23.10 ни одного документа, касающегося советско-германских отношений (в т.ч. ноты германского МИД от 29.09, упоминаемой здесь), в т. XVI *ДВП* нет. 28.10 М.М. Литвинов, направлявшийся в США, на несколько часов заехал в Берлин и встретился с министром иностранных дел Германии К.Нейратом. К моменту встречи текст «документа примирительного содержания», упоминаемого Е.А. Гнединым на с.6, уже был выработан (см. *ДВП*, т. XVI, док. №29). Он был опубликован в СССР и Германии 31.10.1933. Л.Кайт и И.Беспалов получили билеты на Лейпцигский процесс.

³ Литвинов Максим Максимович (Валлах Меер) (1876-1951) – чл. РСДРП с 1898, большевик. В 1918-1946 – на дипломатической работе. В 1930-1939 – нарком иностранных дел СССР, в 1941-43 – посол в США, в 1943-46 – зам. наркома иностранных дел СССР. В 1947 отправлен на пенсию.

⁴ Крестинский Николай Николаевич (1883-1938) – член РСДРП с 1903, парт. деятель и дипломат. В 1919-1921 чл. Политбюро и секретарь ЦК РКП(б). В 1918 – «левый коммунист», в «профсоюзной дискуссии» – сторонник Л.Д. Троцкого, в 1927 – участник «опозиционного блока», в 1928 – «порвал с оппозицией». Полпред СССР в Германии в 1921-1930, зам. наркома иностранных дел СССР в 1930-1937. Арестован в мае 1937. Осужден по процессу «Антисоветского право-троцкистского блока» (1938). Расстрелян.

⁵ Хинчук Лев Михайлович (1868-1944) – в социал-демократическом движении с 1890, в 1903-1919 – меньшевик (в 1917 – чл. ЦК РСДРП). Чл. РКП(б) с 1920. В 1920-1930 – председатель Центросоюза. Полпред СССР в Германии с 1930 по май 1934. Нарком внутренней торговли РСФСР в 1934-1937. Арестован в 1938. Погиб в заключении.

⁶ Дирксен, Герберт фон (1882-1955) – германский дипломат. На дипломатической службе с 1918. Посол Германии в Москве с 1928 по авг. 1933, посол в Японии в 1933-1938, посол в Великобритании в 1938-1939, с 1939 – в отставке. Оставил воспоминания: *Moskau, Tokio, London*, 1949.

⁷ Обмен посланиями между президентом США Ф.Д. Рузвельтом и председателем ЦИК СССР М.И. Калининым состоялся в октябре 1933 (послание Рузвельта – от 10.10, послание Калинина – от 17.10, опубликованы одновременно – 21.10). Рузвельт писал, что готов принять советского представителя для обсуждения вопроса о нормализации отношений между двумя странами. Калинин ответил, что представителем назначен М.М. Литвинов. Литвинов прибыл в США 7.11.1933, а 16.11 состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между США и СССР.

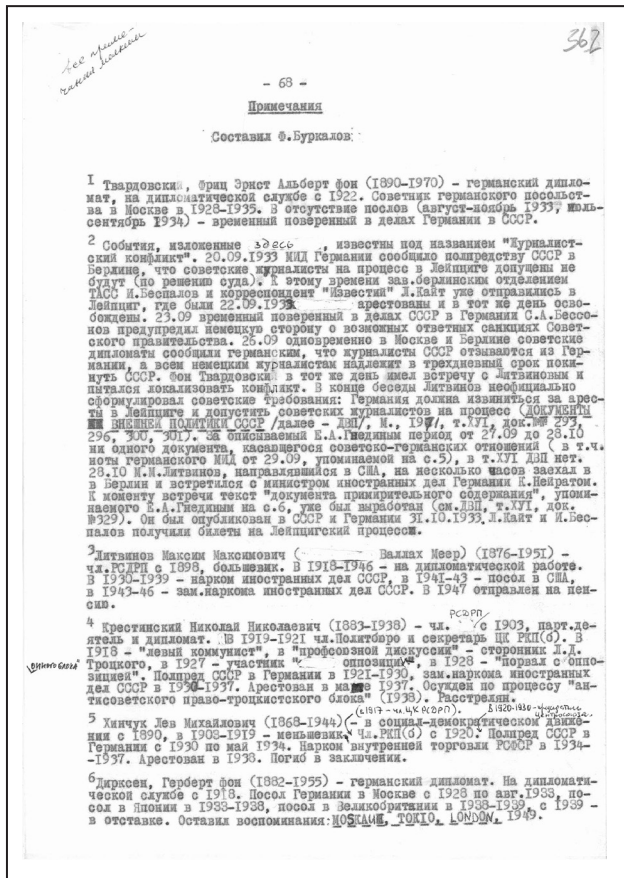
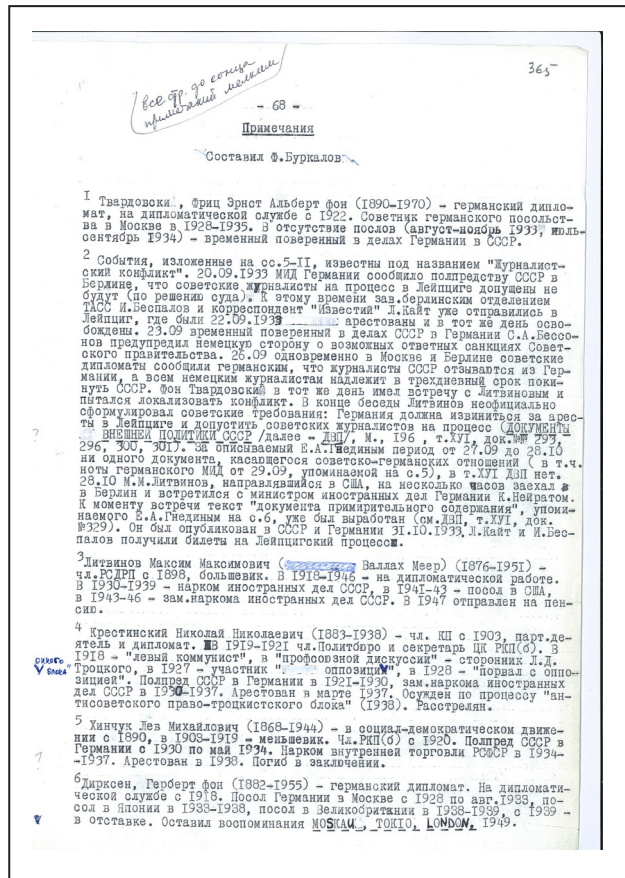
⁸ Надольный, Рудольф (1873-1953) – германский дипломат. На дип. службе с 1902. С ноября 1933 по июнь 1934 – посол Германии в Москве. Был отозван из Москвы и уволен в отставку вследствие конфликта с Гитлером. В годы II мировой войны участвовал в немецких кружках Сопротивления. Оставил воспоминания: *Mein Beitrag*, 1955.

⁹ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (р. 1890) – чл. КП в 1906-1962, председатель Совнаркома СССР в 1930-1941. С мая 1939 по март 1949 и в 1953-1955 – нарком (министр) иностранных дел СССР.

¹⁰ КВЖД – Китайско-восточная железная дорога – построена в 1897-1903 по русско-китайскому договору 1896. По советско-китайскому соглашению 31.05.1924 КВЖД признана чисто коммерческим предприятием, управляемым совместно СССР и Китаем. После оккупации Японией в 1931 Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) и образования на этой территории марионеточного государства Маньчжоу-Го (1932-1945) между СССР и Японией начались конфликты из-за условий работы КВЖД. В 1935 КВЖД была продана властям Маньчжоу-Го за небольшую сумму (140 млн. иен). Сейчас находится на территории КНР и называется Харбинской ж.д.

¹¹ В выступлении В.М. Молотова 31 августа 1939 г. на IV сессии Верховного Совета СССР сказано: «Надо признать, что и в нашей среде были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов» («Правда», 1.9.1939).

¹² Слухи об аресте В.Н. Баркова (как и Е.А. Гнедина) в октябре 1938 были несколько преждевременны. Осенью 1939 он еще оставался на посту заведующего протокольным отделом НКВД и в этом качестве встречал и

проводил Риббентропа во время его визитов в Москву. Об обстоятельствах его ареста см. статью М.Логинова *Культ личности чужд нашему строю!* – «Молодой коммунист», 1962, № 1, стр. 53-54.

¹³ Шуленбург, Фридрих Вернер фон, граф (1875-1944) – германский дипломат. На дип. службе с 1901. Посол в Москве с сент. 1934 по 22.06.1941. Казнен как участник заговора 20.07.1944.

¹⁴ Берия Лаврентий Павлович (1899-1953) – чл. КП с марта 1917, канд. в чл. Политбюро ЦК ВКП(б) в 1939-1946, чл. Политбюро в 1946-1953. С 20.07.1938 – заместитель, а с 8.12.1938 по март 1946 (и в марте-июне 1953) – нарком (министр) внутр. дел СССР. Арестован в июне, расстрелян (по официальным данным) в дек. 1953.

¹⁵ Вейцекер, Эрнст Фрейхерр фон (1882-1951) – нацистский дипломат. В 1936-1938 – руководитель политического отдела МИД Германии, в 1938-1943 – статс-секретарь МИД Германии. Осужден в 1947 как военный преступник. Оставил воспоминания: *Erinnerungen*, 1950.

¹⁶ Никербокер, Хьюберт Ренфро (1898-1949) – известный американский журналист, корреспондент многих американских газет в Европе в 1924-1941. В 1933-1941 – разъездной корреспондент агентства Интернейшнл Ньюс Сервис. В 1939 получил Пулитцеровскую премию за репортажи. Автор многих книг, в т.ч. о Советском Союзе.

¹⁷ Браун, Сесил (р. 1907) – американский журналист, в 1938-1939 – корреспондент агентства Интернейшнл Ньюс Сервис.

^{17a} Кирк, Александр Комстон (р. 1888) – американский дипломат, на дипломатической службе с 1915. В 1938-1939 – генеральный консул и советник посольства США в Москве. С 1946 – в отставке.

¹⁸ В Отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии Сталин сформулировал основные задачи советской внешней политики так: «1. Политика мира и укрепления деловых связей со всеми странами... 2. Обеспечить осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» (И.В. Сталин. *Вопросы ленинизма*, М., 1945, с. 574). На эту формулу впоследствии постоянно ссылался Молотов, оправдывая советско-германское сближение.

¹⁹ Восточный (гарантийный) пакт – неосуществленный проект договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Польшей, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой, который гарантировал бы их совместные действия в случае нападения агрессора (имелась в виду, хотя прямо и не называлась, Германия). Идея такого пакта была выдвинута в начале 1934 министром иностранных дел Франции Барту и поддержана СССР.

²⁰ Барту, Жан Луи (1862-1934) – французский гос. деятель, министр иностранных дел в феврале-октябре 1934.

Один из инициаторов приглашения СССР в Лигу Наций в 1934. Убит хорватским террористом.

²¹ Нейрат, Константин фон (1873-1956) – германский дипломат и гос. деятель. В 1932-1938 – министр иностранных дел Германии. Осужден на Нюрнбергском процессе как военный преступник.

²² Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885-1939?) – журналист, активный деятель галицийской, польской, германской и русской социал-демократии. В 1920 – секретарь ИККИ. В 1919-1924 чл. ЦК ВКП(б). Исключен из партии в 1927 как троцкист, восстановлен в 1930. В 1930-е – ведущий публицист «Известий». В 1935-1936 – чл. комиссии по выработке новой конституции («сталинской»). Арестован в 1936 и в 1937 приговорен к 10 годам заключения по делу «Антисоветского троцкистского центра (параллельного)». По слухам, убит в лагере уголовником. (Другая версия – расстрелян в Орловском изоляторе в октябре 1941.)

²³ Пайяр, Жан (1892-1969) – французский дипломат. На дип. службе с 1920. В 1939-1941 – посланник в Москве.

²⁴ Хильгер, Густав (1886-1965) – германский дипломат, родился в Москве в семье немецкого купца. Жил в России до 1903 и в 1910-1918. С января 1923 – легационный советник германского посольства в Москве, с ноября 1939 – советник посольства. Считался в Берлине главным экспертом по России. В годы II мировой войны активно поддерживал деятельность Власова, участвовал в организации и работе Комитета Освобождения Народов России (КОНР). С 1946 работал у американцев, с 1948 – в восточном отделе Госдепартамента США. В 1953-1956 – консультант МИД ФРГ по Востоку.

²⁵ В ноябре 1918 Радек нелегально приехал в Германию для организации I съезда КПГ и был арестован 15.02.1919. Освобожден в декабре 1919. В своих воспоминаниях – *Ноябрь (Страничка из воспоминаний)*. «Красная новь», М.-Л., 1926, № 10, стр. 139-175 – Радек упоминает барона Райвница, коллегу Людендорфа по кадетскому корпусу, и барона Рейгница, у которого он жил после выхода из тюрьмы. Неясно, являются ли эти бароны одним лицом, а если нет, то кто из них идентичен упоминаемому в тексте барону Рейбницу. Барон Рейгниц, согласно воспоминаниям Радека, познакомил его с полковником Бауэром, «начальником немецкой артиллерии в войне и первым советником Людендорфа».

Людендорф, Эрих (1865-1937) – германский военный и политический деятель. С 1894 – в Генштабе, с 1908-1912 – начальник оперотдела Генштаба. В авг. 1916 – окт. 1918 – 1-й генерал-квартирмейстер штаба верховного командования и фактический руководитель действий вооруженных сил Германии. В политике – сторонник сильного режима типа военной диктатуры. 26.10.1918 – вышел в отставку. Активный участник Капповского путча в 1920 и руководитель (вместе с Гитлером) Мюнхенского путча 1928.

Бауэр, Макс Герман (1869-1929) – немецкий офицер-артиллерист. В армии с 1888. В 1908 – референт по артиллерии в отделе Генштаба, руководимом Людендорфом. В годы войны активно помогал Людендорфу в его военной и политической деятельности. Участник

Капповского путча, после которого уехал в Китай, где и жил до смерти. Был советником пря Нанкинском правительстве.

²⁶ 3.05.1924 немецкий коммунист Боценгардт, обвинявшийся в государственной измене, бежал в Берлине из-под стражи и скрылся в здании торгового представительства СССР (Линденштрассе, 20/25). Преследовавшим его полицейским было заявлено, что здание представительства экстерриториально, и предложено немедленно удалиться. Через несколько часов отряд полиции окружил здание представительства, был произведен тщательный обыск, а сотрудники представительства, помешавшие полицейским преследовать Боценгардта, были арестованы. Разразился громкий дипломатический скандал (см. *ДВП*, т. VII, док. №№ 119, 120, 126, 131, 134, 142, 151, 160, 195). Германское правительство заявило, что торговое представительство СССР, занимающее арендованное здание, не пользуется экстерриториальностью. Правительство СССР в ответ на это отозвало полпреда Н.Н. Крестинского, торговое представительство было закрыто, торговля СССР с Германией полностью прекращена (в т.ч. прекратилась поставка продовольствия по уже заключенным договорам). Инцидент был урегулирован протоколом от 29.07.1924, согласно которому экстерриториальность признавалась за частью помещения торгового представительства. Подписанный 12.10.1925 договор между СССР и Германией содержал следующее положение: «Помещения, которыми пользуется Торговое Представительство для своей деятельности соответственно статье 3-ей настоящего (экономического. – *Ф.Б.*) Соглашения, расположенные по Линденштрассе 20/25 в Берлине, экстерриториальны» (*ДВП*, т. VIII, стр. 589).

²⁷ Брокдорф-Ранцау, Ульрих Карл Христиан фон, граф (1869-1928) – германский дипломат. Посол в СССР в 1922-1928.

²⁸ Оберлендер, Теодор (р. 1905) – немецкий экономист, политический деятель. Специалист по аграрной истории Восточной Европы, в 1934-1937 – директор Института экономики Восточной Европы (Данциг). С 1937 – профессор Кенигсбергского университета. В годы II мировой войны – капитан вермахта, служил в аппарате Э.Коха (см. прим. 29). В 1953-1965 – депутат бундестага от Христианско-Демократической Партии. В 1953-1960 – федеральный министр по делам беженцев. В 1930-е гг. неоднократно посещал СССР.

²⁹ Кох, Эрих (р. 1896) – крупный функционер нацистской партии. Вступил в НСДАП в 1921. В 1928-1945 – гауляйтер Восточной Пруссии, а с 1933 и ее обер-президент. В 1941-1944 – рейхскомиссар Украины. В нацистской партии считался «крайним социалистом», проявлял интерес к советским формам организации сельского хозяйства (совхозам); вводил их на подвластных ему оккупированных территориях Польши и Украины. Осужден в Польше как военный преступник. Процесс происходил в Варшаве 20.10.1958–9.03.1959. В последнем слове Кох упомянул Оберлендера, уволенного им за излишнюю жестокость, а в момент суда занимавшего пост министра в Бонне. Оберлендер немед-

ленно заявил, что был уволен Кохом не за жестокость, а наоборот, за ее отсутствие при проведении «восточной политики». Разразившаяся международная кампания в прессе привела к отставке Оберлендера в 1960.

³⁰ Бухарин Николай Иванович (1888-1938) – чл. РСДРП с 1906, один из лидеров большевистской партии, в 1924-1929 – чл. Политбюро ЦК ВКП(б). Главный редактор «Известий» с 1934 по 16.01.1937. Арестован 27.02.1937. Главный обвиняемый на процессе «Антисоветского право-троцкистского блока» (2-13.03.1938). Расстрелян.

³¹ Имеются в виду доклад Л.М. Кагановича *О работе ЦК ВКП(б)* на Московской объединенной (III городской и IV областной) партконференции, где было сказано: «Что касается взаимоотношений с Германией, то если немецкое правительство захочет установить отношения наподобие тех, которые были до фашистского режима, и не задирается, наше правительство не раз заявляло, что готово на это пойти» («Правда», 22.1.1934), и отчетный доклад В.М. Молотова *О работе правительства VII съезду Советов СССР*, в котором говорилось: «Про себя мы можем сказать, что у нас не было и нет другого желания, как иметь и дальше хорошие отношения с Германией. Всем известно, что Советский Союз проникнут глубоким стремлением к развитию отношений со всеми государствами, не исключая и государств с фашистскими режимами» («Правда», 29.1.1935).

³² Шахт, Ялмар (1877-1970) – крупный немецкий банкир и промышленник. В 1934-1937 – министр экономики Германии, в 1933-1939 – президент Имперского банка. Один из обвиняемых на Нюрнбергском процессе, оправдан.

^{32а} Канделаки Давид – в начале 1930-х – сотрудник личного секретариата Сталина. С янв. 1935 по февр. 1937 – торгпред СССР в Германии. Весь этот период вел конфиденциальные переговоры о Шахтом, в ходе которых с обеих сторон шел глубокий зондаж перспектив советско-германских отношений вплоть до обсуждения вопроса о миллиардном кредите Германии Советскому Союзу. На фоне ожесточенной идеологической войны между обеими странами эти переговоры оставались единственным каналом деловых контактов. Отзыв Канделаки из Берлина в феврале 1937 привел к двухлетней остановке неформальных связей двух стран. (См. *ДВП*, т.т. XVIII-XX).

³³ Геринг, Герман (1893-1946) – один из вождей нацистской партии, чл. НСДАП с 1922, руководитель штурмовых отрядов СА. С 1933 – имперский министр авиации и глава правительства Пруссии, с 1935 – главнокомандующий военно-воздушными силами Германии. Одновременно глава крупного промышленного концерна «Герман Геринг». Покончил с собой после вынесения ему смертного приговора на Нюрнбергском процессе.

³⁴ Риббентроп, Иоахим (1893-1946) – нацистский дипломат. В 1936-1938 – посол Германии в Лондоне. В 1938-1945 – министр иностранных дел Германии. Осужден и повешен в Нюрнберге.

³⁵ Суриц Яков Захарович (1882-1952) – в социал-демократическом движении с 1902, большевик с 1917. Со-

ветский дипломат, на дипломатической работе с 1918. Полпред в Германии с 08.1934 по 06.1937.

³⁶ Бессонов Сергей Алексеевич (1892 – после 1939) – советский дипломат. В 1912-1918 – социалист-революционер, с 1920 – большевик. С 1933 по янв. 1937 – советник полпредства СССР в Германии, неоднократно исполнял обязанности временного поверенного в делах. Арестован 28.02.1937. Осужден по процессу «Антисоветского право-троцкистского блока» (1938) к 15 годам лишения свободы (самый мягкий приговор на процессе).

³⁷ Речь К.Радека на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна 20.07.1923. Под названием *Лео Шлагетер, бредущий в ничто* опубликована в книге: Карл Радек. *Портреты и памфлеты*, т. I, М., 1934, стр. 139-144 (первое изд. в 1927).

³⁸ Элиава Шалва Зурабович (1883-1937) – гос. и парт. деятель, чл. КП с 1904. В 1920-е занимал ответственные посты в Грузии и ЗСФСР. В 1931-1936 – зам. наркома внешней торговли СССР, в 1936-1937 – зам. наркома легкой промышленности СССР. Арестован в 1937. Погиб в заключении.

³⁹ Имеются в виду ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ от 23.08.1939 и ДОГОВОР О ДРУЖБЕ И ГРАНИЦЕ от 28.09.1939, подписанные Молотовым и Риббентропом в Москве.

⁴⁰ Енукидзе Авель Софронович (1877-1937) – чл. РСДРП с 1898, большевик. С 1918 – чл. Президиума и секретарь Президиума ВЦИК, с дек. 1922 – чл. Президиума и секретарь Президиума ЦИК СССР. 5-7.06.1935 исключен из ЦК ВКП(б) и из партии. Арестован в 1937, погиб в заключении. Газеты сообщали о казни Е., Карахана (см. прим. 42) и Орахелашвили 16.12.1937 по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР, однако БСЭ-3 дает дату смерти Е. – 30.10.1937, а Карахана – 20.09.1937.

⁴¹ Бюлов, Бернард Вильгельм фон (1885-1936) – германский дипломат, на дип. службе с 1911. В 1930-1936 – статс-секретарь МИД Германии.

⁴² Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889-1937) – советский дипломат. В 1918-1920 и в 1927-1934 – зам. наркома иностранных дел. С 1934 по 3.05.1937 – посол СССР в Турции. Арестован в 1937. Погиб в заключении (см. прим. 40).

⁴³ Процесс «Антисоветского троцкистского центра (параллельного)» проходил в Москве, в Октябрьском зале Дома Союзов 23-30.01.1937.

⁴⁴ В 1940 СССР поставил в Германию 896.1 тыс. т зерна (74,6% общего экспорта), 657,4 тыс. т нефтепродуктов (73%), 79 тыс. т хлопка-волокна (80% экспорта). В 1941 предусматривалось резкое увеличение поставок.

⁴⁵ Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969) – чл. РСДРП с 1903, большевик. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1952 – Президиум ЦК КПСС) в 1926-1960. Наркомвоенмор (с 1934 – обороны) в 1925-1940.

^{45а} Чемберлен, Невиль (1869-1940) – британский гос. деятель, в 1937-1940 – премьер-министр Великобритании.

⁴⁶ 31.03.1939 правительство Великобритании заявило, что оно гарантирует независимость и территориальную неприкосновенность Польши.

⁴⁷ Хадсон, Роберт Спир, виконт Певси (1886-1957) – британский гос. деятель, в 1937-1940 – министр заморской торговли Великобритании.

⁴⁸ Следует отметить, что «8 пунктов Литвинова» содержали, в частности, требование согласия западных держав на ввод советских войск в прибалтийские страны и Польшу «в случае угрозы профашистского переворота этих районах». Такая постановка вопроса вряд ли могла стать приемлемой для партнеров СССР по переговорам.

^{48a} Мерекалов Алексей Федорович (1900 – ?) – чл. КП с 1919, в 1919-22 – на работе в РККА и НКВД, в 1922-30 – на руководящей работе в кооперации, в 1930-34 – учился во ВГУЗе, с 1934 – в наркомате внешней торговли, с 3.10.1937 по 6.05.1938 – зам. наркома внешней торговли, с 6.05.1938 по апр. 1939 – полпред СССР в Германии.

^{48b} Астахов Г.А. (1897-1941?) – советский дипломат. В 1922-23 – зав. бюро печати полпредства СССР в Турции, в 1924-25 – сотрудник полпредства СССР в Германии, в 1925-1928 – в Японии, в 1928-29 – референт НКВД СССР, в 1930-33 – советник полпредства в Турции, в 1934-35 – в Великобритании, в 1936-37 – зав. отделом печати НКВД, в 1937-39 – советник полпредства СССР в Германии. Погиб в заключении.

⁴⁹ М., «Наука», 1965. Ср. полярные оценки книги в советской прессе: Г.Федоров. *Мера ответственности*. – «Новый мир», 1966, № 1, стр. 260-263 и Г.А. Деборин, Б.С. Тельпуховский. *В идейном плену у фальсификаторов истории*. – «Вопросы истории КПСС», 1967, № 9, стр. 127-140.

Некрич Александр Моисеевич (р. 1917) – докт. ист. наук, [в 1967 исключен из КПСС. – С.Д.], эмигрировал из СССР летом 1976.

P.P.S. (ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

Публикация выправленного и откомментированного в редакции «Памяти» текста исследования Е.А. Гнедина «Из истории отношений между СССР и фашистской Германией» сопровождается репродуцированием первых страниц – самого авторского текста, как бы редакционной справки об авторе (на деле написанной самим Е.А. Гнединым) и редакционного комментария – в двух вариантах. Первый – это полужерновная версия самиздатской машинописи (кстати, аналогичной именно той, что весной 1977 была отнесена Ларисой Богораз в дом одного из первых читателей, акад. А.Д. Сахарова: см. публикацию Михаила Яновского «Малоизвестная статья Ларисы Богораз». – «Декабрьский сбор друзей. К 9.XII.2010». Приложение к журналу «Другой гид», 2010, № 12) и второй – уже окончательно набело выправленная версия для тамиздатского типографского воспроизведения, завершенная примерно полугодом позднее. Сам же текст публикации печатается, разумеется, по второй, окончательной версии – имеющей, есте-

⁵⁰ Голиков Филипп Иванович (р. 1900) – советский военный деятель, Маршал Советского Союза (1961). В 1940-41 – начальник Главного разведывательного управления Генштаба РККА.

⁵¹ Зорге, Рихард (1895-1944) – советский разведчик. Казнен в Японии.

⁵² Кузнецов Николай Герасимович (1902-1974) – служил в ВМФ с 1919, чл. КП с 1925. В 1936-37 – военно-морской атташе и советник в Испании, в 1937-39 – командующий Тихоокеанским флотом. В 1939-46 – нарком ВМФ СССР. В 1948 привлечен к делу адмиралов В.А. Алафузова, Л.М. Галлера, Г.А. Степанова и с понижением отправлен на Дальний Восток. В 1951-53 – Военно-морской министр СССР. С марта 1953 – 1-й зам. министра обороны СССР и Главком ВМФ. В 1955 выведен из ЦК КПСС, снят со всех постов, понижен в звании на два ранга (из адмиралов флота – в вице-адмиралы). С февр. 1956 – в отставке.

⁵³ В заявлении ТАСС от 14.06.1941 категорически опровергались слухи о скором нападении Германии на СССР.

⁵⁴ Молотов вел в Берлине переговоры с Гитлером и Риббентропом 12-14.11.1940. Первый опубликованный в СССР источник о содержании этих переговоров – воспоминания В.М. Бережкова *На рубеже войны и мира. С дипломатической миссией в Берлине* (первая публикация – «Новый мир», 1965, № 7, стр. 143-184).

⁵⁵ Бережков Валентин Михайлович (р. 1916) – советский дипломат, журналист-международник. Был переводчиком на всех важнейших переговорах в «верхах» в 1940-45. Автор воспоминаний (см. прим. 54), а также *Тегеран, 1943* (М., 1968) и др. Ныне – главный редактор журнала «США. Экономика, политика, идеология».

⁵⁶ Сталин занял пост председателя СНК 6.05.1941. Молотов был переведен в заместители.

ственно, разночтения с тем самым первым авторским пробным вариантом, что одновременно со сдачей в редакцию «Памяти» был передан и издателю Валерию Чалидзе в Нью-Йорк.

Несмотря на сравнительно скромный объем подготовленного в 1977 в редакции «Памяти» комментария, он выполняет немаловажную роль при более глубоком и критическом восприятии текста читателем (да и сам Е.А. Гнедин с живейшим интересом ознакомился тогда с результатами редакционной работы над его исследованием); поэтому – при всей его очевидной теперь хронологической незавершенности – мы находим его точное воспроизведение тут и крайне полезным практически, и ценным исторически. (Пожалуй, бросается в глаза лишь нехватка необходимой более точной и корректирующей памяти мемуариста – биосправки о Д.В. Канделаки, 1895-1938...) Второй же историко-политический текст Е.А. Гнедина, его интервью редакции сборника «Память» (записанное А.Ю. Даниэлем) печатается по тамиздатской версии сборника, том 5, 1982.

RENDEZVOUS

Е.Гнедин В НАРКОМИНДЕЛЕ, 1922-1939

Евгений Александрович Гнедин родился в 1898 году в Дрездене в семье известного деятеля российской и германской социал-демократии А.Л. Парвуса. В раннем детстве переехал с матерью в Россию.

В 1920-х гг. Гнедин работал в центральном аппарате Народного комиссариата иностранных дел, занимаясь одновременно журналистикой. В 1931 он оставил службу в НКВД и до 1935 был сотрудником «Известий». Приобрел известность как один из ведущих советских журналистов-международников.

В 1935 его направили на пост первого секретаря советского посольства в Берлине, а в 1937 перевели на ответственную должность заведующего Отделом печати НКВД.

В мае 1939, через несколько дней после снятия М.М. Литвинова с поста наркома, Гнедина арестовали.

На следствии, которое длилось два года, его подвергали пыткам, вымогая показания, в частности – против Литвинова. Е.А.Гнедин виновным себя не признал и показания дать отказался.

Был приговорен к 10 годам лагерей. По истечении срока – сослан на вечное поселение в Казахстан.

В 1955 Гнедина реабилитировали. Вернувшись в Москву, он занимался литературно-публицистической деятельностью, сотрудничал в «Новом мире». С 60-х гг. принимает участие в правозащитном движении.

В 1977 в Амстердаме была издана книга его воспоминаний, в 1978 [надо: 1977. – С.Д.] в Нью-Йорке – работа о советско-германских отношениях в 30-е гг.

В 1979 Гнедин вышел из КПСС.

В беседе с Евгением Александровичем мы старались ограничиться единственной темой: Наркомат иностранных дел в 1920–30-х гг.

Первый вопрос, который хотелось бы Вам задать – что привело Вас в НКВД?

Когда я приехал в Москву летом 1920 года, меня приветил семья Юлиана Мархлевского. Мархлевский – крупный деятель польского, германского рабочего движения и советского государства. В прошлом он был близок с моим отцом. Одно время семья и дети находились в постоянном контакте. Когда я осенью 1922 года после учения на Экономическом факультете Петроградского политехникума вернулся в Москву, Мархлевский предложил мне, в полном соответствии с моими желаниями, поступить в НКВД. Меня приняли по его рекомендации.

А как вообще комплектовались кадры Наркомата иностранных дел в 20-е годы?

Пожалуй, решающую роль играло личное доверие. И, конечно, практическая пригодность (знание иностранных языков), образование. Работники ЦК и руководители НКВД предпочитали брать на работу прежде всего участников гражданской войны, бывших подпольщиков и политэмигрантов. Помнится, анкеты при поступлении не заполнялись. В моем деле первым документом было письмо Мархлевского. Аналогичные документы были исходными и в других личных делах.

Правда, я был беспартийным. Но тогда и членов партии брали на работу по личной рекомендации. Меня определили в Экономическо-правовой отдел, который почти весь состоял из беспартийных, имевших соответствующее образование.

Существовала ли в 20-е годы в Наркоминделе проблема «спецов»?

Проблема существовала, но в менее острой форме, чем в других звеньях государственного аппарата. Само принятие на работу в НКВД было актом большого доверия. Но все же проблема была; она воплощалась в самой структуре наркомата.

Поясните, пожалуйста, Вашу мысль.

До начала 30-х годов центральный аппарат НКВД четко разделялся на две части: Экономическо-правовой отдел, где и были сосредоточены старые специалисты, и, как тогда выражались, – политические отделы. Если исходить из представления, что конфликты и сотрудничество в международных отношениях составляют некое «диалектическое единство», причем «две системы» искони враждебны между собой (такова была психология того времени), то можно сказать, что политические отделы до конца двадцатых годов действовали в сфере конфликтов, в том числе и разрешаемых в процессе дипломатической деятельности, а главной функцией Экономическо-правового отдела было то, что он наполнял содержанием (в соответствии с общеполитическими решениями и директивами) процесс мирного сосуществования, придавая ему правовую, договорную форму.

В самые первые годы, до расширения дипломатических отношений деятельность политических отделов зачастую не имела конкретного содержания и порой сводилась к контролю. Злободневными были задачи, стоявшие перед отделами, ведавшими отношениями с

лимитрофами и со странами Востока: Турция, Персия, Афганистан.

Не могли бы Вы, иллюстрируя Ваш тезис, назвать какие-нибудь конкретные имена?

Назову ведущих сотрудников Экономическо-правового отдела. Заведовал отделом Андрей Владимирович Сабанин, юрист-международник, работавший еще в дореволюционном МИДе. Как я себе представляю, Сабанин был русским патриотом, пытавшимся добросовестно действовать в рамках новой системы и приспособиться к стилю советского учреждения. Впрочем, этот элегантный смуглый человек, с острой бородкой, похожий на царского министра иностранных дел Сазонова, держался с сотрудниками не слишком демократично.

В двадцатых годах Сабанин оказал большие услуги советскому правительству: выступал в роли эксперта по международно-правовым проблемам, готовил наших дипломатов к переговорам в Генуе и Гааге. Вообще он сыграл большую роль в передаче опыта новому поколению дипломатов. Помощником заведующего был Г.Н. Лашкевич, человек с острым умом и чувством юмора, тоже бывший сотрудник дореволюционного министерства, ценный эксперт. Таким же мне вспоминается и В.В. Егорьев, дореволюционный правовед, сын царского генерала, перешедшего на сторону советской власти. К этой категории относился и Н.П. Колчановский. Действенными сотрудниками были Б.Д. Розенблюм и М.А. Плоткин, беспартийные интеллигенты послереволюционной формации. Обоих высоко ценил М.М.Литвинов. Плоткин был специалистом по частному международному праву, Б.Д.Розенблюм – мой преемник на посту заведующего Торгово-политическим отделением – приобрел европейское имя как блестящий знаток мировой экономики и международных проблем. Особое место среди работников Экономическо-правового отдела двадцатых годов занимал А.Я. Канторович. Этот яркий и привлекательный человек сначала сочетал работу дипломатического чиновника с активной международно-политической журналистикой, а позднее стал крупным ученым, автором ценных трудов по проблемам Дальнего Востока. Одному из первых среди молодых ученых-международников ему было присвоено звание доктора наук.

Все названные мною лица (кроме Колчановского) были уничтожены или погибли в лагерях.

Назову некоторых руководителей других отделов. Ближневосточным отделом ведал Пастухов, его заместителем был Осетров. Оба они были образованными востоковедами; оба погибли в годы террора. Первым западным отделом (Прибалтика) в те годы заведовал Е.В. Рубинин, в тридцатых годах он был послом в Бельгии. И он пострадал от репрессий в пятидесятые годы, но, к счастью, после реабилитации продолжает вести плодотворную творческую жизнь¹. Отделом Дальнего Востока многие годы заведовал Козловский, энергичный человек, знаток дальневосточной политики. В свое время он тоже подвергся гонениям, но закончил свою жизнь в благополучных условиях, работая в Ленинской библиотеке. Отделом Центральной Европы ведал Борис Ефимович Штейн. До того он был секретарем советской делегации в Генуе и Гааге. Позднее он был послом в Финляндии, в Риме и постоянно входил в состав советской

делегации в Лиге наций. Его можно назвать близким сотрудником Литвинова. Кроме того, Штейн был автором книг по внешней политике и торговой политике; в этой области он был пролагателем путей. Наконец, Б.Е. Штейн был видным журналистом-международником, одно время фактически руководил Иностранным отделом «Известий». Б.Е. Штейна не арестовывали, но в пятидесятые годы его травили. Следствием травли была тяжелая болезнь, от которой он скончался.

Из Ваших слов можно понять, что аппарат НКВД в 1920-е годы состоял из юристов-международников с дореволюционным стажем, с одной стороны, и «интеллигентов послереволюционной формации» – с другой. Ощущали ли Вы между ними какой-нибудь явный или скрытый антагонизм? Антагонизм целей? средств? По Вашему рассказу, скажем, типичным представителем первой категории наркоминдельцев представляется А.В. Сабанин, а второй – например, А.Я. Канторович.

Вы удачно выбрали фамилии. Отношения между Сабаниным и Канторовичем были, действительно, неважные. Однако объяснялось это совсем не «антагонизмом средств или целей». Просто они были очень разными людьми, и это проявлялось, прежде всего, в стиле работы. Сабанин был типичный руководитель дипломатической канцелярии. Что же касается Канторовича, то он чувствовал себя прежде всего журналистом, большую часть времени занимался своими статьями – Сабанину это, естественно, не нравилось.

Вообще, если между двумя упомянутыми Вами группами сотрудников и ощущалось, может быть, некоторое отчуждение (во всяком случае, не антагонизм), то отнюдь не в идейно-теоретическом плане. Первые привыкли к соблюдению определенной иерархии в деловых отношениях, а вторые этой иерархии не признавали. Но в групповые конфликты это различие не выливалось. Бывали, конечно, конфликты между отдельными работниками – но это другое дело.

А каков был круг задач, которые ставились перед сотрудниками НКВД в это время (кроме протокольных)? Организация информации? торговли? пропаганда? Как менялись эти задачи со временем?

Собственно говоря, задачи не столько «ставились» кем-то, сколько их ставила сама жизнь (первыми по времени были возвращение военнопленных и демаркация границ). Иногда мы их сами формулировали – в меру приобретенного опыта.

Протокольные функции сначала играли относительно малую роль. Они приобрели большое значение после серии дипломатических признаний советского правительства иностранными державами в 1924 году. Долгое время не было ясной точки зрения насчет того, как советским дипломатам относиться к традиционному дипломатическому протоколу, в частности, к одежде дипломатов. На Генуэзской конференции 1922 года некоторые члены советской делегации одевались демонстративно скромно, а Сосновский ходил в косоворотке. Георгий Васильевич Чичерин пытался ввести для дипломатов полувоенную форму, хотя сам был глубоко штатским человеком. Одно время Чичерин и заведующий протокольным отделом Флоринский при вручении

послами верительных грамот надевали форму буденовцев. Впрочем, буденовские шлемы носили тогда многие невоенные деятели страны. Однажды Чичерин принял монгольского посла в поднесенном ему восточном халате. Литвинов, насколько я знаю, был сторонником соблюдения обычных протокольных норм, как это потом и повелось. Для характеристики настроения молодых сотрудников приведу строчки из стишка, написанного мною для стенной газеты: «Во фраке мы иль не во фраке, но мы враги и нам не обойтись без драки»...

В двадцатых годах при отсутствии разветвленной сети дипломатических представительств за рубежом организация информации не могла быть широкой. Тогда иностранный отдел РОСТА (впоследствии ТАСС) находился при НКВД, и Чичерин много времени там проводил. В ранние годы иностранной информацией РОСТА ведал писатель М.Ю. Левидов, тесно с нею был связан Михаил Кольцов, из этого же аппарата вышел, став заведующим Отделом печати НКВД, К.А. Уманский, в будущем – посол в США.

Как в двадцатых годах велась пропаганда через аппарат НКВД – я не знаю.

А торговля?

Вопросы торговой политики, разработка торговых договоров (в первую очередь с Германией) постепенно приобретали присущий им вес. Была даже создана комиссия из профессоров, специалистов по международному праву (проф. В.Э. Грабарь, проф. А.Э. Вормс). Однако эти почтенные знатоки исходили из довоенных форм и норм, что было бесполезно, но входило в противоречие с новизной – монополией внешней торговли. Между тем задача состояла именно в том, чтобы обеспечить монополию внешней торговли. Тут была почва и для правотворчества, и для авантюры, возникали временами острые конфликты. Сказывалась и незрелость, и неясность новых задач. В качестве примера из моего опыта сошлюсь на деятельность Таможенно-тарифного комитета при Совнарком, членом которого от НКВД я состоял несколько лет. В комитете и в кулуарах шли горячие споры и ведомственная борьба по классическому вопросу о размере ввозных пошлин на иностранные товары. Участники этих споров не учитывали еще, что при монополии государства во внешней торговле размер таможенного обложения не определяет перспективы и возможность ввоза или вывоза товаров. Меньшая или большая стоимость товаров дела не решала...

А что решало?

Вообще говоря – интересы государства. По идее, таможенное обложение должно было решать прежние протекционистские задачи и при монополии внешней торговли. Немаловажно и то, что монополия давала возможность выбирать контрагентов и препятствовала сколачиванию торгово-экономических блоков, направленных против СССР. Монополия помогала решать одновременно две противоречащие друг другу задачи, стоявшие перед внешней торговлей страны: обеспечить закупки, необходимые для восстановления народного хозяйства, и оградить его от вторжения иностранного капитала.

Однако в решении проблем таможенного обложения (как и других вопросов внешней торговли) очень боль-

шую роль играл субъективный фактор. «Интересы государства», понятие достаточно расплывчатое, определялись зачастую в столкновении разных ведомств. ВСНХ, например, был заинтересован, в основном, в снижении пошлин (проблема снабжения народного хозяйства требовала увеличения импорта), а Наркомат финансов, наоборот, настаивал на повышении таможенных тарифов. Думаю, что уже в те времена Таможенный комитет был тесно связан с ГПУ (охрана границ)...

Нашим иностранным партнерам тоже еще не было ясно, в какой мере государство может воспользоваться монополией на ввоз и вывоз товаров. Так, в 1925 году Германия добивалась, чтобы в торговом договоре было зафиксировано право германских фирм открывать свои отделения в СССР. Это дало бы немцам возможность добиваться заказов от центральных советских учреждений или трестов помимо торгпредства СССР в Берлине, т.е. обойти монополию внешней торговли. В качестве уступки с советской стороны в договоре было записано право фирм открывать свои представительства в соответствии с действующим законодательством (я не цитирую). А потом был издан закон «О допуске иностранных фирм», который фактически вел к тому, что представительство фирм становилось исключением, а их деятельность оказалась в зависимости от планов Наркомвнешторга. Этот эпизод – не только иллюстрация борьбы вокруг монополии внешней торговли, но и предвестие будущих недобросовестных приемов в советской внешнеторговой политике.

...Возвращаясь к кругу задач аппарата в 20-х годах (о политике как таковой – разговор особый). В компетенцию НКВД одно время входили и отношения между советскими республиками. В этой области возникали противоречия и конфликты, известные из исторической и партийной литературы. Я кое-что могу сказать о спорах, имевших характер ведомственных трений.

После принятия конституции СССР в 1922 году юристам пришлось, в частности, заняться конфликтом относительно толкования пункта конституции (кажется, какой-то пункт «К»), который касался принятия и лишения гражданства. Вопрос немаловажный; но спор вращался вокруг места запятой в тексте. Правительства республик утверждали, что вопросы гражданства – по крайней мере, частично – относятся к их компетенции. НКВД доказывал, что с точки зрения толкования текста, а главное, с точки зрения международно-правовых позиций СССР претензии республик должны быть отклонены. Так оно и случилось.

Весной 1924 года я был в командировке в Тбилиси. Уполномоченный НКВД СССР в Грузии Страуян, бывший с дореволюционным стажем, посетовал в разговоре со мной, что грузинские власти не считаются с ним и порой его игнорируют. Я не вполне понял политическое значение этого рассказа, но, вернувшись в Москву, упомянул о нем в очередном докладе Сабанину. Тот немедленно составил записку руководству наркомата, Сабанин, конечно, был сторонником сильной центральной власти.

А что, были и другие? Ведь вопрос о гражданстве – это вопрос о полноте суверенитета республик. При об-

разовании Союза, как мы знаем из литературы, этот вопрос стоял достаточно остро. Из Вашего рассказа вытекает, что в республиках он не был окончательно снят еще в 1924 г. Какова была позиция сотрудников НКВД в этом вопросе? А Ваша собственная?

Да, конечно, в 1924 г. подобные проблемы еще вспыхивали спорадически – обычно на местах. Однако мы, аппаратчики, были в основном сторонниками сильной общегосударственной власти. Наверное, это было следствием процесса бюрократизации аппарата, в ходе которого менялся и стиль работы, и психология, – но постепенно мы стали судить обо всем с точки зрения «соответствия государственным интересам».

Вероятно, были и исключения. Я не убежден, что этот подход разделял заведующий отделом балканских стран Сандомирский, бывший анархист. Но, повторяю, в массе мы были «государственниками». Здесь сходились и Сабанин, у которого наверное, сохранились привычки имперского мышления, и интернационалисты.

Наш строй мыслей еще нельзя было назвать «великодержавным»; но сейчас я отдаю себе отчет в том, что впоследствии из него выросла имперская идея тоталитарного государства, основанного на жестоком угнетении и наций, и граждан.

Где и как принимались внешнеполитические решения? В Совнарком? В Политбюро? В соответствующих отделах ЦК?

В Совнарком такие решения не принимались. По моему, этим, как правило, занималось Политбюро. В аппарате было известно, что существует комиссия Политбюро по внешней политике с меняющимся составом. В первой половине 30-х годов мне случилось присутствовать на ночном заседании этой комиссии. Давались директивы относительно какой-то важной внешнеполитической передовой, которую мне предстояло писать для «Известий». Был приглашен и главный редактор «Правды» Мехлис. Сначала обсуждались другие вопросы. Решения принимали Молотов и Каганович; последний председательствовал. Докладывали замнаркомы Крестинский и Стомоных; меня поразило, что эти два серьезных деятеля, знатоки обсуждавшихся вопросов, находились в положении просителей. Их просьбы (уже не доводы) безапелляционно удовлетворялись либо отклонялись. Но надо заметить, что Каганович не без иронии реагировал и на замечания Молотова.

Возникает естественный вопрос – в какой степени нарком и его сотрудники вообще могли влиять на внешнюю политику страны?

Я бы сказал, что это влияние имело «аппаратный» характер. Ответственные работники НКВД представляли наркому или его заместителю докладные записки, часто содержательные. Нарком, разумеется, постоянно обращался со своими предложениями и записками в Политбюро. Тем самым нарком оказывал влияние на решение, тем более, что он участвовал в обсуждении. С уверенностью это можно сказать о М.М. Литвинове.

Можно ли понимать Ваши слова в том смысле, что Наркомат в целом и нарком в частности играли роль компетентных экспертов по внешней политике при Политбюро?

Пожалуй, их роль была более значительной. Однако с годами, по мере укрепления личной власти Сталина, произвольно менялся и сужался круг лиц, участвовавших не то что в принятии внешнеполитических решений, но хотя бы в их обсуждении. Можно сказать, что с развитием тоталитарного режима роль сведущих экспертов все более ограничивалась. К независимым (относительно) экспертам все реже прислушивались. Полагаю, теперь эксперты сами прислушиваются к мнению начальства. Это большая беда.

А чем занималась коллегия НКВД?

Коллегия НКВД рабочим органом была недолго. Позднее сохранилось звание члена коллегии, но коллегии как таковой не существовало.

А ИККИ – имел ли он отношение к выработке внешнеполитических решений? А зарубежные компартии?

Я никогда ни прямо, ни косвенно не ощущал и не замечал какого-либо воздействия деятелей Коминтерна на советскую внешнюю политику. Обратное, то есть влияние советских организаций (вовсе не только ЦК) на работу органов Коминтерна и на руководство зарубежных компартий было реальным и постоянным. Такое влияние могло принимать не только формы «идеологического воздействия», но и организационные формы. Когда я в 1937-1939 гг. был заведующим Отделом печати НКВД, мне регулярно присылали на просмотр гранки очередного номера журнала «Коммунистический Интернационал». Тогда главным редактором был Куусинен, и, получив обратно гранки с моими замечаниями, он звонил мне и вел длинные беседы по телефону. Претензий с его стороны, как правило, не возникало... Делаю одну оговорку: лица, непосредственно связанные с Коминтерном, могли косвенно оказывать влияние на подготовку внешнеполитических решений, если были причастны к работе тех или иных советских учреждений, например, иностранного отдела «Известий» или «Правды».

Как отражалась на работе Наркомата иностранных дел внутрипартийная борьба?

Должен напомнить, что мои ответы на некоторые вопросы не притязают на точность: ведь я был беспартийным и находился в стороне от партийной жизни. Насколько я знаю, во время дискуссии с Троцким и вообще во время внутрипартийной борьбы в аппарате НКВД были считанные сторонники оппозиции. Руководители НКВД, хотя и не участвовали во внутрипартийных спорах, но, видимо, поддерживали «генеральную линию».

Но ведь крупные оппозиционеры назначались на дипломатические должности. Не порождала ли эта практика конфликтных ситуаций?

Действительно, такая система существовала. Деятелей оппозиции назначали послами: Крестинский, Раковский, Иоффе, Антонов-Овсенко, Юренев, Коллонтай. Все они были авторитетными людьми, сохраняли популярность. Некоторые и ранее были знатоками международных отношений. Поэтому с профессиональной, деловой точки зрения они пользовались уважением работников дипломатического аппарата. Мне неизвестно (подчеркиваю: именно неизвестно), были ли в процессе их пребывания на посту какие-либо конфликты в

аппарате, связанные с их причастностью к оппозиции. Во всяком случае, не было директив или лозунга «бдительности» в их отношении. Разумеется – до середины тридцатых годов. Не исключаю, что по линии партийной сети за границей давались какие-либо директивы в связи с тем, что посол – «из оппозиционеров». Существовало в те годы такое учреждение БЗЯ (Бюро заграничных ячеек в ЦК). Оно, похоже, и занималось внутрипартийными интригами и склоками. Мне с ним никогда не приходилось иметь дело.

А дискуссии 20-х годов о внутренней политике, об экономике, о путях социального развития страны – они затрагивали НКИД?

Да, конечно. Должен заметить, что наши взгляды на эти вопросы в середине 20-х гг. – да и несколько позже – еще не были унифицированы. Приведу некоторые примеры.

Однажды мой друг Б.Е. Штейн, возвратясь с закрытого партийного собрания и явно находясь под впечатлением закончившейся дискуссии, лукаво спросил меня: «Как Вы считаете, наша промышленность – социалистическая?» Самая постановка такого вопроса, даже в частной беседе, позднее была бы невозможной. Но, видимо, этот вопрос обсуждался на партсобрании. Помнится, я сказал, что если создается и изымается прибавочная стоимость, то такую промышленность социалистической считать нельзя. Штейн повторил хорошо известные теперь, но свежие в ту пору аргументы в доказательство того, что советская промышленность – социалистическая, и посоветовал мне не делать поспешных умозаключений.

Однажды, не ранее 1925, возможно, в начале 1926 года, на открытом партийном собрании работников политотделов НКИД развернулась дискуссия, которая сейчас кажется совершенно невозможной: будет ли при социализме существовать армия? Уверовав в идею построения социализма в одной стране, мы тогда вовсе не предполагали, что социализм – дело ближайшего будущего. Да и о социализме у нас были туманные представления, еще далекие от вскоре прокламированных официальных толкований. Значительное число участников нашего собрания держалась того мнения, что при социализме не будет постоянной армии. В таком духе высказался и я, заметив полшутя, что армию придется распустить «без пяти минут социализм». Трезвее всех оказался бывший чиновник императорской России, не читавший ни Маркса, ни Ленина, заведующий протокольным отделом Флоринский. Хотя были высказаны самые разные мнения, Флоринский заявил, что согласен со всеми предыдущими ораторами, и непосредственно вслед за этим призвал записываться в Осовиахим, взносы принимает он.

Любопытно, что и в более поздние годы представление о социализме, тем более построенном, не определилось полностью в общественном сознании. Когда в 1931 году меня принимали кандидатом в члены ВКП(б), приемная комиссия – для порядка – задала мне вопрос: «Что такое фундамент социализма?» Я пустился в сложные историко-философские рассуждения. Председатель, несколько удивленно, остановил меня: «Помилуйте, как же Вы не знаете: фундамент социализма – это смычка

социалистической индустрии с коллективизированным сельским хозяйством». Не думаю, чтобы кто-либо из моих товарищей и коллег тогда уже знал, что именно так надо отвечать на данный вопрос. Теперь-то все сотрудники советских учреждений имеют штампованные ответы на вопросы в политкружках...

Е.А., следующий вопрос звучит, может быть, несколько абстрактно: как соотносились между собой революционный пыл советских дипломатов и, видимо, вытекавший из него с неизбежностью догматизм – с практической гибкостью, без которой трудно представить себе искусство дипломатии?

Групповой чертой советских работников и, пожалуй, особенно тех, кто по роду службы был причастен к политике, было то, что можно назвать манихейством, противопоставлением абсолютного добра абсолютному злу, причем эти «силы» понимались узко политически, в согласии с марксистскими догмами. Задача заключалась в том, чтобы побороть «нечистую силу» – буржуазию, империализм.

Однако и объективные условия, и субъективные патристические настроения работников аппарата определяли постановку позитивных задач: строительство государства, нормализация жизни общества после Гражданской войны, нормализация международной жизни. Тем не менее, болезненные последствия разрушительных тенденций революции постоянно сказывались в государственной жизни.

В первые годы работы НКИД давало себя знать революционно-пренебрежительное отношение к дипломатии первого наркоминдела Л.Д. Троцкого. Такие акты, как публикация договоров и тайных соглашений царского правительства и отказ от несправедливых договоров, имели принципиальное значение. Все же они осложнили повседневную внешнеполитическую и международно-правовую деятельность. Так, например, когда подготавливались договоры с Китаем, возникли и обсуждались нелегкие вопросы, касавшиеся старых договоров, определявших границы, а также статей, обеспечивавших неприменение к гражданам России на территории Китая архаичных и жестоких норм императорского китайского судопроизводства и генеральского произвола. Не только демагогические декларации, но и гуманные идеи 1917 года оказывались в противоречии с интересами государства и его граждан.

В круг задач молодого советского аппарата входило правотворчество. Но трудным и внутренне противоречивым было правотворчество в 20-е годы, когда в руководстве и во всем аппарате преобладали догматики и практические деятели, хорошо знакомые с критическими и часто ироническими высказываниями классиков марксизма о праве как общественном институте. Помнили, правда, и Марксову уничтожающую критику бюрократии, но – что знаменательно! – борьбу против бюрократизации не связывали с укреплением законности. Яркий пример – идея Ленина о спасительной роли ЦКК-Рабкрина, органа власти, который действовал бы вне конституционных норм.

Я был среди молодых энтузиастов, членов лиги «Время», созданной Гастевым и Керженцевым в середине 20-х годов. Мы видели свою задачу в пресечении

бумажной волокиты и, особенно, заседательской суеты. Но наша деятельность сводилась к полезному порой, но самовольному вмешательству в работу наркоматов, не опираясь на правовые основы.

В законодательной работе постоянно сказывалось противоречие между требованиями государственного порядка и устойчивых внешнеполитических связей – с одной стороны, и произволом и правовой неурядицей, присущими системе, порожденной революцией, – с другой. Приведу иллюстрацию из моего скромного опыта двадцатых годов. Мне часто поручали представлять точку зрения НКИД на межведомственных совещаниях по подготовке законопроектов, если в них затрагивались вопросы, касавшиеся внешней политики. Возникали споры, осложнявшиеся тем, что каждое ведомство могло ссылаться и на революционное новаторство, и на дореволюционный опыт. Подобные противоречия существовали и в работе высших инстанций. Так, наблюдалось принципиальное различие в подходе к делу двух подготовительных, но авторитетных органов. Один из них назывался Малым Совнаркомом, в нем заседали замнаркомы или члены коллегий наркоматов, в мои времена председателем был Леплевский; другой совещательный орган – Комиссия законодательных предположений, под председательством Антонова-Саратовского. Малый Совнарком больше занимался политическим смыслом законопроектов и, можно сказать, пёк решения; правда, по многим вопросам ему заранее была известна позиция Политбюро. Комиссия законодательных предположений тоже располагала директивами руководства. Тем не менее, Комиссия скрупулезно до поздней ночи обсуждала каждую статью и формулировку в законопроекте; особенно настойчивым пуристом был Постоловский. Позволю себе привести собственную шутку, имевшую успех: защищая точку зрения своего ведомства, нужно в Малом Совнаркомке ссылаться на интересы мировой революции, а в Комиссии законодательных предположений – на Кодекс Наполеона.

В деятельности нашего Наркомата и его сотрудников преобладала мотивация, связанная с новым государством и новой общественной системой. Сказанное полностью касается работников политических отделов, в меньшей степени – экспертов-правоведов.

Если позволите, еще один «абстрактный» вопрос: как, по-Вашему, на внешнюю политику влияли события, происходившие внутри страны?

В революционные годы 1917-1922 внешняя и внутренняя политика были в известной мере синхронными. Это обуславливалось единством целей: мировая революция – вне страны, и революционное переустройство – внутри ее. Но после того, как рассеялись надежды Ленина и его соратников на прорыв в Европу через Польшу, после неудач революционных выступлений в Германии в 1923 г., СССР ориентируется на мирное сосуществование. Генуэзская конференция и Рапалльский договор положили начало новой внешней политике. Напомню, что Чичерин по согласованию с Лениным подготовил для Генуи документ, который оба называли «пацифистской программой». В ней, в частности, подразумевалось, что Советская Россия надолго включится в мировую экономику как источник сырья – в обмен на

изделия промышленности. Такая внешнеполитическая программа исключала сверхбыстрые темпы индустриализации.

Правда, Ленин видел в «пацифистской программе» маневр, но подобно НЭПу – длительный. Не случайно начало политики мирного сосуществования и НЭПа почти совпали по времени. Они совпадали и по существу.

Внедрение новой экономической политики, осуществление тезиса Бухарина о движении вперед «черепашьими шагами» требовали отказа от внешнеполитических авантюр, от ориентации на мировую революцию.

Позвольте, но ведь коминтерновская политика Бухарина была направлена на активизацию мирового революционного процесса. Более того, некоторые исследователи (С.Козн) полагают, что неудачи внешней политики: поражение Кантонской коммуны, крах Англо-русского профсоюзного комитета единства – были одним из факторов, подорвавших позиции Бухарина в руководстве...

Я не вижу особого противоречия между умеренной внутренней политикой, политикой смычки с крестьянством, идеологом которой был Н.И. Бухарин, и его взглядами на мировой революционный процесс, тоже достаточно умеренными (сравните их, например, со взглядами Троцкого). Союз с левым Гоминданом в Китае, контакты с левыми лейбористами в Англии – тоже своего рода смычка. Межгосударственным отношениям это не очень мешало.

Что же касается Кантонской коммуны – я, конечно, не знаю всех обстоятельств, но не нужно забывать, что Николай Иванович всегда оставался революционным романтиком. Мне случилось присутствовать при телефонном разговоре Г.В. Чичерина с Бухариным, который, видимо, сообщал о начале событий в Кантоне. Чичерин резко высказал свое возмущение этой затеей. «Через два дня придут солдаты и всех перережут!» – кричал он в трубку.

Ну, хорошо, а после ликвидации НЭПа? Что Вы можете сказать о влиянии внутренней политики в этот период?

Подход сталинского руководства к НЭПу как к краткосрочному маневру известен. Закономерно, что и к внешнеполитическим программам, исходившим из идеи мирного сосуществования, Сталин относился лишь как к маневрам. Само свертыwanie НЭПа многообразно сказалось на внешней политике.

Мне кажется, что теперь уже забыто, какое значение в начале 20-х годов придавалось концессиям и, следовательно, какое значение имел срыв концессионной политики. Фактический отказ от идеи смешанной экономики вел к прекращению переговоров о концессиях и к постепенной ликвидации уже предоставленных. Был принят ряд мер, означавших нарушение заключенных соглашений и создававших для иностранных концессионеров неприемлемые условия. Все это осложняло отношения с отдельными западными государствами, особенно с Англией и Германией.

Когда ликвидировались частные предприятия путем репрессий или повышенного и незаконного налогооб-

ложения, то последняя мера отразилась и на иностранных гражданах, в частности, на немцах. Судьба их предприятий долгое время была предметом конфликтов и дипломатической переписки с германским посольством в Москве. Как референт по Германии, я был причастен к попыткам ослабить вредное влияние этих дел на наши отношения с Германией.

Пятилетки имели двойное влияние на внешнюю политику СССР. Переход к ускоренной индустриализации требовал расширения экономических связей с развитыми промышленными странами. Сильно возрос импорт и стимулировался экспорт для оплаты ввозимого оборудования. Все это благоприятно сказывалось на внешней политике.

Одновременно начало пятилеток ознаменовалось разнузданной внутривластной демагогией, особенно жестоким нажимом на население, терпевшее лишения, преследованиями интеллигенции и, наконец, коллективизацией, то есть массовым уничтожением крестьянства, голодом, унесшим миллионы жизней. За рубежом пресса описывала голод в СССР; в мире развернулась широкая кампания по поводу системы «принудительного труда» (как тогда выражались); начался «крестовый поход» в защиту религии; велась кампания против демпинга советских товаров на мировом рынке.

Все эти события чрезвычайно осложнили внешнюю политику СССР. Дипломатические работники и журналисты ощущали это повседневно.

Особо надо сказать о внешнеполитических последствиях пресловутых показательных судебных процессов.

Нашумевший Шахтинский процесс происходил в канун первой пятилетки, именно тогда, когда необходимо было получить иностранную техническую помощь для задуманной индустриализации. В числе других обвиняемых перед судом предстали три немецких техника, германские граждане. Когда в марте 1928 года было опубликовано обвинительное заключение, Германия тотчас же прервала экономические переговоры с СССР. В июне германские граждане были оправданы (я рассказал в своих мемуарах об усилиях Чичерина, добившегося такого решения)². Все же инсценировка Шахтинского процесса надолго осложнила отношения, и не только с Германией.

В ноябре-декабре 1930 года происходил процесс «Промпартии». Беззаконная травля видных ученых и вообще интеллигенции вызвала взрыв возмущения за рубежом. Дело «Промпартии» привело к резкому ухудшению отношений с Францией: по ходу процесса были допущены оскорбительные выпады против французских (и других) дипломатов в Москве. Советская пресса была полна нападок на Пуанкаре и французский генштаб. Пуанкаре считал необходимым выступить со специальным заявлением, опровергавшим обвинения по адресу французов. И все это происходило (вернее, было организовано) в разгар пятилетки. Я снова вправе утверждать, что руководство страны либо относилось с полным пренебрежением к внешнеполитическим последствиям внутривластных авантюр, либо неспособно было их предвидеть.

В 1931 г. сталинское руководство надолго оттолкнуло от СССР демократическую интеллигенцию Запада и

влиятельные социал-демократические партии, устроив процесс т.н. «Союзного бюро меньшевиков».

В марте 1933 г. было опубликовано сообщение об аресте английских инженеров; крупнейшую английскую фирму «Метро-Виккерс» обвинили в организации вредительства и диверсий в СССР. Как только в апреле начался судебный процесс, британское правительство – премьером был лейборист Макдональд – ввело эмбарго на 80% советского экспорта в Англию и запретило Совфрахту фраговать суда под английским флагом. Таким образом, в результате внутривластной кампании, имевшей целью разжечь недоверие к интеллигенции и к иностранцам, в том числе и к тем, кто оказывал СССР ценную техническую помощь, – началась форменная торговая война. Уже в июле 1933 года советскому правительству пришлось освободить (амнистировать) ложно обвиненных английских инженеров, и эмбарго было снято. Тем не менее, на пороге второй пятилетки международное положение СССР было подорвано.

Этот внутривластный курс, отнюдь не исчерпывающийся одними судебными инсценировками, вызвал не только временные осложнения во внешней политике СССР. Этот курс, проникнутый ненавистью к Западу и к мнимым внутренним врагам, оставил неизгладимые следы в международном положении, провоцировал активность военных кругов на Западе и косвенно стимулировал усиление фашизма в Европе.

В заключение напомним, что, когда в конце тридцатых годов возникла непосредственная угроза нападения на СССР, сталинское руководство обесценило страну террором и заключило пакт с агрессором.

Террор 1937-1939 годов был самым полновесным выражением зловещего, губительного влияния внутренней политики на внешнюю. Я писал об этом в работе, посвященной предыстории пакта между Сталиным и Гитлером³.

А имело ли место обратное воздействие: внешней политики на внутреннюю?

Да, конечно. Освещение связи между внутренней и внешней политикой останется далеко не полным, если не сказать о теме, которая была узловым в обеих сферах. Советское государство возникло под знаменем мира, прекращения мировой войны, но на первые годы его существования выпали тяготы иностранной интервенции и гражданской войны. Память о них сказалась на том, какое место во внешней и внутренней политике занимала проблема военной угрозы.

Лишь относительно недолго – в первые годы НЭПа – угроза войны не была в центре внимания. Однако уже в мае 1923 года разразился острый конфликт с Англией. Начиная с этого времени, серьезные осложнения возникали из года в год: убийство Воровского в Швейцарии, убийство Войкова в Польше, налет на советскую торговую организацию в Англии (Аркос), налет на посольство в Пекине, вторжение полиции в торгпредство в Берлине... Под впечатлением всех этих событий – на них я почти всегда откликался как работник НКВД и как журналист-международник – я с доверием относился к представлению, что СССР находится под постоянной угрозой военного нападения. Соответствующие лозунги апеллировали к патриотическим чувствам, а я

эти чувства разделял. Многие годы люди были во власти манихейской психологии, о которой я уже говорил: «нечистая сила» не дает покоя, враг известен, борьба неизбежна...

Теперь-то я понимаю: несмотря на глубину и остроту международных конфликтов, реальная опасность войны не угрожала СССР вплоть до 1931 года, когда Япония заняла Манчжурию. Сталинскому руководству для его внутривластных целей нужно было держать население в постоянном напряжении. Такой позицией частично объясняется и странное безразличие Сталина к отрицательным внешнеполитическим последствиям показательных судебных процессов и других внутренних авантюр.

В 1931-35 годах Вы занимались только журналистикой, а затем вернулись на дипломатическую работу. Расскажите об обстоятельствах Вашего возвращения.

В феврале 1935 года я был назначен первым секретарем посольства СССР в Берлине. В мое ведение первоначально входили только вопросы, связанные с деятельностью прессы. Но очень скоро – в связи с моим прошлым опытом референта по Германии в центральном аппарате – круг моих обязанностей расширился. Были даже две-три недели, когда в отсутствие посла и советника я исполнял обязанности временного поверенного в делах.

Моему назначению предшествовали довольно своеобразные обстоятельства. За истекшие годы руководители НКВД несколько раз предлагали мне вернуться на дипломатическую работу. Однажды со мной говорил о назначении в Берлин Крестинский, другой раз – Литвинов. Я отказывался, ссылаясь, в частности, на то, что я лишь кандидат в члены партии и оказался бы в ложном положении на серьезной политической должности. Уже после моего назначения я узнал, что Литвинов, ничего мне не говоря, предложил Политбюро мою кандидатуру на пост первого секретаря в Берлине, одновременно отметив в своей записке, что я отклоняю это предложение, так как я кандидат и неизвестно, когда стану членом партии. В результате постановление Политбюро о моем назначении в Берлин содержало необычный пункт, сформулированный так: «*предредить* перевод Гнедина в члены партии после открытия общего перевода» (в те годы перевод из кандидатов в члены партии был закрыт). Уверен, что формула, игнорировавшая устав и установленный порядок («предредить»!) принадлежала лично Сталину. Данный акт произвола показателен еще и потому, что вопрос о моем назначении был в конце концов совершенно второстепенным.

Любопытно, что сталинское «предредить» осталось без последствий: вплоть до самого ареста я оставался в звании кандидата.

В какой степени Вы, будучи первым секретарем посольства, чувствовали себя зависимым и подотчетным в своих действиях? Перед кем Вы обязаны были отчитываться – перед послом? перед Москвой? Имел ли место какой-нибудь инструктаж перед Вашим отъездом в Берлин?

Исполняя свои обязанности в Берлине, я чувствовал себя в значительной степени независимым. Никакого инструктажа я не проходил. Думаю, никто из руково-

дящего состава посольства в те годы тоже не проходил специального инструктажа. Перед отъездом из Москвы я, конечно, знакомился в НКВД со служебной перепиской. Находясь в Берлине, мне ни разу не пришлось согласовывать свои шаги с Москвой. Но я согласовывал свою деятельность с послом или выполнял его поручения. Существовал постоянный обмен информацией и мнениями между дипломатическими работниками посольства.

А посол? В какой степени он был самостоятелен?

Те два года, когда я работал в Берлине, послом был Яков Захарович Суриц, старый революционер, один из первых советских дипломатов. Он был послом в Афганистане (еще до Раскольникова), в Норвегии, в Турции (там он был дуаиеном дипкорпуса). При всей своей большой культуре и дипломатическом опыте, в Берлине Я.З. Суриц был вынужден оставаться пассивным. Наши отношения с Германией в ту пору были заморожены, контакты свелись к минимуму. Суриц оставался, в основном, квалифицированным наблюдателем событий, и его доклады были Москве полезны. Пассивность Сурица объяснялась еще и тем, что Сталин свои прогерманские маневры осуществлял через торгпреда Д.Канделаки.

Случалось ли Вам встречаться с нацистскими лидерами?

Яков Захарович иногда предпочитал, чтобы я как лицо, ведавшее работой прессы, представлял посольство; мое появление можно было истолковать как активность работника печати, а не дипломата. В таком качестве я бывал на приемах у Розенберга, где дипломатам читались лекции о фашистской идеологии. Я не хотел протягивать руку этому мерзавцу, не здоровался с ним, нарушая тем самым этикет. Однажды я во время лекции демонстративно вышел из-за стола и ушел, считая, что меня, первого секретаря посольства великой державы, посадили «ниже» других иностранных дипломатов из дружественных Германии стран. Мой поступок, конечно, привлек внимание; на другой день ко мне явились двое служащих Розенберга и принесли извинения. При этом они постарались расспросить меня об организации газетного дела в СССР.

Более серьезным был мой демонстративный уход из дипломатической ложи в рейхстаге во время речи Гитлера. Он произнес оскорбительные слова по адресу СССР, и я считал себя обязанным уйти. Этот эпизод остался без последствий. Немцы не протестовали, а начальство меня не упрекало. Я уже рассказывал об этом в мемуарах⁴. Упомяну еще один эпизод. Неожиданно я как заведующий бюро прессы посольства получил приглашение на лекцию уполномоченного фюрера по идейному воспитанию Штальерхта в аудитории университета. Я имел основания предполагать, что приглашение было послано по ошибке, на такие собрания обычно приглашались только дипломаты из дружественных Германии стран. Все же я решил пойти. Так мне удалось присутствовать на почти закрытом гитлеровском «семинаре». Доклад не содержал никаких открытий по сравнению с тем, что писала гитлеровская печать. Но аудитория представляла интерес, было много молодежи, настроенной восторженно, были и люди постарше. Не сразу я

уловил ритуал: едва докладчик произносил: «И в этом смысле», присутствовавшие вставали, потому что за этими словами непременно следовало: «Я провозглашаю "Хайль Гитлер!"».

Побывал я и на берлинской Олимпиаде 1936 года, видел близко всю фашистскую верхушку во главе с Гитлером. Видел, как Гитлер ушел из своей ложи, когда американский спринтер-негр одержал победу. Но в это же время на одной из соседних трибун какой-то немец вскочил и стал топтать свою брошенную наземь шляпу, радостно возопив: «Черный побеждает!»

За исключением отдельных эпизодов мои встречи с немцами ограничивались официальными контактами с дипломатами. От переговоров, которые вел торгпред Канделаки, я был в стороне. Но советник посольства С.А. Бессонов и второй секретарь Б.Гордон приглашались Канделаки на его встречи с немцами.

К слову: Гордона (он сидел в соседнем со мной кабинете) я считал «резидентом». Гораздо позднее мне стало известно, что главным действующим лицом нашей разведки был человек, занимавший незаметную должность в консульстве, с которым я не был знаком.

Гордон погиб в 1939 г. Я, кажется, единственный, кто остался жив из тогдашнего дипсостава берлинского посольства и руководящих работников торгпредства.

В беседах с германскими дипломатами мы придерживались обычной линии поведения: доказывали, что советско-германские отношения оказались в тупике из-за гитлеровской политики подготовки завоевания земель на Востоке. Немцы возражали, ссылаясь на то, что СССР ведет политику окружения Германии.

Самая существенная сфера моей работы в Германии – участие в международной кампании по разоблачению фашистского мракобесия и агрессивной природы гитлеризма. С этой целью я установил постоянные контакты с антифашистскими и даже просто антигермански настроенными иностранными журналистами и дипломатами в Берлине.

Как Вам кажется, случайностью было то обстоятельство, что послом при Гитлере был назначен еврей, а впоследствии 1-м и 2-м секретарями посольства – тоже евреи? Или то был сознательный антифашистский жест Литвинова, протест против антисемитской политики нацизма?

Действительно, в штате посольства было много евреев. Не думаю, однако, что такое положение кем-нибудь искусственно создавалось – просто эти люди были квалифицированными специалистами именно по Германии. Надо сказать, что германские чиновники держали себя по отношению к дипломатам-евреям вполне корректно, полностью соблюдая правила дипломатического этикета.

Разрешите перейти теперь к Вашему пребыванию на посту заведующего Отделом печати НКВД. Ваши первые впечатления? Атмосфера?

На этот пост я был назначен в июле 1937 года, совершенно неожиданно для себя. В первый же день, придя на работу, я заметил не только перемены в составе сотрудников, но и следы опустошения в НКВД и вне его. В Берлине я плохо представлял себе масштабы того, что

происходит в Москве. Узнав о своем назначении, я стал строить планы: на кого буду опираться в работе, с кем из добрых друзей-международников вне НКВД установлю рабочий контакт. Мои планы оказались чистойшей иллюзией. Я никого не застал. Все руководящие работники отдела печати были арестованы, временно исполнял обязанности заведующего отделом Галкович, бывший генеральный консул в Сан-Франциско. Когда я на второй день пришел на работу, то узнал, что и Галкович арестован. На дверях его кабинета висели пломбы. Я не предполагал, что аресты уже давно совершаются открыто. Дверь кабинета Галковича выходила в приемную, где бывали иностранные корреспонденты, поэтому я завесил пломбы листком бумаги, на котором написал: «Я сегодня уже не буду. Галкович». Точно такие слова в третьем лице я услышал в тот же день от секретарши иностранного отдела «Известий», когда я настойчиво спрашивал, где мой друг А.Я. Канторович: «Он уже не будет».

А через два года я повторил те же слова моей секретарше, уходя с арестовавшим меня агентом; «Я сегодня уже не приду».

Все же в 1937 в НКВД еще сохранилось некоторое число знакомых мне людей. Однако за следующие два года чистку довели до конца. То и дело устраивались партийные собрания, на которых кого-нибудь обвиняли в «связях с врагами народа» и исключали из партии. Все понимали, что эта мера предшествует аресту. Судьба в одном меня миловала: числясь до самого ареста кандидатом в члены партии, я присутствовал на этих зловещих собраниях, но не участвовал в голосованиях. Вспоминаю исключение из партии заведующего 3-м Западным отделом Алексея Федоровича Неймана. Его обвинили в связях с арестованными «врагами народа»: П.Л. Лапинским, С.А. Раевским и другими международниками. Бедняга Нейман, по природе благородный человек, каялся в том, что подпал под влияние «врагов народа». Он воображал, что облегчит этим свою участь. На другой день он был арестован. Я же счел необходимым сказать секретарю парторганизации Рожкову (позднее тоже арестованному), что я тоже был в хороших отношениях с названными Нейманом людьми и не хочу это скрывать, так как ничего преступного в этом не было. Рожков ответил недвусмысленно: «Сейчас мы Вас не обсуждаем»... «Обсуждать» меня так и не пришлось, вплоть до самого ареста я не бывал в партбюро. Я не думал, что непременно буду арестован, но понимал, что какие-то репрессии мне угрожают.

Когда я принял дела Отдела печати, то застал там группу новых молодых сотрудников, окончивших или кончавших краткосрочные курсы подготовки дипломатов. Эти молодые люди травили и выживали старых работников, в надежде занять их места. Они строчили доносы и ораторствовали на собраниях. Было известно, – да они и сами об этом говорили, – что они собираются в пивной на нынешней улице Жданова и решают, против кого начать травлю в данный момент. Беззащитные клеветники и карьеристы были в большинстве хорошо вознаграждены Молотовым. Из числа завсегдаев пивной на ул. Жданова стали послами: Аркадьев, Коростылев, Малик, Царапкин, Гусев, Подцероб. (Ко-

нечно, некоторые из них изучили языки и понабрались профессионального опыта.) Я назвал тех, с которыми соприкасался, но были и другие, также приобретшие известность.

А как вели себя при этом руководители Наркомата?

В ту пору нарком уже был лишен возможности подбирать подходящие кадры или хотя бы сохранять ранее подобранные. В проработках и чистках Литвинов не участвовал. Он даже дал демонстративный ответ организаторам травли, когда они после одного из процессов явились к нему с просьбой «рассказать подробности о вредительстве в НКВД» (не помню точно, как они выразились). М.М. Литвинов не без иронии заметил: «Разве вам мало того, что сообщили газеты?» Вот одно из проявлений мужественного поведения Литвинова в те тяжелые годы.

Совсем иначе держался замнаркома В.П. Потемкин. Этот квалифицированный человек и в предыдущие годы, занимая пост посла (в Греции, в Италии, во Франции), и затем, в разгар террора, активно участвовал в «проработках», в доносах, в распространении клеветы на честных людей. Он-то уж несомненно был «сталинским кадром» в дипломатическом аппарате.

Каковы были функции Отдела печати и содержание его работы? В частности, имел ли Отдел отношение к сбору внешнеполитической информации для правительства?

Прямого отношения к сбору такой информации Отдел не имел. Своеобразным исключением было то, что я, имея в своем кабинете сильный радиоприемник, вместе с моим заместителем Г.Н. Шмидтом принимал информацию, которую центры иностранных агентств передавали для своей корреспондентской сети, – и самое интересное включал в сводку, вызывавшую интерес «в верхах». Эта «конкуренция» с ТАССом была возможна в то время, когда еще не было транзисторов, а аппарат ТАССа был запуган и бюрократизирован.

В те времена существовали «белый ТАСС» (материал для печатания) и «красный ТАСС» (сводка телеграмм не для печати). Максим Максимович часто присылал мне «красные» сводки ТАСС, в которых было помечено, какие известия можно публиковать. Но в начале 1939 многие сообщения не включались и в «красные» сводки. В НКВД и [з] ЦК был прислан перечень членов Политбюро, которым можно посылать ежедневную сводку наиболее интересных телеграмм иностранных корреспондентов. Таким образом, далеко не все члены Политбюро и правительства получали полную информацию. Что же касается руководящих дипломатических работников, вплоть до заведующих отделами НКВД, то они были лишены элементарной информации. Некоторые из них чуть ли не тайком заходили ко мне в кабинет, чтобы прочесть не предназначенные для печати бюллетени ТАССа. Этот узкий круг читателей и был главным ценителем моих маленьких сводок, основанных на «радиоперехвате».

Работа в Отделе печати в условиях тех лет был трудной и ограниченной в масштабах. Однажды я давал завтрак группе шведских журналистов, прибывших в Москву. Когда уселись за стол, на хозяйской стороне обнаружили пустые стулья. Отсутствовали несколь-

ко редакторов, накануне обещавших прийти; ночью их арестовали. В таких условиях многие боялись общаться с иностранцами. И иностранцы не знали, в каких случаях они имеют дело с агентами организаторов террора, в каких – с их завтрашними жертвами. Мне это пришлось наблюдать еще и потому, что тогда я фактически курировал ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Важнейшей функцией Отдела была опека иностранных корреспондентов и цензура их телеграмм. Я рассказал в своих мемуарах, как, отчитываясь перед правительственной комиссией, принимавшей дела от снятого с поста М.М. Литвинова, я заявил, что цензура телеграмм иностранных корреспондентов бессмысленна и вредна. Я предложил отменить этот вид цензуры. Молотова и Берию эта идея возмутила. Берия бросил мне явно угрожающую реплику. Но через несколько дней по решению Сталина мое предложение было принято. Я собрал корреспондентов и объявил им об отмене цензуры⁵. А еще через несколько дней я был арестован.

Как ни странно, именно в ту пору безвременья Отдел печати больше влиял на освещение международных дел в советской прессе, нежели в предыдущие годы. Объясняется это, между прочим, тем, что из газетных редакций исчезли квалифицированные и инициативные специалисты по международным вопросам; оставшиеся были подавлены и осторожны.

В этих условиях редакции (кроме «Правды») стали систематически посылать на просмотр в Отдел печати свои материалы и прислушивались к предложениям и советам Отдела. Подготавливавшиеся мною или моим заместителем статьи охотно принимались: так было спокойнее. До весны 1939 года направленность наших статей по внешней политике не вызывала сомнений. По сути дела, в ту пору Отдел печати в согласии с советскими оценками международного положения, с политикой Литвинова и моими собственными взглядами был вдохновителем активного антифашизма и борьбы за организацию коллективного отпора гитлеровской агрессии. Это, естественно, было связано с критикой роковой роли западной политики «умиротворения». Много места занимали проблемы, связанные с агрессивной политикой Японии на Дальнем Востоке.

Полезным инструментом в описываемой деятельности Отдела был еженедельник «Журнал де Москву». Это издание отличалось от аналогичных современных изданий («Москву Ньюс» и др.), в основном перепечатающих материалы советских газет и ТАСС. Газета была основана под эгидой НКВД в 1934 году. Ее вдохновителем был тогдашний заведующий Отделом печати НКВД К.А. Уманский. Первым редактором был Лукьянов. Не случайно на этом посту оказался бывший сменоведец. Я в те годы работал в «Известиях», но знал, что «Журнал де Москву» хотели придать облик «независимого издания». С первого же номера ввели, наряду с официозной передовой, колонку под постоянным заголовком: «Мысли на полях страницы». Когда мне иногда предлагали написать статью для этого раздела, Уманский советовал писать свободно, ближе к стилю зарубежной журналистики. В конце тридцатых годов «Журнал де Москву» уже потерял свое первоначальное обличье. Отдел культуры благодаря участию квалифи-

цированных авторов поддерживался на прежнем хорошем уровне. Но в политической части стали преобладать чисто официальные материалы. Иначе и не могло быть в эту страшную пору. Однако все же в мое время в «Журнале де Москву» еженедельно появлялись внешнеполитическая статья, инспирированная Литвиновым через меня или написанная мною в соответствии с задачей дня. Изредка писал передовую и сам Максим Максимович. Я фактически руководил внешнеполитическим отделом газеты, тем более, что все редакторы «Журнала де Москву», каждый в свой срок, были арестованы (в том числе С.А. Раевский, а позднее – Виктор Кин).

Когда был арестован очередной редактор, я распорядился, чтобы на том месте первой страницы, где раньше значилась фамилия редактора, теперь указывался бы день выхода номера. В это время Литвинов был за границей. Когда он вернулся, я встречал его на вокзале. Здороваясь, М.М. сказал: «Значит, теперь редактор «Журналь де Москву» – вторник?»...

Закружи газету одновременно со снятием М.М. Литвинова.

Нельзя ли нам с Вами в завершение нашей беседы поговорить на некоторые общие темы? Как Вы думаете: можно ли вообще говорить (отвлекаясь от лиц) о единой внешнеполитической доктрине Советского правительства? Или о нескольких доктринах, сменявших друг друга или сосуществовавших во времени? Правильно ли представление о «чичеринской» и «литвиновской» линиях в советской внешней политике?

Мои высказывания в беседе с вами все время оборачиваются скрытой полемикой с моей же подцензурной статьей тринадцатилетней давности⁶. Неверен был самый заголовок статьи! Теперь я понимаю: государство, порожденное Октябрьской революцией, принесло человечеству не мир, но меч...

Однако если отвлечься от глобальных проблем внешней политики и сосредоточиться лишь на том ее аспекте, который принято называть «политикой мирного сосуществования двух систем», то заголовок моей статьи вновь становится правомерным. Если я говорю об эволюции внешней политики СССР, то рассматриваю ее только с этой, узкой точки зрения: когда и в какой мере преобладала тема мирного сосуществования?

С этой точки зрения имеет смысл рассматривать и деятельность Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова. Оба они оставили отпечаток своей личности на советской дипломатии, хотя употребленное вами выражение «литвиновская или чичеринская линия» (подчеркиваю слово «линия») не уместно. Централизация политического руководства была ощутительной и до установления полной личной диктатуры Сталина.

Чичерин в своих первых дипломатических документах играл роль глашатая мировой революции, я бы сказал, невольно. Такая оговорка требует пояснений. Я не подвергаю сомнению его искренность, но полагаю, что если бы он не оказался на гребне революционной волны, он сразу стал бы действовать как министр великой державы и участник мировой дипломатической игры. Думаю, деятельность имела бы большее историческое значение, нежели радио-разоблачения империализма. Выступая в качестве наркома иностранных дел социа-

листической России (лишь после 1924 года этот эпитет был сменен на «советской»), Чичерин, автор известной статьи «Четыре конгресса»⁷, прекрасно помнил историческое прошлое этой державы.

Во многом традиционный взгляд на мировую роль России сочетался у Чичерина со злободневным пониманием внешней политики социалистической России («мировой пожар раздуем!»). В своих статьях Чичерин доказывал, что международная дипломатия приобрела мировые масштабы. А в беседах с нами он связывал свою мысль с современностью: внешняя политика советской республики сливается с борьбой между революцией и старым миром. Эти рассуждения отчасти были отзвуком расчетов на перерастание Октябрьской революции в мировую; но отчасти они имели и практический смысл.

Чичерин последовательно, можно сказать, демонстративно проводил политику сближения советского государства со странами Востока. Важным звеном здесь была система торговых льгот (прежде всего – для Ирана), явившаяся отступлением от монополии внешней торговли (это относилось к сфере моей текущей работы; юридически новаторские меры оформил Г.Н. Лашкевич). В разработке этой политики принимал участие и М.М. Литвинов.

В результате в договорах СССР с западными державами появилась «азиатская клаузула»: указание, что на данную державу не распространяются особые льготы, предоставляемые Советским Союзом «континентальным пограничным странам Азии». Эта оговорка корреспондировала «прибалтийской клаузуле» – оговорке о праве СССР предоставлять исключительные льготы странам, входившим в состав России до 1 августа 1914, т.е. прибалтийским странам и Польше.

Представление Чичерина о восточной политике опиралось, кроме того, и на рисовавшиеся ему перспективы развития событий на самом Востоке. Так, однажды в ночной беседе (он вообще часто принимал сотрудников после полуночи) Чичерин, говоря о режиме Амануллы-хана в Афганистане, увлекся и набросал концепцию «просвещенного абсолютизма» в освобождающихся восточных странах. Мне кажется, что Георгий Васильевич, употребляя термин «просвещенный абсолютизм», вспоминал собственную характеристику позиции Александра I в период Венского конгресса: «способность к приспособлению».

С отношением Чичерина к странам Востока хорошо согласуется и то большое значение, которое он придавал противоречиям между СССР и главнейшей колониальной державой – Англией. И в этом случае традиционные представления о внешнеполитических интересах России совпадали с пониманием злободневных задач РСФСР, а затем СССР и с представлением о мировом антиколониальном революционном движении. Символичным с этой точки зрения было назначение на пост посла РСФСР в Персии Ф.А. Ротштейна, одного из основателей Британской компартии. Деятель английского рабочего движения как бы продолжал свою борьбу в качестве советского дипломата. И, наоборот, дипломатия Российской державы нашла союзника в лице представителя английского рабочего движения!

Главным антагонизмом современности Чичерин считал антагонизм между Востоком и Западом. (Эта его дословная формула перекликается с нынешней: антагонизм Север – Юг.) Относя Советскую Россию в лагерь, противостоящий западному империализму, Чичерин антагонизм между Востоком и Западом связывал с историческим соперничеством между Россией и Англией. Отсюда – антианглийские тенденции в дипломатии. Даже сближение с Германией, имевшее иные корни и высоко ценимое Чичериным, он, видимо, воспринимал и как зачатки антианглийского континентального блока.

Ясно, что такое понимание внешнеполитических задач уже расходилось с новой политикой мирного сосуществования, проводником которой стал Чичерин позже. По признанию самого Чичерина, он переориентировался на осуществление широкой «пацифистской программы» (которая, конечно, не исключала и сближения с Англией) под влиянием Ленина.

Разумеется, Г.В. Чичерин не мог бы стать блестящим проводником политики сближения с Западом (вопреки своей общей концепции об антагонизме Восток–Запад), если бы в его миропонимании не сочетался историзм с политическим реализмом. Крупные деятели умеют подвлять в себе эмоциональное отношение к событиям. Политический реализм – общее свойство как Чичерина, так и Литвинова, хотя вообще-то трудно себе представить более различных людей. Я не стану углубляться в это сопоставление. Скажу просто: к их отношениям полностью применимо распространенное сейчас понятие о несовместимости двух личностей.

Эволюцию Чичерина в годы НЭПа можно сблизить с эволюцией Бухарина в тот же период, хотя они были совершенно разными людьми. Общим оказалось – умение освободиться от романтических иллюзий, от утопий на грани опасного авантюризма (бухаринский левый коммунизм), способность стать на трезвую позицию учета реальности и сделать практические выводы. Впрочем, оба они ссылались на завещание Ленина, обосновывая применительно к НЭПу Бухарин – внутреннюю, Чичерин – внешнюю политику.

Г.В. Чичерин ушел с поста из-за хронической болезни. Это не расходится с правдой. Но это не вся правда. Задолго до отставки стиль работы Чичерина находился в противоречии со стилем сталинского руководства. Вспоминаю, что еще когда болезнь не мешала Чичерину исполнять свои обязанности, сотрудники НКВД знали, что у него сложные отношения с руководством. Рассказывали, в частности, что его обыкновение приносить на заседания Политбюро кипы литературы по теме своего сообщения вызывало чуть ли не смех у циничных прагматиков, перед которыми он выступал.

Сразу оговорюсь: никакими достоверными сведениями о причинах отставки Чичерина я не располагаю.

Как знать, может быть, разгадка – не в отношении Сталина и его окружения к Чичерину, а в отношении Георгия Васильевича к ним. Такая мысль возникает, когда знакомишься с книгой о Моцарте, написанной Чичериным уже «на покое». Вот что сказано в этой книге о причинах конфликта Моцарта с архиепископом Зальцбурга: «Ненависть Моцарта к Зальцбургу была ненавистью... вообще ко всему, что убивало его творческие

переживания, к режиму авторитета (монархического, дворянского, филистерского), к атмосфере и среде, где он задыхался и погибал, к старому режиму, к извращенной искусства... Цепи «службы» и филистерства Моцарт сбросил».

Как бы Вы определили основные принципы внешней политики М.М. Литвинова?

С именем Чичерина ассоциируются прежде всего бурные годы гражданской войны, выход советской дипломатии на международную арену, провозглашение мирных программ и попытки их реализовать. С именем Литвинова связан период, уходящий корнями в эти мирные программы, но прорастающий в совсем иную эпоху, когда становилось все труднее осуществлять политику организации мира.

Я не случайно употребил такое понятие, как «организация мира». Это было любимое выражение М.М. Литвинова, часто употребляемое им и в публичных выступлениях. В частности, именно с призывом организовать мир он связал свою нашумевшую формулу: «мир неделим» (речь в Лиге Наций 17 января 1935 г.). Организация мира – понятие очень емкое, оно охватывает и большие исторические программы, например, советские предложения в Генуе и Гааге, в составлении и защите которых Литвинов активно участвовал и осуществления которых добивался в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке; организация мира предполагает ряд частичных мероприятий, таких, например, как определение агрессии, введенное Литвиновым в международный обиход путем заключения соответствующей конвенции в июле 1933 г. Организация мира требует замирения во взаимоотношениях с небольшими государствами; такова была система пактов о ненападении с пограничными с СССР странами. Но организация мира требует и умения налаживать отношения с крупными державами.

Говоря о политике Чичерина, я заметил, что осуществление мирных программ расходилось с его концепцией исторического противоречия между преемницей Российской империи и Англией. Литвинов считал, что сближение с восточными странами не должно мешать отношениям с влиятельными государствами Запада. Несомненно, он разделял общую концепцию о поддержке освободительного антиколониального движения, но одновременно считал необходимым искать путей соглашения с наиболее сильными капиталистическими странами. Будучи в высшей степени реалистическим политиком, Литвинов полагал, что соглашение с наиболее сильной державой может облегчить усилия по смягчению конфликтов с другими странами. В двадцатых годах Литвинов считал такой державой Англию, в тридцатых – США. В западной литературе иногда говорится об «ориентации Литвинова» на Англию еще и по субъективным причинам. Ничто не могло быть более чуждо такому трезво мыслящему человеку.

Можно ли рассматривать назначение Литвинова на пост наркома как сталинскую победу?

В вашей постановке вопроса есть существенный методологический дефект. Считать назначение Литвинова «сталинской победой» можно было бы лишь в том случае, если бы в Политбюро был еще кто-то, имевший

возможность продвигать свою кандидатуру или желаний оставить на посту Чичерина. Нужно было бы и чтобы существовала еще одна реальная кандидатура на пост наркома. Обе эти гипотезы вовсе не соответствуют положению вещей, существовавшему ко времени отставки Чичерина. Вместе с тем, кандидатура Литвинова была вполне естественной, он уже давно исполнял обязанности наркома. Замечу еще: Литвинов, как, впрочем, и Чичерин, был не таким человеком, которого кто-либо мог считать своим «протезом». Он был человеком независимым — конечно, в той мере, в какой это возможно при диктаторском режиме. Но ему это удавалось.

Но вот из литературы — например, из ЖЗЛ-овской книги о Чичерине⁸, — создается впечатление, что сам Чичерин настойчиво предлагал в качестве своего преемника Карахана. В частности, на время своих отъездов за границу — как официальных, так и на лечение — он регулярно рекомендовал Карахана как своего заместителя.

Я читал эту книжицу. Авторы — люди, близкие к нынешнему МИДовскому руководству, и их редкие и, по моему впечатлению, скрыто недоброжелательные упоминания о Литвинове скорее всего отражают отношение верхушки Министерства иностранных дел к памяти Максима Максимовича. Впрочем, они имеют доступ к архивам... Возможно, что Г.В. Чичерин действительно рекомендовал Политбюро на время своих отлучек Карахана в качестве исполняющего обязанности наркома. Но факт тот, что в конце концов именно Литвинову всегда поручалось исполнять эти обязанности. Повторяю: другой реальной кандидатуры на пост наркома в 1930 году не было.

*Не означал ли Мюнхен, т.е. крах политики коллективной безопасности, одновременно и крах литвиновской политики «организации мира»? Не было ли пред-
решено после Мюнхена падение самого Литвинова? Как Вы воспринимали эти события в 1938-39 гг.?*

Все мы восприняли Мюнхен как увенчание политики умиротворения агрессора, той политики, которую мы резко критиковали задолго до осени 1938 г. Так что Мюнхенское соглашение не было для нас громом среди ясного неба. Конечно, это был удар по политике коллективной безопасности, проводимой Литвиновым, но этот удар отнюдь не исключал ее продолжения. У Мюнхена были сильные противники на Западе, прежде всего — Англия. Общественное мнение в Европе также было настроено против дальнейших уступок Гитлеру. Весной 1939 г. происходили важные события, означавшие начало пересмотра мюнхенской политики (например, британские гарантии Польше).

Конечно, после Мюнхена атмосфера в самом аппарате НКВД сгустилась, и элементы, добивавшиеся репрессий против сотрудников Литвинова, сочли, что конъюнктура для них стала благоприятной; позиции Литвинова в руководстве ослабли. Как стало известно из документов, опубликованных на Западе после войны, того же мнения держались и германские дипломаты, возлагавшие большие надежды на снятие Литвинова.

Расскажите, пожалуйста, о самом Максиме Максимовиче, о его стиле работы.

Приведу кое-какие детали, бросающие свет на личность Литвинова. Ведь о нем в СССР нет никакой литературы, кроме, правда, довольно содержательных очерков З.С. Шейниса, напечатанных в различных журналах во второй половине шестидесятых годов. Я опубликовал обзор этих работ в «Новом мире» за февраль 1970 года. Я высказал тогда пожелание, чтобы увидела свет вся книга Шейниса о Литвинове. Но этого не случилось, по-видимому, из-за стремления руководства МИДа свести к минимуму даже упоминание имени Литвинова в печати. Может быть, положение изменится, когда в дипломатическом аппарате ослабнет влияние тех уже старившихся лиц, о начале карьеры которых я кое-что сказал в беседе с Вами.

На политической терминологии крупного деятеля сказывается его характер. Максим Максимович и в повседневной работе ценил организованность и четкость. Руководитель дипломатии, добивающейся организации мира, был фактически организатором орудия дипломатии — аппарата НКВД. И символично, что этот аппарат был дезорганизован репрессиями именно тогда, когда на смену организации мира пришла организация войны.

Стиль работы Литвинова проявлялся во множестве черт — в его лаконичности, в точности даваемых указаний и поручений, в экономии времени. Он постоянно укладывался в расписание служебного дня и — как я понимал — вообще в расписание своего дня. Так как я по работе был связан с потоком новостей, у меня была привилегия: я мог звонить Максиму Максимовичу по телефону в неслужебное время. В частности, мне было разрешено звонить в столовую, где Литвинов обедал. Но любопытно: я мог звонить только ровно в 6 часов, потому что именно в этот час Литвинов, уже закончив обед, проходил мимо телефонного аппарата...

Замечу, что при всей своей деловитости, твердости, ироничности Максим Максимович не отличался ни высокомерием, ни самодовольством. На полях одной американской книги о Литвинове я нашел пометку его жены Айви Вальтеровны: «Нет, он не был честолюбив!» Это совершенно справедливо. Никогда он не похвалялся достигнутым и не предвосхищал того, что еще не достигнуто. Работавшие с ним отмечали, что в этом трезвом человеке было много детского. Я вспоминаю занятный эпизод. В марте или уже в апреле 1939 года в Москве побывал английский министр торговли Хадсон. Мы понимали, что он сторонник сговора с Германией (позднее его приватные переговоры с немцами привели к скандалу, о них упомянуто, в частности, в документах архива германского посла в Лондоне фон Дирксена). Я не участвовал в московских переговорах, это было вне моей компетенции, но я догадывался, что позиция английской делегации не могла быть Литвинову по душе. И вот, поздно вечером, когда беседы закончились, в моем кабинете появились два представителя британского посольства и настойчиво просили связать их с Литвиновым. Я позвонил по прямому телефону Литвинову на квартиру. Когда Максим Максимович откликнулся, я из осторожности спросил его в третьем лице: «Максим Максимович дома? Его хотят видеть представители английского посольства». — «Сейчас поищу в саду», — поддержал игру Литвинов. Я объяснил моим посетите-

лям, что наркома разыскивают. Через несколько минут раздался звонок, и Максим Максимович сообщил мне: «Его нигде нет»... Я пояснил раздраженным английским дипломатам, что не в состоянии выполнить их просьбу, так как наркома нет дома. На другой день я был на очередном докладе у Литвинова, он весело рассмеялся, но ни он, ни я сам ни словом не коснулись сути происшедшего, в этом не было нужды.

В американской книге Поупа «Литвинов» высказано совершенно нелепое предположение, будто Литвинов сам предложил в качестве своего преемника на пост наркома «своего друга» Молотова. Хотя Литвинов никогда нам не говорил ничего о своих отношениях с Молотовым, все же было известно, что отношения — плохие. Литвинов не мог уважать ограниченного интригана и пособника террора Молотова. Тот, в свою очередь, явно не любил Литвинова, может быть, единственного наркома, сохранявшего самостоятельность и чувство достоинства. Неприязнь председателя Совнаркома к наркому иностранных дел, между прочим, сказывалась на положении центрального дипломатического аппарата. Молодые карьеристы жаловались, что ставки в НКВД ниже, чем на соответствующих должностях в других наркоматах; у НКВД было мало домов отдыха, а тем более не было таких привилегированных домов отдыха, какими располагали сановники других ведомств. Об этом было много разговоров, враги Литвинова видели в такой дискриминации признак плохого отношения к Литвинову не только Молотова, но и Сталина.

Мне думается, что Литвинов сочетал в себе два типа деятелей: революционера и дипломата; с точки зрения упрощенного понимания — два противоположных характера: разрушителя и охранителя. Думаю, что Литвинов долгое время сохранял надежду, что его деятельность как дипломата, то есть человека, реализующего и охраняющего интересы нового государства, ведет к достижению, в конечном счете, тех целей, которые он ставил перед собой как революционер: создание справедливого общественного строя.

В последние годы своей деятельности он должен был отдать себе отчет в том, что сложился несправедливый строй.

М.М. Литвинов заканчивал свою жизнь, потеряв единомышленников и друзей, загубленных террором. Рассеялись надежды и были попорчены революционные идеи, в которые он верил смолоду; стали недостижимы те исторические цели, которые он ставил перед собой на дипломатическом посту. Литвинов пережил двойную трагедию: как революционер и как государственный деятель.

На прощанье, если позволите, два вопроса личного характера. Считаете ли Вы, что в начале Вашей сознательной жизни у Вас реально был выбор пути?

По сути выбора не было. Он был запрограммирован моим характером и средой, в которой я вырос. Я писал в мемуарах, что на формировании моего мировоззрения сказались влияние русской поэзии и социал-демократических взглядов на общественную жизнь. Я с юности колебался между увлечением искусством и интересом к общественной деятельности. Эти колебания сохранились и после того, как весной 1920 года я

совершил решающий шаг: отправился из Одессы в Москву, начав этот, нелегкий в те времена, поход в качестве конвоира продовольственного маршрута. Оставшись в Одессе, я не оказался бы в революционной атмосфере Москвы двадцатых годов и, может быть, и не втянулся бы целиком в жизнь советского государства. Производными от включения в государственную систему были самые противоположные события. Назову два: поездка в 1924 году в Германию, чтобы передать советскому государству миллионное, как предполагалось, наследство А.Л. Парвуса, моего отца; арест в 1939 году, не только положивший начало тяжким испытаниям, но и ускоривший эволюцию моего мировоззрения. В процессе этой эволюции я в значительной мере вернулся к тем взглядам на жизнь, которые были у меня в ранней молодости.

В последних, неопубликованных, главах моей книги «Катастрофа и второе рождение» я как раз рассказал, как в одиночке строил различные воображаемые варианты своей жизни — и все они приводили в сталинский застенки. Вот вам косвенный ответ на вопрос о значении выбора пути. «Мы дети страшных лет России»...

Е.А., в своих книгах Вы познакомили читателя с Вашей биографией — необычной, содержащей в себе много резких поворотов, которые определяли Вашу судьбу; так сказать, внешне. Хотелось бы знать, какие моменты, какие события своей жизни Вы сами считаете узловыми, «судьбоносными»?

Если говорить не о внешних поворотах на жизненном пути, а о судьбоносных событиях во внутреннем мире, то в моей жизни судьбоносной была встреча с будущей женой. Конечно, личная жизнь сложна и переменчива. Но для моего душевного опыта поистине решающим было то, что я с юности убедился в оправданности возвышенного взгляда на жизнь и поверил в реальность сильных чувств. Открытия, сделанные в душевном опыте, повлияли на мое отношение к событиям во внешнем мире.

Беседу с Е.А. Гнединым (осень 1980) провел и записал по просьбе редакции А.Меерович <А.Ю. Даниэль>

¹ Е.В. Рубинин умер 31 декабря 1980 г. — Ред.

² См.: Е.А. Гнедин. *Катастрофа и второе рождение*. Амстердам, Фонд им. Герцена, 1977, с. 268-273. (Автор сообщил нам, что по неизвестным ему причинам в этом издании опущены последние 5 глав его «Записок».) — Ред.

³ Е.Гнедин. *Из истории отношений между СССР и фашистской Германией*. Документы и современные комментарии. Н.-Й., 1978 [надо: 1977 — С.Д.]. Несколько раньше эта статья была опубликована с примечаниями во втором выпуске «Памяти» (М., 1977); в зарубежном издании «Памяти» (Париж, 1979) она опущена.

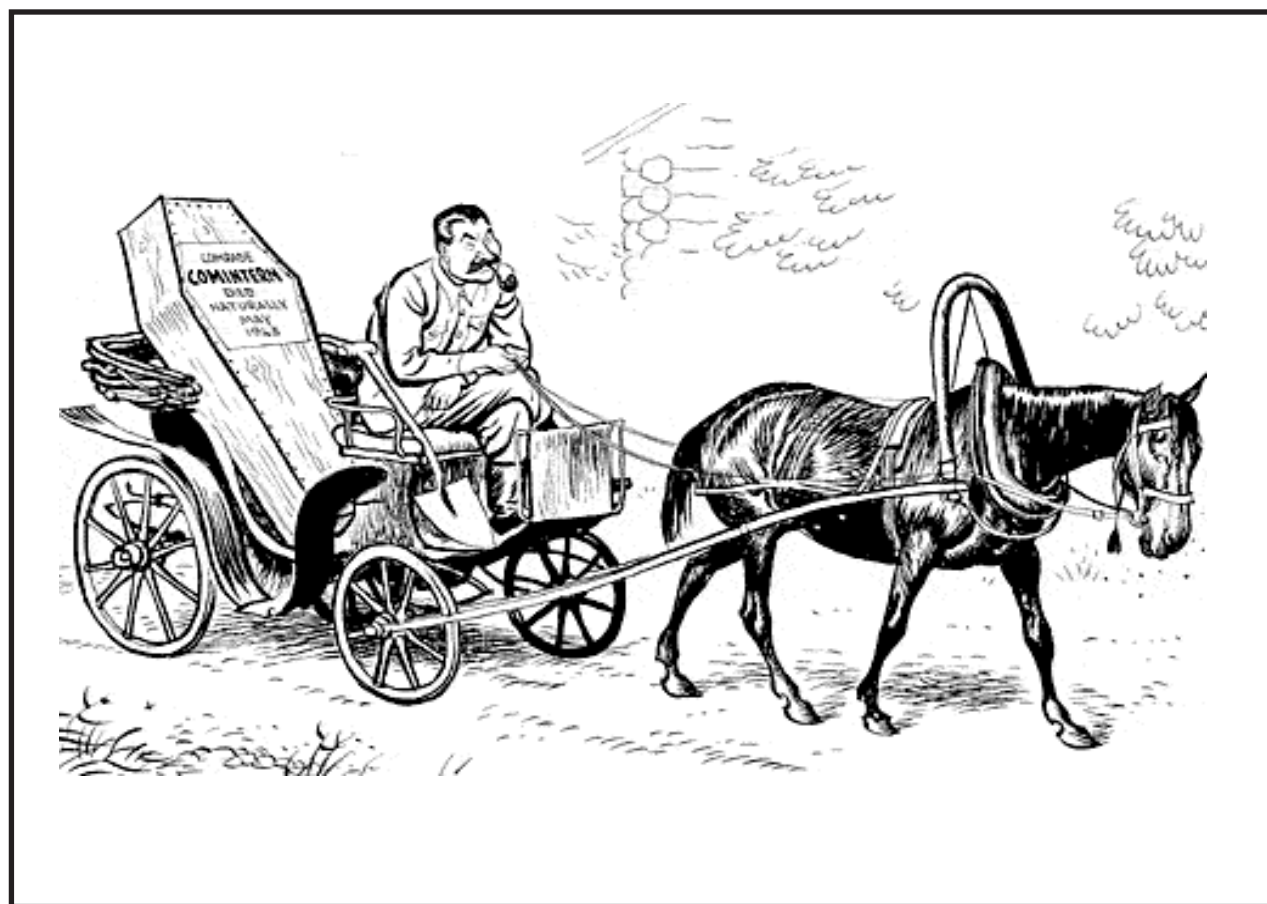
⁴ *Катастрофа и второе рождение*, с. 233-234. — Ред.

⁵ Е.А. Гнедин. *Не меч, но мир*. (Заметки о становлении советской дипломатии.) «Новый мир», 1967, №7.

⁶ «Вестник НКВД», № 1, 20 июля 1919.

⁷ *Катастрофа и второе рождение*, с. 110-111, 118-119. — Ред.

⁸ С.Зарницкий, А.Сергеев. *Чичерин*. М., 1966.

Михаил Яновский ВНОВЬ КАК НИКОГДА АКТУАЛЬНЫ: бандитизм и соглашательство в политике

Памяти Клауса Манна (1906–1949)
К 65-летию со дня кончины

Вызывающее лицемерие Сталина, его систематическая подлость, предательство и непрерывный обман всех и вся – стали притчей во языцех, даже на фоне всех прочих негодяев XX столетия.

Во внутрипартийной борьбе за власть: в 1924 – сообща с Каменевым и Зиновьевым первый удар по Троцкому; в 1925–26 – сообща с Бухариным и Томским удар по Каменеву и Зиновьеву; в 1927 – запрет всего, связанного с термином «левый» (даже в искусстве); после 1927 – перехват политики изведенного как «левый лидер» Троцкого и удар по объявленным «правыми» последним из своих искренних союзников Бухарину, Рыкову, Томскому и Угланову (далее при нем терлась уже лишь свора *тонкошеих полулюдей*)...

На международной арене: бесстыдно-откровенное вилание хвостом сперва перед Гитлером в 1939–41 (полная отмена всякого антифашизма, вплоть до визуально-наглядного *лизания* свастики серпом и молотом), затем, в какой-то мере, и перед Рузвельтом и Черчиллем в 1943 (вымаливание скорейшего открытия «второго фронта» ценой роспуска Коминтерна со всем ворохом сопутствующих ему организаций)...

На внутреннем кровавом фронте против собственного общества – искусно разоблаченная историком Робертом Конквестом (в известном труде «Большой террор») «подстава» вместо на деле себя самого – имени уже ликвидированного своего верного прислужника Енукидзе в жалких показаниях несчастных подсудимых на «показательных» (по мерзости) процессах 1930-х годов; далее давно разоблаченная, в частности Фадеевым и Эренбургом, опять-таки лицемерно направляемая Сталиным втайне из-за кулис, инициатива широкой антисемитской борьбы с «кос-

мополитизмом» после войны – и так далее, и тому подобное.

Уникальное и ценнейшее историко-политическое свидетельство Евгения Гнедина – прежде всего, в его исследовании «Из истории отношений между СССР и фашистской Германией» – приоткрывает для нас картину еще одной из наиболее подлых и грязных комбинаций по сговору с Гитлером, задуманной Сталиным при содействии как своих общеизвестных подручных Молотова, Енукидзе, Кандеаки, так и – что стало для историков действительно сенсационным открытием! – недавнего яркого противника из лагеря троцкистов, хлесткого публициста, искушенного интригана и авантюриста Карла Радека.

Корректно и ненавязчиво сопоставленные Е.А. Гнединым мемуарные свидетельства, тонкие гипотезы, воплотившиеся в неяркие, но убедительные доказательства, весь комплекс отобранных им, сведенных воедино и собственноручно переведенных разнообразных сведений из сообщений дипломатов за многие годы – стали (что бывает, увы, нередко – и особенно в нынешнюю эпоху безответственного использования Интернета) словно самоочевидным «воздухом» для публицистов и историков, жонглирующих находками Е.А. Гнедина как общедоступными и издавна очевидными истинами для всех, без всяких ссылок на его открытия и на его имя. Серьезные ученые в солидных работах и грязные бумагомаратели целыми абзацами копируют раскавыченные фрагменты из историко-политических трудов Е.А. Гнедина.

Так, с одной стороны, в долгожданном переработанном и бесцензурном переиздании своей самой известной книги («1941. 22 июня». М., «Памятники исторической мысли», 1995) Александр Некрич страница за страницей воспроизводит с текстуальной точностью разысканные и переведенные его другом и

коллегой свидетельства, аккуратно делая для каждого фрагмента библиографическую ссылку... на те источники, которые и указал в своей основополагающей работе Е.А. Гнедин, однако избегая сносок на него самого (стр. 13–14, 15, 17, 19–20, 22–23, 24–25, 26–27). А для приличия все же приводит разок ссылку и на этот гнединский труд, но в самом незначительном и третьестепенном случае (стр. 23, 220). Досадно, неловко. Никакой намеренной подлости, попросту странная атрофия научной и человеческой корректности (впрочем, может быть, отчасти извиняемая тем, что сам А.М. Некрич корректуры своего московского переиздания уже не мог держать, ибо скончался за два года до его выхода в свет).

С другой стороны, – Лев Безыменский, плодовитый обскурантист и ура-патриот, что подвизался, оказывается, еще и в начале нового века на откровенно красно-коричневой «делянке», тоже «без всякой задней мысли» использовал пригодившиеся ему раскавыченные свидетельства одного из своих «кровных» противников (Л.А. Безыменский. Гитлер и Сталин перед схваткой. Гл. 4 – Миссия Кандеаки. М., «Вече», 2000).

Всей этой каше, путанице и откровенным безобразиям в обращении с серьезным источником содействовало, к сожалению, то, что судьба обоих историко-политических свидетельств Е.А. Гнедина (в двух выпусках сборника «Память») в медиатическом смысле оказалась очень горькой. Первая работа была издана микроскопическим тиражом в США в 1977, вчерне, лишь как «отдельный оттиск», по сути дела «на правах рукописи» – в преддверии солидной, выправленной и комментированной публикации во 2-м выпуске самиздатского сборника «Память» (публикации, которая волею обстоятельств была торпедирована в ее тамиздатском изводе; а сами сборники, все пять, с редкостным злобным упрямством никогда не были перепечатаны в отечестве, даже в тот период, когда из тамиздата копировалось почти все, заслуживающее наипервейшего внимания). Вторая работа, более частного характера, мемуарное выборочное описание отдельных моментов в текущей «кухне» НКВД 1920-х/30-х годов, была как следует так обнародована в 5-м выпуске сборника «Память» – но и только: сразу тогда же оставлена без всяких комментариев при публикации, не вызвала никаких ни откликов, ни рецензий, невнятно изредка цитируется на задворках некоторых исторических обзоров.

На иллюстрациях:
«ПАРАД ПОБЕДЫ» ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА
И СТАЛИНСКОЙ РККА В БРЕСТЕ 22.09.1939
Вверху – генерал-лейтенант Мауриц фон Викторин,
генерал танковых войск Гейнц Гудериан,
комбриг Семен Кривошеин;
внизу – немецкие офицеры и советские командиры
на фоне плаката с изображением Сталина
и карт раздела Польши

На иллюстрациях:
**«ПАРАД ПОБЕДЫ» ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА
И СТАЛИНСКОЙ РККА В БРЕСТЕ 22.09.1939**
Слева – комбриг Семен Кривошеин
и генерал-лейтенант Мауриц фон Викторин;
справа – движение советских танков по мостовой Бреста
мимо немецких мотоциклистов

Избранные фотоиллюстрации
на этих двух разворотах призваны служить
хронологически-визуальной параллелью
к одному из самых драматических моментов
в описании Е.А. Гнединым
следствия на Лубянке осенью 1939 года
в его мемуарах «Выход из лабиринта»:

На допросе в ноябре 1939 года следователь не только угрожал арестовать мою жену, но и прибег к грязному политическому шантажу. «Изобличая» меня как «германского шпиона», старший лейтенант НКВД СССР заявил, что доказательства получены от... гестапо. Следователь поведал мне, что СССР в дружбе с гитлеровской Германией и добавил с таинственным видом, как бы раскрывая служебный секрет: «Так что мы обмениваемся с гестапо материалами». Из этого вытекало: «Мы все о вас знаем». Это было сказано многозначительным и зловещим тоном. Я привожу точно его аргументацию; хорошо помню слова о том, что НКВД обменивается материалами с гестапо!

Я уже слышал в камере, что между СССР и фашистской Германией заключен какой-то договор. Но я считал глупой выдумкой заявление следователя, что НКВД поддерживает связь с гестапо. В таком смысле я и отвечал следователю. Я мог бы, кроме того, ему сказать (возможно, и сказал, не помню), что, если бы удалось получить доступ к архивам гестапо, там были бы найдены доказательства того, что гитлеровцы видели во мне врага и что гитлеровская контрразведка старалась воспрепятствовать моей антифашистской деятельности. <...>

Итак, в ноябре 1939 года я не поверил следователю. Однако я уловил, что слова о контакте НКВД с гестапо отражают какую-то новую атмосферу в государственном аппарате. До осени 1939 года ни начальство следователя, ни он сам никак не решились бы хотя бы для того, чтобы запутать и запутать подследственного, обыгрывать такую тему, как сотрудничество НКВД с гестапо. Прибегнуть к таким приемам можно было только если самая идея контакта советского аппарата с фашистским уже не представлялась чем-то фантастическим и архипреступным.

Теперь-то я знаю, что тогда это было реальностью; Сталин через работников НКВД получил от гестапо фальсифицированные материалы для фальсифицированного суда над маршалами; после августа 1939 года органы НКВД вступили в контакт с гитлеровским аппаратом, в частности, когда передавали ему немецких антифашистов, арестованных в СССР.

Кроме того, не мог послужить серьезному отношению к этим двум историко-политическим трудам Е.А. Гнедина (и облегчению грамотных библиографических ссылок на них) отказ от какой бы то ни было аутентичной перепечатки обоих текстов в единственном до сих пор на родине сборнике его работ «Выход из лабиринта» (М., «Мемориал», 1994).

Независимо от желания других историков, комментаторов и издателей, оба имени: Е.А. Гнедин и А.М. Некрич – остаются неразрывно связанными друг с другом. Так, в относительно «свежей» публикации о «Деле Некрича» в Комитете партконтроля при ЦК КПСС (Алексей Богомолов. История как измена родине. – «Совершенно секретно», № 8/291, 29.07.2013), ложно выдаваемой не только за «новое», но и вообще за первое слово о той давнишней постыдной процедуре партийного преследования историка, со смехотворным апломбом приводится примитивно-очернительский материал именно в отношении Е.А. Гнедина. Нам предлагают поверить официальной стенограмме цекистских секретарей!.. Кроме того, что подобный источник уже представляется наименее заслуживающим доверия, добавим, что и сам новоявленный «первооткрыватель» Алексей Богомолов хвастливо сходу вводит читателей в заблуждение, уверяя – что до него, мол, никто те цекистские документы и не смотрел. По этому пункту напомним о пионерской в самом деле и много более содержательной работе Л.П. Петровского «Дело Некрича» («Вестник Российской Академии наук», т. 65, № 6, 1995, стр. 528-539); кстати, там-то есть поистине новые и никак не менее интересные данные о том же Е.А. Гнедине. Подробнее см. об этом в нашей статье «Звездный час Александра Некрича: взгляд полвека спустя» («Другой гид», 2014, № 8/9).

Если говорить о наиболее высокотиражных изданиях Е.А. Гнедина в «перестроечной» России, то можно назвать лишь одну единственную выборку его мемуарных фрагментов под новосочиненным названием «Себя не потерять...» – правда, повторенную дважды: сперва в журнале «Новый мир», 1988, № 7 и затем в смешанном сборнике «Записки очевидца (Воспоминания, дневники, письма)» (М., «Современник», 1990). Мало того, что обе эти публикации являются, увы, неоткомментированными, более чем популярными (в наихудшем смысле слова); им обеим предпослана – пусть полувынужденно, «с добрыми намерениями», – наиболее фальсификаторская, глубоко оскорбительная для памяти автора, хотя и достаточно развернутая биосправка о нем. Как ни в чем не бывало, в ней полностью утаивается от читателя именно последний период жизни Е.А. Гнедина, самый плодотворный этап его творческого, гражданско- и нравственного раскрепощения.

Тут, в настоящей заметке, поневоле синтезирующей в себе столь разнокалиберные моменты «микро-» и «макро-»истории, мы в итоге констатируем сходство, к сожалению, слишком многого и в потаенной, и в общедоступной для всех современников малопривлекательной картине политических событий 1938/39 и 2013/14 годов. Напоследок напомним лишь одну, но наиболее емкую формулу, не раз повторенную в этом году одним из самых на сегодня ярких (в прошлом – государственных) и многообещающих (ныне – оппозиционных) политических деятелей, Борисом Немцовым: «Да он все врет, не переставая, ваш Путин!..» Вот как раз именно это и объединяет точнее всего нынешнего карлика-юберменша с (якобы его *протообразом*) низколобым сухоруким Кобой.

На иллюстрациях:
**«ПАРАД ПОБЕДЫ» ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА
И СТАЛИНСКОЙ РККА В БРЕСТЕ 22.09.1939**
Слева – «триумфальная арка», сооруженная
красноармейцами для марша гитлеровских и сталинских
частей с трогательно-небезынтересным соседством
свастики, красной звезды, серпа и молота,
а также с лозунгом:
«Да здравствует РККА, освободительница
трудовых масс З.Б. и З.У.!»;
справа – советский командир и немецкие офицеры
в дружеской беседе

Весь этот текст посвящается памяти одного из самых безоглядно-бескомпромиссных борцов с тоталитаризмом (а именно – с гитлеризмом), неутомимого труженика в области художественного и публицистического, изящно-утонченного и сурово-чеканного слова, организатора и издателя двух м. б. самых ярких международных журналов 1930-х/40-х гг. (соединивших в себе А.Эйнштейна и Л.Троцкого, О.Хаксли и Э.Хемингуэя, А.Жида и Б.Пастернака, Ст. Цвейга и Г.Манна, У.Одена и Ж.Кокто...) – и при том постоянного недруга для всех секретных служб обоих полушарий: не только для гестапо, что очевидно, но и для НКВД и для ФБР – Клауса Манна.

Наиболее краткая и доступная информация энциклопедического характера о позорном эпизоде начала Второй мировой войны («ПАРАД ПОБЕДЫ» ГИТЛЕРОВСКОГО ВЕРМАХТА И СТАЛИНСКОЙ РККА В БРЕСТЕ 22.09.1939) находится в Сети;

см. статью в Википедии на трех языках:

https://ru.wikipedia.org/wiki/Совместный_парад_вермахта_и_РККА_в_Бресте

http://en.wikipedia.org/wiki/German-Soviet_military_parade_in_Brest-Litovsk

http://fr.wikipedia.org/wiki/Parade_militaire_germano-soviétique_à_Brest-Litovsk

С.Д. К 20-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ СБОРНИКА Е.ГНЕДИНА «ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА»

В этом году исполнилось 20 лет с момента выхода в свет первого и оставшегося до сих пор единственным на родине отдельного издания основных избранных работ яркого, но сравнительно малоизвестного деятеля отечественной истории XX века (с включением и некоторых материалов об авторе):

ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА. Евгений Александрович Гнедин и о нем. Мемуары, дневники, письма. Составители В.М. Гефтер и М.М. Кораллов. Редактор А.Ю. Даниэль. М., «Мемориал», 1994.

Этот многопрофильный сборник с претензией на всеохватность включил в себя значительные фрагменты из некоторых ранее доступных лишь в Самиздате и Тамиздате вольных работ Е.А. Гнедина, а также – что особенно ценно – ряд вообще впервые обнародованных эпистолярных и дневниковых отрывков. Есть и тексты, связанные с иными именами (М.Я. Гефтер, Л.Э. Разгон). Вдова автора до выхода этой книги, увы, не дождала – и рукописные материалы из домашнего архива были переданы в «Мемориал» их дочерью Т.Е. Гнединой (чей копирайт, наравне с издательским, и поставлен на обороте титульного листа).

Составители преуспели в употреблении расширительных и по сути дела фактически бессодержательных оборотов, воздавая должное (абсолютно анонимным образом) своим предшественникам, публикаторам работ Е.А. Гнедина при его жизни в Самиздате и на Западе; решились на произвольную подборку отрывков из его разных произведений (обойдя, однако, обе наиболее весомые не столько публицистические, сколько именно научно-политические его публикации в Исторических сборниках «Память», из коих привели лишь... по два-три абзаца); оставили, увы, вовсе без всяких необходимых поясня-

ющих комментариев и без должных поправок впервые предлагаемые читателю дневниковые и эпистолярные фрагменты; похвальным образом обнародовав самую полную библиографию подсоветских и бесцензурных публикаций Е.А. Гнедина – пренебрегли однако необходимой точностью описаний в ряде наиболее значимых позиций и непонятно почему проигнорировали своих предшественников, авторов первых некрологически-биографических очерков и опыта составления библиографии героя книги.

Видимо, свою небрежность и массу недоговоренностей издатели «мемориального» сборника оправдывали перед собой тем, что в то время существовал проект выхода в свет в издательстве «Прогресс» большого тома работ Е.А. Гнедина. Увы, вскоре и само то издательство, и его благие планы канули в небытие, а руководители «Мемориала» позволили себе умыть руки, забыв об этой фундаментальной теме и безмятежно оставив отечественного читателя уже целых два десятилетия один на один лишь с совершенно негодным, неполноценным, дефектным (см. детальный разбор того сборника в нашей статье «Двадцать лет спустя (Из библиографической летописи)» – «Другой гид», 2014, № 8/9) да и к тому ж и тогда, и ныне практически недоступным изданием.

В приложении к настоящей календарной заметке мы помещаем единственный материал из сборника – нигде более не перепечатывавшееся «Слово над гробом» Лидии Чуковской (а также несколько кратких цитат о Е.А. Гнедине из ее дневников), и впервые воспроизводим забытую первую некрологически-биобиблиографическую сплотку материалов о Е.А. Гнедине из давней «Русской мысли».

Лидия Чуковская СЛОВО НАД ГРОБОМ

Если бы человек, незнакомый с Евгением Александровичем Гнединым, спросил меня: какой он? Я ответила бы так: лучезарный. Это человек, излучающий свет.

В чем тайна его улыбки, его лучезарности? Мне случалось видеть Евгения Александровича радостным и печальным, гневным, негодующим, веселым, огорченным, встревоженным, усталым, но никогда – издерганным, нервным, выбитым из колеи. Он обладал удивительным душевным равновесием.

Конечно, обращаясь к нему за советом, мне дорого было услышать его мнение, его совет. Но дороже, важнее – побывать в круге его лучезарности. Он помогал мне обрести и самой большую устойчивость. Крепче стоять на ногах.

Вероятно то, о чем я говорю, называется внутренней гармонией. Гармония одной человеческой души вносит гармонию и в другие души. Но тут я хочу отметить ещё одну черту Евгения Александровича, как будто противоположную сказанному. Он обладал свойством, которое Герцен назвал «отвагой знания». О доблести, о жизненной отваге Евгения Александровича говорить не приходится. Она известна всем. Нет, я говорю именно о смелости мышления. Приходя к мысли,

опрокидывающей прежние, казалось бы нарушающей гармонию, – он не боялся додумать её до конца, бесстрашно встретить и принять её. Такое бесстрашие мало кому присуще. Оно нарушает самый элементарный душевный комфорт, к которому люди стремятся, пожалуй ещё пуше, ещё неуклонней, чем к внешнему.

Трудная внутренняя работа не исказила энергии добра, не нарушила душевного равновесия...

Я не знаю, верен ли закон сохранения энергии в физическом мире. Но в духовном – закон сохранения энергии безусловен. Та лучезарность, то лучиспускание, исходящее от Евгения Александровича, о котором я говорила, сохранились и сохраняются. Сейчас, когда он только что покинул нас, мы остро ощущаем боль разлуки, разрыва, боль его отсутствия. Но энергия добра не может пропасть. С каждой минутой мы будем всё яснее ощущать: «разлучение наше мнимое», наша связь с Евгением Александровичем прочна. Светом своим он никого из нас не обделил. Энергия лучезарности сохраняется.

Москва, 16 августа 1983

Слово при прощании с Е.А. Гнединым
в Боткинской больнице
(Архив семьи Гнединых)

Ко мне подошел Евгений Александрович Гнедин, и, чтобы двигаться увереннее, я схватила его за руку. Постепенно зрение стало возвращаться ко мне – в той мере, в какой оно вообще может еще возвращаться.

И тут я увидела, что мимо нас несут гроб. Я разглядела опустившееся плечо и склоненную голову Володи Корнилова. И меня вдруг пронзила мысль: уносят Фриду.

– Что же это такое? – сказала я Евгению Александровичу. – Вы видите? Они ее уносят!

И вот в эту минуту все плотины во мне прорвались, и я заплакала, вольно и бесстыдно, уже не сдерживаясь, – и плакала на улице, в машине, на кладбище, не сдерживаясь и не получая облегчения.

Плакала я не о ней. (Может быть, потому и не сдерживалась.) Плакала о себе.

Милый же Евгений Александрович принимает разброд – за плюрализм. «Вот и все. Смежили очи гении» – или изгнан гений, как А.И., или не дают гению исполнять свой долг: мыслить, как А.Д.

А Гнедина, после опыта целой жизни, потягивает к еврокоммунизму. Старые большевики неизлечимы. Надежда Марковна обуяна, разумеется, ненавистью к Солженицыну, но по хорошему своему воспитанию со мной старается не спорить и на эту тему молчать. Я нарочно прочла: «Уж эти мне ошибки гения...»

– Это о Солженицыне? – спросила она.

– Да, – сказала я. – О Солженицыне, о Достоевском, о Толстом, о Блоке... Ошибки Достоевского:

1) церковность и антисемитство; 2) ошибки Толстого – толстовство и «Крейцера соната»;

3) ошибка Блока – «Двенадцать».

(Лидия Чуковская. Из дневника. Воспоминания. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва, «Время», 2014, стр. 610, 484)

Александр Некрич *Прощаясь с Евгением Гнединым* «ОН НЕ БОЯЛСЯ СМОТРЕТЬ ПРАВДЕ В ГЛАЗА...»

Однажды (дело было в 50-х годах) мой близкий друг сказал мне: «Приходи сегодня. У нас будет Гнедин с женой. Ты ведь знаешь его?»

Впервые я встретил Евгения Александровича Гнедина много-много лет назад. Было это не то в конце 20-х годов, не то в начале 30-х. Мой отец работал тогда в иностранном отделе газеты «Известия». Гнедин был там же заместителем заведующего иностранным отделом. Позднее он перешел на работу в Наркоминдел. Я был страстным собирателем марок и по несколько раз в неделю забегал в «Известия» за очередной порцией марок. Жили мы неподалеку от Страстной площади, где помещалась редакция, в Старопименовском переулке. Там в доме № 5 находилась наша школа, над которой «Известия» взяли шефство. Одним словом, все пути вели меня в редакцию. В отличие от отца, который был, мягко говоря, далеко не в восторге от моих набегов, Гнедин относился ко мне не только терпимо, но и с некоторой долей симпатии. Не было случая, чтобы он не припас для меня каких-нибудь диковинных марок. Об этом-то мы прежде всего и вспомнили, повстречавшись в доме у моего приятеля, дальнего родственника Евгения Александровича. Потом мы виделись более или менее регулярно. Жена Евгения Александровича тоже была журналисткой, а его дочь писала фантастические повести и рассказы.

Гнедин был арестован летом 1939 года, вскоре после того, как М.М. Литвинов на посту наркома иностранных дел был заменен В.М. Молотовым. Просто чудо, что Гнедин, знавший так много о переговорах, которые велись в разные годы между советским и гитлеровским правительствами, остался в живых, хотя провел несколько месяцев в пыточных тюрьмах – в Лефортове и Сухановке, а затем много лет в лагере на Колыме. Евгений Александрович

немало передумал за эти годы. Когда он возвратился из лагеря, то мог бы вести довольно благополучный образ жизни пожилого человека, пребывающего на покое. Так и поступало большинство из реабилитированных. Многие из них старались поскорее забыть о страшных годах, проведенных в лагере. А прошлое, о котором они хотели помнить, возникало в их сознании в туманном ореоле революционных лет, коллективизации, индустриализации и борьбы за генеральную линию партии. В этом прошлом было их утешение. Исчезни оно, оказалось бы, что большая часть жизни прожита либо зазря, либо с большим вредом для народа.

Евгений Александрович был в числе тех немногих выживших, кто не побоялся взглянуть правде в глаза и признаться самому себе в долготных заблуждениях. И не только самому себе. Его выступление на обсуждении книги «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма в феврале 1966 года свидетельствовало об этом. Партийные органы не раз терзали его за это выступление. Но он не только не изменил своей позиции, но продолжал активно выступать в публичных дискуссиях и на страницах печати.

Е.А. Гнедин принадлежал к той редкой категории людей, для которых эволюция убеждений – процесс длинный и мучительный. Но раз пройдя через это испытание, они становятся как камень. Вот почему Евгений Александрович вышел из КПСС – шаг, на который отваживались лишь немногие. Его книги воспоминаний «Катастрофа и второе рождение» и «Выход из лабиринта» свидетельствуют именно об этом. Он не побоялся напечатать свои произведения за рубежом и сделал это, несмотря на то, что обстановка в стране ухудшилась – это было время арестов и преследований инакомыслящих. Он как бы перешагнул через ми-

стический рубеж. До последнего дня он работал – наряду с прочим, участвовал в подготовке сборников «Память».

Была у Евгения Александровича черта, которая глубоко мне импонировала: умение слушать собеседника, – черта, скажем прямо, не столь часто встречающаяся среди современной русской интеллигенции.

Он пришел ко мне вместе с дочерью в вечер прощания; я покидал Москву, возможно,

навсегда. Мы простились сердечно, как расстаются старые друзья. Да ведь и в самом деле мы были знакомы почти полвека, с того самого дня, когда я прискакал в редакцию «Известий» за марками.

Париж, октябрь 1983

«Русская мысль», № 3485,
6 октября 1983, стр. 7

P.S. (ОТ ПУБЛИКАТОРА)

В приложении к краткому обзору «мемориального» сборника Е.А. Гнедина 1994 года мы воспроизводим сплотку самых первых некрологических и биобиблиографических материалов о нем, опубликованных вскоре после его кончины – осенью 1983 года – в парижском еженедельнике «Русская мысль» и, к сожалению, вовсе проигнорированных в этом более позднем и итоговом московском издании.

Следует напомнить, что тогдашний андроповский «железный занавес» был в реальности особенно непроницаем; и вследствие того, даже при постоянных усилиях его преодолеть, в парижской редакции в то время единственной в Европе вольной русской газеты узнали о смерти выдающегося публициста и мемуариста с задержкой на полтора месяца. Тотчас в уже уходящий номер была дана заметка С.Д. (оставлена без подписи) о том, что в следующем выпуске будет помещен содержательный некролог. Как раз в этот момент для подготовки очередного номера своего журнала «Обозрение» (периодически выходившего в свет как приложение к еженедельнику) в Париж прибыл из США давний близкий знакомый и в глубинном смысле – пускay младший, но коллега Е.А. Гнедина – Александр Моисеевич Некрич. Услыхав в редакции, что Сергей Дедюлин готовит биобиблиографический очерк об их общем московском товарище по сопротивлению тоталитаризму, А.М. Некрич спонтанно взялся написать в один присест сугубо личный мемуарный этюд – с которого мы и начинаем эту републикацию.

Несколько парадоксально, что именно этот, бесспорно, выразительный и ценный, но наполовину интимно-автобиографический набросок (в своей заметной части – о некогда связавшей мемуариста и его героя филателии!..) единственным был замечен и как следует библиографически описан в большом обобщающем материале Пола Д. Реймонда (на английском языке), целиком посвященном жизни и творчеству Е.А. Гнедина (The Russian Review, vol. 44, 1985, pp. 379-395), а поме-

щенные в газете рядом с мемуарным откликом А.М. Некрича самые первые в мировой печати био- и библиографические заметки о Е.А. Гнедине никак не были там учтены.

Тем большее недоумение вызывает и полное замалчивание этой первой некрологически-биобиблиографической парижской сплотки материалов о Е.А. Гнедине в целом – в изданном через десять лет в первом на родине сборнике его собственных работ и материалов о нем. Там же предельно высоко оценивается упомянутый обзор Пола Д. Реймонда, который по сути дела был попросту «рефератом», пересказом доступных в печати текстов самого Е.А. Гнедина и при довольно широком перечислении позиций советской и западной исторической литературы, сопутствующей теме, блистал зияющими лакунами и ошибками в отражении некоторых самых существенных публикаций героя обзора и материалов о нем (так, даже единственную ссылку на сборник «Память» обозреватель не сумел дать правильно: вместо верного *Москва/Париж, 1981/82, № 5* Пол Д. Реймонд сфантазировал *New York/Paris, 1981/82, no. 5*).

Можно добавить, что если информация о событиях внутри СССР в тот конкретный период действительно с крайним трудом пробивалась к равнодушным наблюдателям в свободный мир, то обратные усилия активной части «третьей эмиграции» снабжать вольной литературой и прессой своих оставшихся дома и не потерявших любознательности соотечественников порой увенчивались большим успехом. Этот номер «Русской мысли» с некрологическими материалами был быстро получен в заинтересованных кругах в Москве, и вдова, Н.М. Гнедина, вскоре передала свою признательность в Париж автору первого биобиблиографического материала о ее муже.

Она же в самом начале «перестройки» успела стать публикатором первого и по сути оставшегося единственным высокотиражного издания Е.А. Гнедина на родине – фрагмента из его мемуаров в «Новом мире» в 1988 году (но об этом см. детальнее в заметке Михаила Яновского в настоящем выпуске «Нового библиографа»).

С.Д. КОНЧИНА ЕВГЕНИЯ ГНЕДИНА

Как только что стало известно, в начале августа в Москве после тяжелой мучительной болезни (рак крови) скончался один из самых образованных и одаренных русских публицистов, бывший дипломат, многолетний узник сталинских лагерей, участник правозащитного движения Евгений Александрович Гнедин. Ему было 85 лет.

До самого последнего времени Е.Гнедин сохранил свой литературный дар. Читатели 50-х – 60-х годов – в СССР и на Западе – знали его прежде всего по обстоятельным публицистическим работам, печатавшимся в «Новом мире» А.Твардовского. После 1970 года в официаль-

ной советской прессе Е.Гнедин больше не публиковался. С этого времени он становится известен как мемуарист, чьи сдержанные и богатые уникальным историческим материалом воспоминания появляются в самиздате и тамиздате.

Подробнее о Е.Гнедине читайте в следующем номере «Русской мысли».

<Без подписи>

«Русская мысль», № 3484,
29 сентября 1983, стр. 15

С.Д. ПРОШЕДШИЙ СКВОЗЬ ЛАБИРИНТ

Недавно умер замечательный человек. Только тогда мы с удивлением заметили, что ему было уже почти 85 лет: он казался нам всем «мужчиной в расцвете сил» – жизнерадостным, зрелым, спокойно-деятельным. Конечно, и на нем отпечатались вместе со своими особенностями *историческое время*, в которое ему довелось жить. Но теперь, делая попытку бросить ретроспективный взгляд на его путь, объявляя без малого столетие, я вижу, скорее, те несравненные достоинства, которые у этого человека были – *свои собственные*.

Незаурядность – вот главное качество этого человека. Оно провело его через все взлеты и падения XX столетия, по кромке сильнейших «стихий» нашего времени – финансового богатства, партийной иерархии, государственной власти, пыточных застенков, безнадежности лагерей, бессрочности ссылки, искусства нового конформистского благополучия – лишь ему присущим путем, который и вывел его из этого многоярусного лабиринта на Волю. И это не дает возможности (не впадая в вопиющую

неточность) отнести его к какому-то клишированному множеству: революционер? дипломат? газетчик? референт политбюро? жертва персонального сатанизма Молотова и Берии? эзк? пенсионер? историк? диссидент? – все это лишь ярлычки. А он был:

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГНЕДИН.

Он родился в Дрездене 29 ноября 1898 г. в семье одного из крупнейших в то время деятелей российской и немецкой социал-демократии А.Парвуса. После разрыва между родителями, в 1904 г. он уехал с матерью в Россию и провел юность в Одессе. Учился там в Новороссийском университете, а затем – в Политехническом институте в Петрограде.

В 1920 г. он принял фамилию Гнедин, желая подчеркнуть, что у него нет ничего общего с А.Парвусом, который стал к тому времени одним из крупнейших предпринимателей международного масштаба. После смерти Парвуса в 1924 г. Е.Гнедин был, однако, признан (как старший сын) основным наследником, поехал в связи с этим в Германию и, получив свою

долю наследства – крупнейшую коллекцию архивных документов и библиотеку созданного Парвусом Международного института по исследованию причин и последствий мировой войны, передал все это в дар Институту Ленина в Москве, сам не обогатившись ни на пфениг.

С 1922 г. Е.Гнедин работал в наркомате иностранных дел СССР – сначала заведующим Торгово-политическим отделением, затем референтом по Германии. Начав еще тогда писать статьи по вопросам международной политики, в 1931 г. он целиком перешел на работу в редакцию газеты «Известия». В 1935–37 гг. он был на дипломатической службе (первый секретарь посольства СССР в нацистском Берлине). С 1937 г. – Е.Гнедин снова в Москве, где занимает пост заведующего отделом печати НКВД. В это время – он один из ближайших сотрудников наркома иностранных дел М.М. Литвинова, – следствием чего и явился арест Е.Гнедина в мае 1939 г., через несколько дней после отставки Литвинова и замены его Молотовым.

Е.Гнедин перенес все: и Лефортовскую, и страшную Сухановскую тюрьму (из узников которой, кажется, никто, кроме Е.Гнедина, не пережил сталинского террора). Его пытал сам нарком внутренних дел – Л.Берия. Отбыв 10-летний срок в лагерях, Е.Гнедин в 1949 г. был «навечно» отправлен в ссылку – в Казахстан.

В 1955 г. Е.Гнедина реабилитировали. Он не вернулся на службу в государственный аппарат, а стал вести работу исследователя и журналиста (насколько это позволяли условия советской жизни).

Широкому читателю известны его обстоятельные статьи, опубликованные А.Твардовским в 60-е гг. в «Новом мире». После разгона редакции (1970 г.) Е.Гнедин уже не имел возможности печататься в официальной прессе. Самые зрелые и интересные его произведения стали достоянием самиздата и потом – тамиздата.

Общественные выступления и темы литературных трудов Е.Гнедина касались самых ключевых моментов настоящего и прошлого. Один из начальных пунктов широкого общественного движения (которое стало вскоре носить название «демократического», а затем и «правозащитного») – официальное обсуждение в начале 1966 г. в Москве книги А.М. Некрича «1941, 22 июня». Задуманное устроителями, вероятно, как попытка подготовить

общественное мнение к «ресталинизации», это обсуждение превратилось во встречный бой, который дали чиновникам от науки лучшие представители общественности, ощущавшие свою ответственность и перед страной, и перед ее прошлым и будущим. Среди них были А.Снегов, П.Якир, Л.Петровский – и Е.Гнедин.

Е.Гнедин поддержал и несколько коллективных обращений, – в частности, организованные А.Д. Сахаровым петиции об отмене смертной казни и о всеобщей политической амнистии (1972 г.). Он стал и одним из авторов самиздатских исторических сборников «Память», поместив там две ценные работы (в вып. 2 и 5).

На Западе, в тамиздате, вышло несколько книг воспоминаний Е.Гнедина, написанных им в крайне сдержанном и намеренно-спокойном тоне. Он сумел по-новому взглянуть на загадку инсценированных «признаний» на следствии и суде. Мемуарист завершает свои размышления зловеще звучащим: «Страшное дело – союз жертвы с палачом!» К нашему общему несчастью тема эта не теряет актуальности и сорок лет спустя...

Е.Гнедин пишет в своих воспоминаниях об уникальных фрагментах истории XX века, к которым ближе его, пожалуй, никто иной подойти не мог. Это – эпизод с наследством Парвуса. Это – невероятно лицемерная роль, авантюрно сыгранная Радеком в международной политике 30-х гг. Это – таинственные застенки Сухановки. Это – встречи в политбюро или в пыточной камере со Сталиным, Молотовым, Маленковым, Берией.

Это – с удивительной ненавязчивостью переданный рассказ о поисках внутренней свободы. А о приближении к свободе внешней – свидетельствуют лежащие перед читателем его книги.

В 1979 г. Евгений Гнедин вышел из компартии (в которой состоял с 1931 г.). Он сделал этот решительный шаг уже в то время, когда многие пытались соскрести с себя даже малейшие следы бывшего «либерализма». И это было для него – человека, неизменно избегавшего яркого света общественной известности, – естественным и неизбежным выходом из лабиринта «средств и целей», о чем он предельно честно поведал в той мемуарной исповеди, которую оставил нам.

Париж, октябрь 1983

«Русская мысль», № 3485,
6 октября 1983, стр. 7, 14

Издатель выражает искреннюю признательность за неизменную научную солидарность Женеви́ве Жоанне (Париж), Анне Комароми (Торонто/Париж), Вере Мильчиной (Москва), Борису Равдину (Рига), а особенно архивариусам: ныне реально действующему, Марии Классен, и исторически первому, Габриэлю Суперфину (Исследовательский Центр Восточной Европы при Бременском университете)

С.Д. ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ ЕВГЕНИЯ ГНЕДИНА

(1) БЮРОКРАТИЯ XX ВЕКА. – «Новый мир», Москва, 1966, № 3

(2) НЕ МЕЧ, НО МИР. – Там же, 1967, № 7

(3) МАСШТАБЫ И ХАРАКТЕРЫ. – Там же, 1968, № 10

(4) УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ И ОБРЕТЕННЫЕ НАДЕЖДЫ. Проблемы молодежного движения на Западе. – Там же, 1970, № 10

(5) КАТАСТРОФА И ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. Мемуарные записки. Амстердам, «Фонд им. Герцена» (Серия «Библиотека Самиздата», № 8), 1977

(6) ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ. Документы и современные комментарии. – «Память». Исторический сборник. Вып. 2. Москва, 1977 (с обширными редакционными комментариями)

<Без подписи>

P.P.S. (ОТ ПУБЛИКАТОРА)

В приложении к первой из опубликованных биографий-некрологов Е.А. Гнедину была помещена впервые же обнародованная (без подписи) краткая библиография его зрелых работ, которую мы здесь также воспроизводим.

Разумеется, из обширного свода подцензурных советских статей Е.А. Гнедина в нее включены только немногие, наиболее примечательные из появившихся в «Новом мире». Однако у этой скромной пионерской библиографии оказались и отменные достоинства. В ней были указаны немаловажные реалии, которые, увы, затем проигнорированы в более полной (в целом) поздней библиографии, помещенной в «мемориальском» сборнике работ Е.А. Гнедина и материалов о нем «Выход из лабиринта» (М., 1994): сам факт наличия предисловий к №№ (8)–(10) и имена их авторов Андрея Сахарова и Александра Меерovichа <А.Ю. Даниэля> в «мемориальной» библиографии не отмечены.

тариями – лишь в самиздатском варианте; из тамиздатского издания – Париж, «УМСА-Press», 1979 – исключена)

(7) То же, отд. изд. Нью-Йорк, «Хроника», 1977 (с исключением редакционных комментариев «Памяти»)

(8) ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА. Из книги мемуаров. С предисловием А.Сахарова «Лабиринты эпохи». – «Континент», (Париж), № 28, 1981

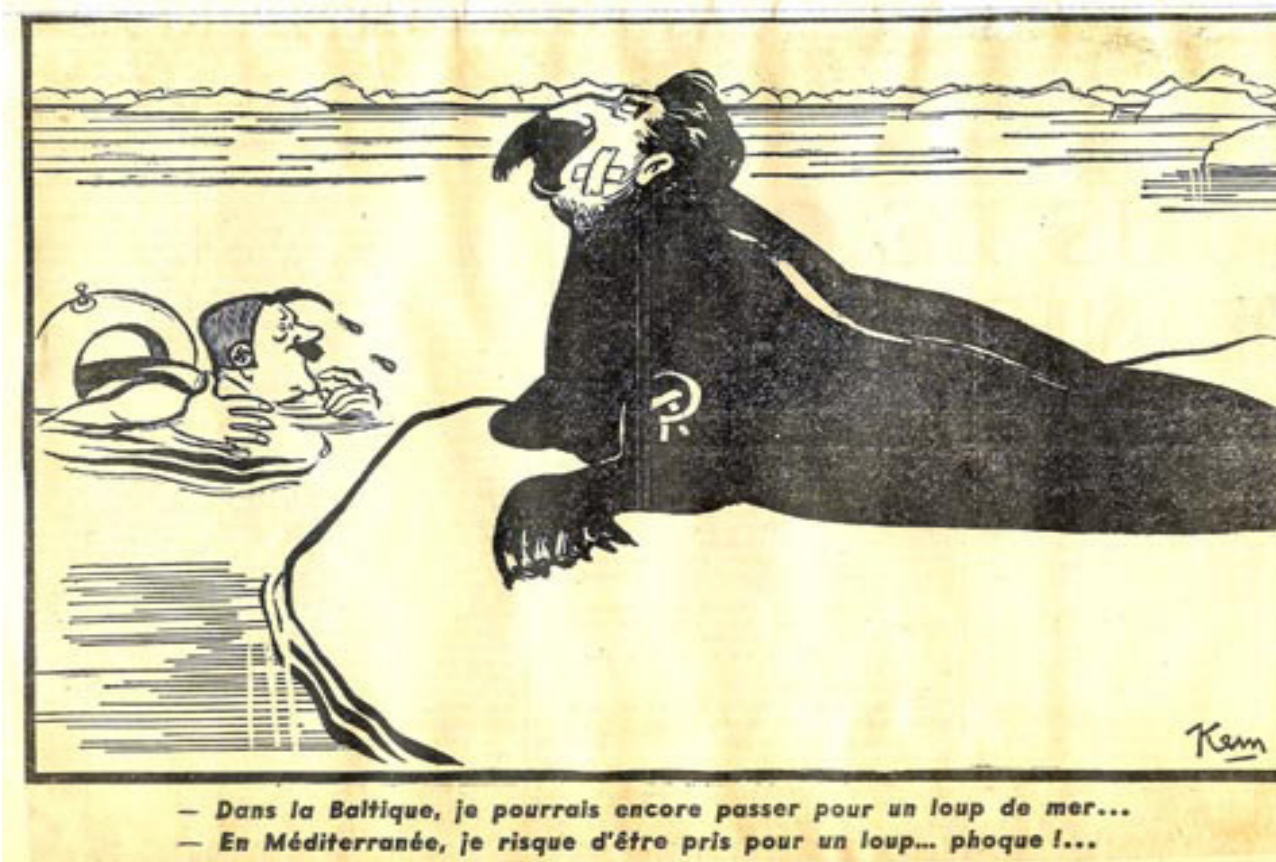
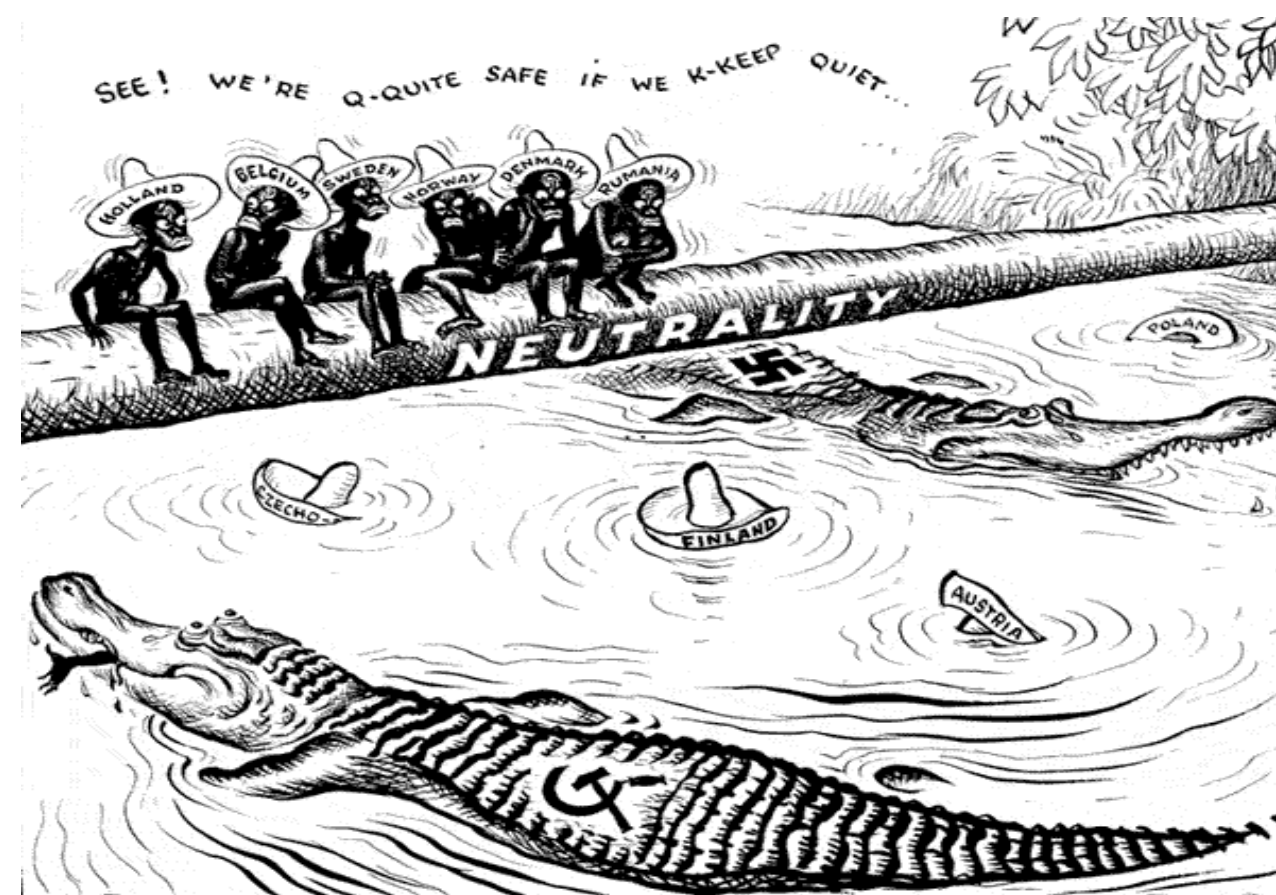
(9) В НАРКОМИНДЕЛЕ, 1922-1939. Интервью. Запись А.Меерovichа. – «Память». Вып. 5. Москва, 1981 – Париж, 1982 («La presse libre»)

(10) ВЫХОД ИЗ ЛАБИРИНТА. С предисловием Андрея Сахарова. Нью-Йорк, «Chalidze Publications», 1982

«Русская мысль», № 3485, 6 октября 1983, стр. 14

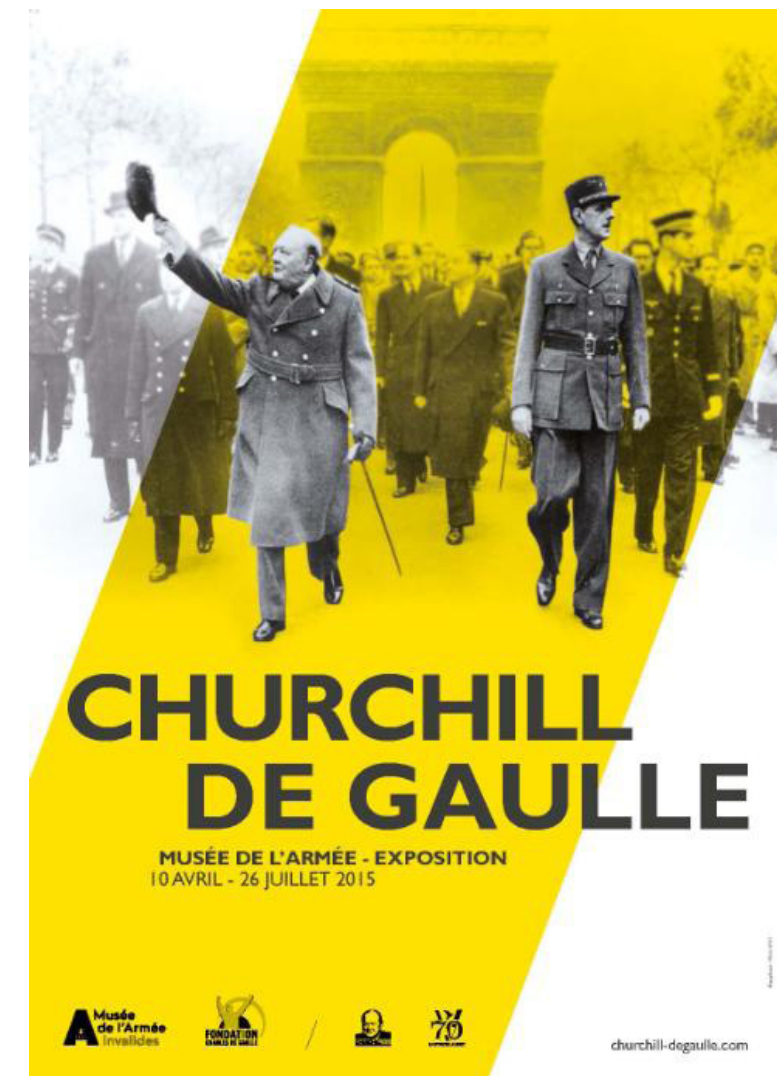
В то же время сама идея акад. А.Д. Сахарова написать предисловия к тамиздатским первопубликациям воспоминаний Е.А. Гнедина «Выход из лабиринта» в журнале «Континент» и в издательстве Chalidze Publications возникла после его знакомства с неподцензурным творчеством мемуариста (вскоре ставшего его другом) именно по самиздатской версии вып. 2 Исторического сборника «Память»; – см. косвенные, но убедительные данные об этом в комментариях к выборочным цитатам из Дневников А.Д. Сахарова и Е.Г. Боннэр, впервые введенные в оборот в публикации Михаила Яновского «Малоизвестная статья Ларисы Богораз» («Декабрьский сбор друзей. К 9.XII.2010». – Приложение к журналу «Другой гид», 2010, № 12).

Во всяком случае, очевидно: ни на родине, ни в западной историко-научной литературе, ни в кругах продолжающих добросовестно работать исследователей-эмигрантов – по сей день никто не удосужился создать элементарно грамотную и полную библиографию Е.А. Гнедина.

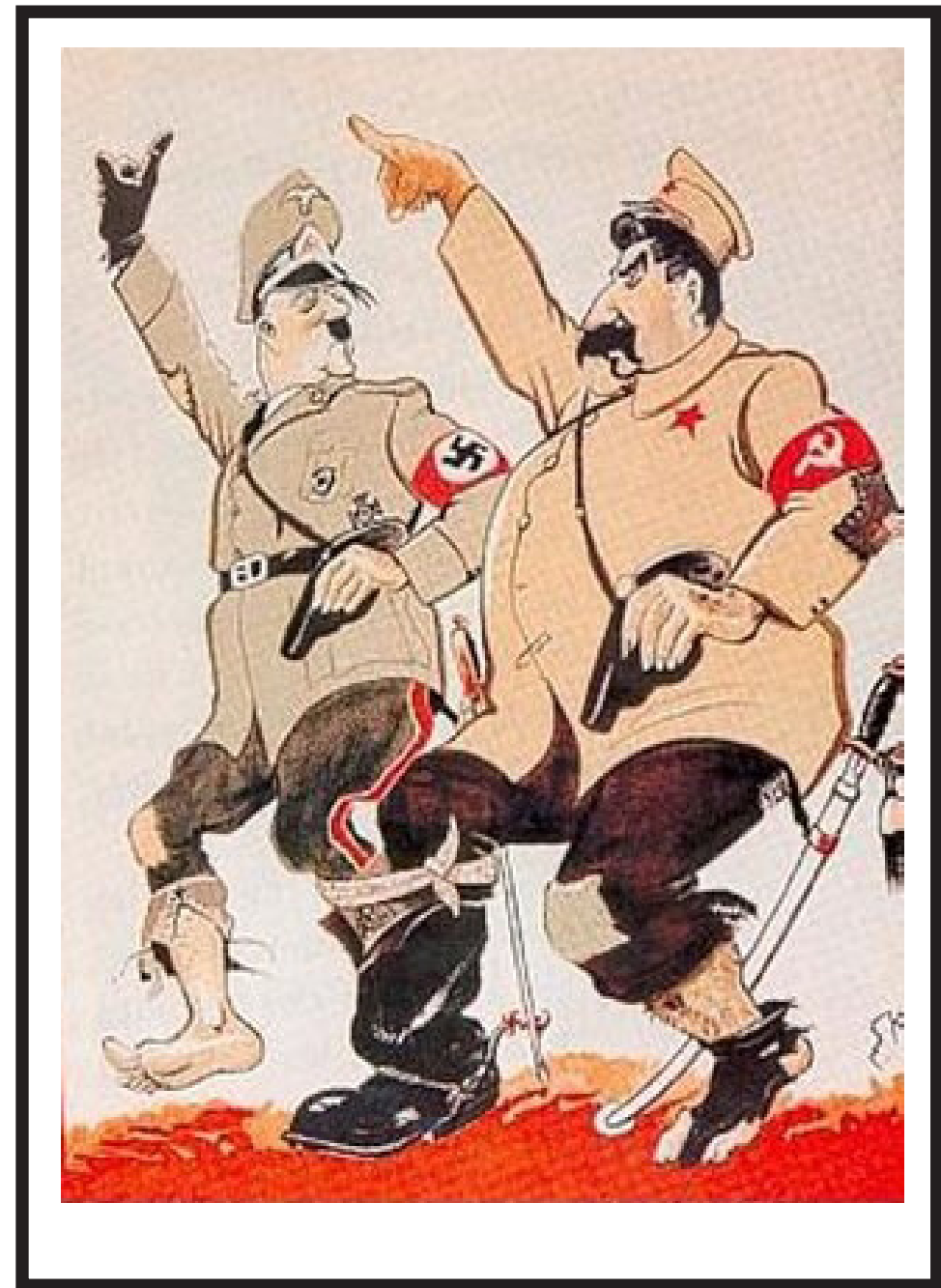

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА В ПАРИЖСКОМ МУЗЕЕ АРМИИ (ДВОРЕЦ ИНВАЛИДОВ): 1945–2015

ЧЕРЧИЛЬ И ДЕ ГОЛЬ:
ДВА ЗАПАДНЫХ ЛИДЕРА,
БЕСКОМПРОМИССНЫЕ
ПРОТИВНИКИ ГИТЛЕРИЗМА

МИР КАК ВОЙНА ЗА МИР БЕЗ ВОЙНЫ

К публикации исследования:

Е. Гнедин

ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР
И ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

«Новый библиограф» – Научное издание выходит 2 раза в год под редакцией Сергея Дедулина
 «Nouveau bibliographe» – Publication scientifique biannuelle sous la direction de Serge Deduline
 Верстка: Фаня Фишер / Mise en page Fanya Fischer
 Издатель – Русский Институт в Париже • © L'Institut Russe de Paris
 ISSN en cours • Цена 20 евро / Prix 20 euro • Электронный адрес: inrusseparis@yahoo.fr
 Годовая подписка: 50 евро (подписка с поддержкой – 200 евро) банковским чеком на счет «L'Institut Russe de Paris»